ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Емельянов Евгений Павлович

Творческий путь Н.В. Устюгова в контексте развития советской исторической науки

Специальность 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования

Диссертация
на соискание учёной степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:

доктор исторических наук
Побережников И.В.

Екатеринбург – 2016

Оглавление

Введение……...4
Глава 1. Формирование тематики исследований Н. В. Устюгова……...26
1.1. Начало формирования исторических взглядов…….....…….26
1.2. Изучение истории русского крестьянства XIX в……....40
1.3.Начало профессиональной научно-педагогической деятельности .....……..50
1.4. Формирование взглядов на историю кочевых народов Центральной Азии и Приуралья……..…….....….68
1.5. Участие Н. В. Устюгова в Великой Отечественной войне……....89

Глава 2. Изучение Н. В. Устюговым истории народов СССР (1945–1963 гг.)……..102
2.1. Начало работы Башкирской комиссии Института истории АН СССР……...102
2.2. Создание концепции «свободного вассалитета»…….. …113
2.3.Участие Н. В. Устюгова в подготовке второй редакции «Очерков по истории Башкирии»……128
2.4. Работа над монографией о башкирском восстании 1737–1739 г……147
2.5. Переработка «Очерков по истории Башкирии» в соответствии с идеологической формулой «абсолютного блага»……..…..157
2.6. Завершение работы над «Очерками истории СССР» и создание итоговой редакции «Очерков по истории Башкирской АССР»……..173
2.7. Изучение истории кочевых народов в конце 1950-х–начале 1960-х гг……..……184

Глава 3. Изучение Н. В. Устюговым истории России раннего Нового времени и вспомогательных исторических дисциплин (1945–1963 гг.)……..195
3.1. Возникновение научной школы Н. В. Устюгова и его работа

в области вспомогательных исторических дисциплин……..……195
3.2. Изучение истории русского ремесла и торговли
XVII в……209
3.3. Изучение истории российских приказов XVII в……..…....227
3.4. Изучение истории солеваренной промышленности Соли Камской
в XVII в…….234
3.5. Изучение истории русского крестьянства
XVII–XVIII вв……..254

Заключение……...265

Список литературы……..271

Введение

Актуальность темы исследования. Одной из основных задач, стоящих перед современной российской исторической наукой, является научное осмысление опыта своей непосредственной предшественницы – советской историографии. На наш взгляд, важнейшим условием успешного решения данной задачи является отход от практики изучения лишь опубликованных научных работ и обращение к истории их создания и биографиям их авторов. Данное обстоятельство придаёт высокую актуальность изучению творческого пути отдельных учёных, сыгравших ведущую роль в развитии советской исторической науки. Одним из крупнейших отечественных историков, работавших в советский период, являлся профессор Николай Владимирович Устюгов, ставший автором концепций «свободного вассалитета» башкир и раннего генезиса капитализма в России и основоположником собственной научной школы. Но, несмотря на это, его жизнь и творчество до настоящего времени не становились объектами диссертационного исследования и могут быть отнесены к малоизученным темам в истории советской исторической науки.

Объект исследования. Советская историческая наука 1920-х–1960-х гг.

Предмет исследования. Творческий путь Н. В. Устюгова в контексте развития советской исторической науки. Несмотря на свой высокий эвристический потенциал, термин «творческий путь учёного» почти не используется в историографических трудах[1] и до настоящего времени не подвергался формализации. В настоящей работе мы понимаем под творческим путём учёного развитие во времени его исследовательской деятельности.

Хронологические рамки. Исследование охватывает период от начала исторического образования Устюгова в 1907 г. до его смерти в 1963 г.

Степень изученности темы исследования. В зависимости от объекта своего изучения научная литература по теме диссертации делится на четыре группы: общие труды, дающие панорамную картину развития советской

[1] Исключение: Шаров А. В. Творческий путь и научное наследие академика Бориса Александровича Тураева. Дисс… канд. ист. наук.. М., 1999.

исторической науки 1920–1960-х гг.; биографические труды об историках, работавших в СССР в это время; работы о жизни и творчестве самого Устюгова; работы, посвящённые отдельным историографическим проблемам, изучавшимся Устюговым.

Активное появление общих работ по истории советской исторической науки началось в СССР в эпоху «оттепели», когда в историографических трудах на смену идеологической критике и апологетике пришёл научный анализ работы историков. В 1960 г. началось издание многотомных «Очерков истории исторической науки в СССР», а с 1965 г. начал выходить ежегодник «История и историки», на страницах которого уделялось значительное внимание развитию советской исторической науки. В те же годы стали появляться работы о становлении исторической науки в СССР, среди которых следует выделить труды Г. Д. Алексеевой и Л. В. Ивановой[2]. Позднее, в конце 1980-х гг., появилась работа А. С. Барсенкова, посвящённая развитию советской исторической науки в послевоенный период[3]. Характерными чертами данных исследований являлось следование идеологическому классовому подходу при рассмотрении историографических явлений и сосредоточение на развитии научных учреждений и содержании опубликованных работ историков. В соответствии с изменениями, произошедшими в советском обществе в период «перестройки» несколько отличалась от вышеназванных трудов работа саратовского историка Г. Д. Бурдея «Историк и война», посвящённая деятельности советских историков в период Великой Отечественной войны. Её отличительной чертой являлось выделение негативной роли сталинского режима в развитии советской историографии[4].

Крупнейшим историографическим трудом, созданным в рамках данного подхода, стал пятый том «Очерков истории исторической науки в СССР», вышедший в 1985 г. Коллектив его авторов постарался дать широкий обзор основных научных проблем, поднимавшихся в советской исторической науке в

---

[2] Алексеева Г. Д. Октябрьская революция и историческая наука в СССР (1917–1923). М., 1968. Иванова Л. В. У истоков советской исторической науки: подготовка кадров историков-марксистов в 1917–1929 гг. М., 1968.
[3] Барсенков А. С. Советская историческая наука в послевоенные годы (1945–1955). М., 1988.
[4] Бурдей Г. Д. Историк и война. Саратов, 1991.

1930–1960-х гг., содержания посвящённых им трудов и хода вызванных ими дискуссий. Вместе с тем в нём оказался не затронут ряд важнейших тем, активно разрабатывавшихся в советской исторической науке того времени, в частности, в нём было проигнорировано развитие исследований по истории народов СССР[5].

Апологетические работы о советской исторической науке ушли в прошлое вместе с распадом СССР. Общая переоценка советского прошлого в 1990-е гг. привела к появлению трудов, сочетавших подчёркивание достижений советской историографии с акцентированием идеологического давления на неё со стороны коммунистической партии. Наиболее ярким проявлением данного подхода стала коллективная монография «Историческая наука России в XX веке», вышедшая в 1997 г. под редакцией Г. Д. Алексеевой[6]. Вместе с тем в это же время стали появляться работы, в которых советские историки изображались не жертвами, а прислужниками тоталитарного режима. В данном ключе была написана статья Ю. Н. Афанасьева «Феномен советской историографии», вышедшая в сборнике «Советская историография», в 1996 г. Афанасьев отрицал научный характер советской историографии и утверждал, что её основной задачей являлось обслуживание идейно-политических потребностей тоталитарного государства[7].

Проблема взаимоотношений советских историков и тоталитарного государства осталась ведущей историографической темой и в начале XXI в. Важнейшей чертой историографических работ этого времени стал перенос исследовательского внимания от готовых исторических работ к процессу их создания и факторам, влиявшим на формирование взглядов советских историков. Это позволило многим авторам уйти от идеологизированных оценок советской исторической науки и перейти к объективному рассмотрению сложных и неоднозначных взаимоотношений власти и учёных-историков. Важнейшими работами, написанными в этом ключе, стали монографии А. М. Дубровского «Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930 -1950-е гг.)» и А. В. Гордона

[5] Очерки истории исторической науки в СССР / Под ред. М. В. Нечкиной. М., 1985.
[6] Историческая наука России в XX веке / Отв. ред. Г. Д. Алексеева. М., 1997.
[7] Афанасьев Ю. Н. Феномен советской историографии // Советская историография. М., 1996. С. 7–41.

«Власть и революция. Советская историография Великой французской революции, 1918-1941.», а также книга В. В. Тихонова «Историки, идеология, власть в России XX века: Очерки»[8]. Среди работ Тихонова из вышеназванной книги следует выделить очерк «”Тут явно сквозит дух объективизма…”: создание «Очерков по истории Башкирии» в 1940-е – начале 50-х гг.», впервые опубликованный в 2013 г. и содержащий ценные сведения по истории создания второй и третьей редакций «Очерков по истории Башкирии», в подготовке которых принимал активное участие Н. В. Устюгов[9].

Ещё одним примером использования новых методов в изучении взаимодействия власти и исторической науки стала работа А. Л. Юрганова «Русское национальное государство». Важнейшим достижением Юрганова явилось выделение в текстах советских историков значительного цитатного пласта, содержащего выдержки из канонических текстов советской идеологии, что сближает произведения советской историографии с книжными памятниками Средневековья[10]. Вместе с тем, на наш взгляд, Юрганов неправомерно отказал советским историкам в оригинальном научном творчестве, утверждая, что их работы являлись лишь толкованием трудов классиков марксизма-ленинизма. Приведнный в диссертации фактический материал доказывает неверность данного тезиса Юрганова и правоту исследователя советской этнографии С. С. Алымова, утверждавшего, что у советских историков следование официальной идеологии сочеталось с наличием глубоко фундированных и последовательных научных убеждений[11]. Поиском в советской историографии констант, независимых от идеологических трансформаций, занимался и А. С. Усачёв, предложивший использовать при рассмотрении развития исторической науки концепцию «долгого времени», разработанную во французской школе «Анналов».

---

[8] Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005. Гордон А. В. Власть и революция. Советская историография Великой французской революции , 1918–1941. Саратов, 2005.

[9] Тихонов В. В. «Тут явно сквозит дух объективизма…»: создание «Очерков по истории Башкирии» в 1940-е–начале 50-х гг. // Тихонов В. В. Историки, идеология, власть в России XX века: Очерки. М, 2014. С. 139–147.

[10] Юрганов А. Л. Русское национальное государство. М., 2011. С. 12.

[11] Алымов С. С. Космополитизм, марризм и прочие «грехи»: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940-х–1950-х гг. // Новое литературное обозрение. 2009. № 97. С. 7–36.

В статье «”Longue durèe” советской историографии», опубликованной в 2002 г., он обратился к поиску исторических мифологем, разделявшихся представителями дореволюционной и советской историографии независимо от их идеологических убеждений[12].

В 2000-е гг. новые подходы стали использоваться и в исследованиях, направленных на изучение внутреннего развития советской исторической науки. В это время школа омских историографов во главе с В. П. Корзун обратилась к исследованию изменений образа науки в представлениях советских историков и влияния на их творчество научной повседневности. Данные проблемы были рассмотрены в коллективных монографиях «Очерки истории отечественной исторической науки XX века» и «Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг.», вышедших под редакцией В. П. Корзун, а также в диссертации Н. В. Кефнер «Научная повседневность послевоенного поколения советских историков»[13].

Московские (В. В. Тихонов) петербургские (К. В. Петров) и челябинские (Н. В. Гришина) историки в это время обратились к изучению научных школ и схоларного аспекта развития исторической науки. Н. В. Гришина и В. В. Тихонов посвятили свои работы московской школе русских историков, представители которой выступили учителями Н. В. Устюгова в исторической науке. Н. В. Гришина изучила роль школы В. О. Ключевского в отечественной науке и культуре на рубеже XIX–XX вв[14]. В. В. Тихонов проанализировал жизнь и творчество представителей младшего поколения московской исторической школы и рассмотрев судьбы её представителей в советский период[15]. К. В. Петров охарактеризовал развитие научных школ, изучавших историю Зауралья в средние

[12] Усачёв А. С. «Longue durèe» советской историографии // Общественные науки и современность. 2002. № 2. С. 102–113.
[13] Очерки истории отечественной исторической науки XX века / Под ред. В. П. Корзун. Омск, 2005. Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. / Под ред. В. П. Корзун. М., 2011. Кефнер Н. В. Научная повседневность послевоенного поколения советских историков: дисс. … канд. ист. Наук. Омск, 2006.
[14] Гришина Н. В. «Школа В. О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. Челябинск, 2010.
[15] Тихонов В. В. Московские историки первой половины XX века. М., 2012.

века и раннее Новое время, с точки зрения научной генеалогии и передачи исследовательских традиций от учителей к ученикам[16].

Внимание к взаимодействию учителей и учеников в исторической науке характерно и для работ Л. А. Сидоровой, выпустившей в 2008 г. монографию «Советская историческая наука середины XX века. Синтез трёх поколений историков». Сидорова выступила основоположником генерационного подхода в историографии, при котором развитие исторической науки рассматривается как смена поколений историков. Следуя социологическому подходу к определению термина «поколение», она определила в качестве критериев отнесения историков к конкретному поколению время получения ими профессионального образования и начала научной деятельности[17].

Первые работы второй группы, посвящённые персоналиям отдельных историков, коллег Н.В. Устюгова, стали появляться на рубеже 1950–1960-х гг. Они представляли собой отдельные статьи, посвящённые выдающимся историкам. Их авторами являлись коллеги и ученики героев статей, а их содержание носило обзорный характер. Постепенное введение в научный оборот исторических источников, связанных с деятельностью советских историков, и рост интереса к роли личности в исторической науке привели к тому, что в конце на рубеже 1980–1990-х гг. изучение данной тематики вышло на монографический уровень. В это время вышли работы Е. В. Чистяковой, А. М. Дубровского, А. А. Чернобаева и В. Б. Кобрина и К. А. Аверьянова, посвящённые, соответственно, жизни и творчеству М. Н. Тихомирова, С. В. Бахрушина, М. Н. Покровского и С. Б. Веселовского[18].

Активное изучение жизни и творчества отдельных советских историков продолжилось и на рубеже XX–XXI вв. В частности, в это время появились монографии В. М. Панеяха и В. В. Тихонова, диссертации М. В. Мандрик, В. Н.

---

[16] Петров К. В. Исследовательские школы по изучению истории Зауралья феодального периода: современное состояние // Россия и мир: панорама исторического развития. Екатеринбург, 2008. С. 154–160.

[17] Сидорова Л. А. Советская историческая наука середины XX в.: синтез трёх поколений историков. М., 2008. С. 5.

[18] Дубровский А. М. С. В. Бахрушин и его время. М., 1992. Чистякова Е. В. Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965). М., 1987. Чернобаев А. А. "Профессор с пикой", или Три жизни историка М.Н. Покровского. М., 1992. Кобрин В. Б., Аверьянов К. А. С. Б. Веселовский. Жизнь. Деятельность. Личность. М., 1989.

Фешкина и М. А. Базанова, которые были посвящены, соответственно, творчеству Б. А. Романова, Б. И. Сыромятникова, Ю. В. Готье, М. К. Любавского и А. А. Зимина[19]. Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на значительный вклад в развитие отечественной исторической науки Н. В. Устюгова, его фигура вплоть до настоящего времени не становилась объектом монографического или диссертационного исследования.

Первые работы третьей группы, непосредственно посвящённые жизни и творчеству Н. В. Устюгова, также стали выходить в 1960-е гг. Как и другие работы, посвящённые персоналиям отдельных советских историков, они представляли собой юбилейные или мемориальные статьи, написанные учениками и коллегами их героя. Первой работой, направленной на увековечивание памяти Устюгова, стала статья его ученика А. А. Преображенского «Николай Владимирович Устюгов», опубликованная в 1965 г. в шестом выпуске «Материалов по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР»,[20]. В 1966 г. из печати вышел сборник «Города феодальной России», посвящённый памяти Н. В. Устюгова и приуроченный к 70-летию со дня его рождения. Сборник предваряла статья Преображенского «Творческий путь Николая Владимировича Устюгова», содержавшая общий обзор его биографии и основных составляющих научно-педагогической деятельности. В своей работе Преображенский выделял три направления исследований Устюгова: история России позднефеодальной поры (XVII – первой половины XIX в.), история народов СССР, вспомогательные исторические дисциплины. Он подсчитывал их долю в творческом наследии учёного и указывал, что к первому направлению относятся 76, ко второму 44, а к третьему 20 напечатанных работ Устюгова. При этом он указывал, что наибольших результатов Устюгов добился в разработке

[19] Панеях В. М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000. Тихонов В. В. Историк «старой школы»: Научная биография Б. И. Сыромятникова. Pisa, 2008. Мандрик М. В. Юрий Владимирович Готье 1873–1943. Дисс… канд. ист. наук. СПб., 2000. Фешкин В. Н. Жизнь и научная деятельность М. К. Любавского в г. Уфе: 1931–1936 гг. Дисс… канд. ист. наук. Уфа, 2009. Базанов М. А. Александр Александрович Зимин: биография историка в контексте развития отечественной науки. Дисс… канд. ист. наук. Екатеринбург, 2014.

[20] Преображенский А. А. Николай Владимирович Устюгов // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1965. Сб. VI. С. 3–14.

проблемы генезиса капитализма в России, относящейся к первому направлению исследований[21].

В 1970 г. вышел сборник «Аграрная история Европейского Севера СССР», в котором была напечатана статья одного из крупнейших специалистов по истории России XVIII в., племянника Устюгова, С. М. Троицкого «Николай Владимирович Устюгов как историк Европейского Севера СССР». Рассматривая изучение Устюговым истории Русского Севера, Троицкий уточнял тематическую классификацию устюговского творчества, сделанную Преображенским, и указывал, что в центре научных интересов Устюгова находилась история России XVII в., которой было посвящено свыше пятидесяти работ исследователя. Уделяя основное внимание изучению Устюговым генезиса капитализма в России, он подчёркивал, что без обращения к устюговским работам невозможно окончательное решение данной дискуссионной проблемы. Также Троицкий одним из первых попытался дать характеристику научной школы Устюгова, в которую он включал его учеников, занимавшихся социально-экономической историей России XVII–XVIII вв. и ставивших в центр своих исследований вопросы генезиса капитализма в России[22]. На наш взгляд такое определение персонального состава школы Устюгова является недостаточным, так как устюговские ученики развивали идеи своего учителя и в других областях исторической науки. Так, Е. И. Каменцева продолжала исследования Устюгова в области вспомогательных исторических дисциплин, а Н. Ф. Демидова развивала взгляды Устюгова на историю башкирских восстаний.

В 1966–1967 гг. в Архиве АН СССР был сформирован личный фонд Н. В. Устюгова (ф. 1535), после чего в научный оборот стали активно вводиться архивные документы, связанные с жизнью и деятельностью учёного. В 1970 г. вместе со статьёй С. М. Троицкого в сборнике «Аграрная история Европейского Севера СССР» была опубликована статья сотрудницы Архива АН СССР Н. Г.

---

[21] Преображенский А. А. Творческий путь Николая Владимировича Устюгова // Города феодальной России. Сб. ст. памяти Н. В. Устюгова. М, 1966. С. 10.

[22] Троицкий С. М. Николай Владимирович Устюгов как историк Европейского Севера СССР // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 42.

Михайловой «Переписка военных лет Н. В. Устюгова в Архиве АН СССР», посвящённая проявлению лучших человеческих качеств Устюгова в его письмах с фронта. В том же году вышел Археографический ежегодник 1968 г., в котором была напечатана статья Н. Г. Михайловой «Обзор документальных материалов фонда Н. В. Устюгова», дававшая краткую характеристику документов, поступивших в составе фонда Устюгова в Архив Академии наук. В 1974 г. в сборнике научного наследия Н. В. Устюгова была опубликована статья Михайловой «Н. В. Устюгов как педагог (По материалам Архива АН СССР)», содержавшая краткий тематический обзор лекций и семинаров Устюгова, а также работ его учеников[23].

Педагогические аспекты деятельности Устюгова также были рассмотрены в статье ученицы Устюгова Е. И. Каменцевой «Работа Н. В. Устюгова в области вспомогательных исторических дисциплин», опубликованной вместе со статьёй Н. Г. Михайловой в Археографическом ежегоднике 1968 г. Поскольку изучение Устюговым вспомогательных исторических дисциплин было тесно связано с его преподавательской деятельностью в Московском Историко-архивном институте (далее МГИАИ), в статье Каменцевой были рассмотрены не только работы Устюгова по вспомогательным дисциплинам, но и его взгляды на особенности преподавания в высшей школе[24].

В 1980-х–1990-х гг. к изучению творчества Устюгова обратились историки Южного Урала. В 1988 г. вышла статья челябинского историка Т. А. Дёминой «Проблемы истории крестьянства Южного Зауралья в трудах Н. В. Устюгова». Помимо рассмотрения опубликованных работ учёного по данной тематике, она кратко охарактеризовала незавершённое исследование Устюгова по истории хлебного рынка Южного Зауралья. Свой вывод о тематике последних незавершённых работ Устюгова, Дёмина делала на основании листов

[23] Михайлова Н. Г. Переписка военных лет Н. В. Устюгова в Архиве АН СССР // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 57–63; Она же. Переписка военных лет Н.В. Устюгова в Архиве АН СССР // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 57–63; Она же. Н.В. Устюгов как педагог (По материалам Архива АН СССР) // Устюгов Н.В. Научное наследие. М., 1974. С. 11–17.

[24] Каменцева Е. И. Работа Н. В. Устюгова в области вспомогательных исторических дисциплин // Археографический ежегодник. 1968. М., 1970. С. 281–285.

использования документальных материалов Центрального государственного архива древних актов (далее ЦГАДА). Оценивая выводы Устюгова по данной теме, она провела их сопоставление с данными источников из фондов ЦГАДА, Государственных архивов Оренбургской и Челябинской областей, которое подтвердило правоту взглядов учёного[25]. В 1997 г. были опубликованы тезисы доклада челябинского краеведа Л. А. Циприса «И снова об Устюгове», попытавшегося дать краткую характеристику исследований Устюгова по истории Урала. В своём докладе Циприс уделил основное внимание исследованиям Устюгова по истории Южного Зауралья и подчеркнул ценность фактического материала, приведённого в его работах[26].

В постсоветский период продолжили обращаться к биографии Устюгова и его ученики. В 2000 г. вышла статья А. И. Комиссаренко «Формирование и развитие научной школы Николая Владимировича Устюгова в историко-архивном институте Российского государственного гуманитарного университета», в которой давалась краткая история студенческого научного кружка, созданного Устюговым в МГИАИ и подробно разбиралась тематика работ его участников[27]. В 2001 г. в сборнике «Историки России: биографии» вышел очерк А. А. Преображенского «Устюгов Николай Владимирович», созданный на основе его статей 1960-х гг. В этом очерке Преображенский осветил основные проблемы, разрабатывавшиеся Устюговым, и повторял вывод Троицкого о том, что в центре научных интересов Устюгова находилась российская история XVII в[28]. В 2009 г. вышла статья А. И. Комиссаренко «Николай Владимирович Устюгов – участник сессий симпозиума по аграрной

[25] Дёмина Т. А. Проблемы истории крестьянства Южного Зауралья в научном наследии Н. В. Устюгова // Советская историография отечественной истории. М, 1988. С. 103–106.
[26] Циприс Л. А. И снова об Устюгове // Выдающиеся представители общественно-политической и духовной жизни Урала: тезисы докладов регион. науч. конф. Челябинск, 1997. С. 85–87.
[27] Комиссаренко А. И. Формирование и развитие научной школы Николая Владимировича Устюгова в историко-архивном институте Российского государственного гуманитарного университета // Историческая наука на рубеже веков. Екатеринбург, 2000. С. 242–252.
[28] Преображенский А. А. Устюгов Николай Владимирович // Историки России: биографии. М., 2001. С. 714-720.

истории Восточной Европы. 1958-1963 гг.», содержавшая разбор выступлений Устюгова на данном научном форуме[29].

Активно поднимавшийся на этом симпозиуме вопрос о генезисе капитализма в России принадлежал к числу тех дискуссионных проблем, изучение которых подверглось специальному анализу в отечественной историографии. Историографические работы, посвящённые рассмотрению отдельных проблем, изучавшихся Устюговым, выделены нами в четвёртую группу. К ней относятся работы по историографии русского ремесла, возникновения капитализма в России и истории Башкирии XVII–XVIII вв. Изучение вопроса о генезисе капитализма в России в 1940–1960-е гг. было проанализировано Л. В. Даниловой и Ю. Р. Клокманом в разделе пятого тома «Очерков истории исторической науки в СССР», посвящённом историографии российской истории позднефеодального периода. Авторы данного раздела дали подробную характеристику дискуссий о социальной природе русской мануфактуры, роли товарного производства при феодализме и социальном расслоении русского крестьянства в XVII в. Они показали, что концепция раннего генезиса капитализма в России, активно отстаивавшаяся учениками Устюгова и А. А. Новосельского во многом опиралась на положения, высказанные в устюговских работах о мелкотоварном производстве в России XVII в., солеваренной промышленности Прикамья и социальном расслоении русской черносошной деревни[30]. Написанный Даниловой и Клокманом раздел «Очерков истории исторической науки в СССР» стал последней крупной историографической работой, посвящённой изучению вопроса о генезисе капитализма в России, что связано с утратой интереса исследователей к данной тематике в постсоветский период.

Вместе с тем, в постсоветский период было продолжено изучение историографии российского ремесла и башкирских восстаний. Труды

[29] Комиссаренко А. И. Николай Владимирович Устюгов - участник сессий симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. 1958-1963 гг. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография, методы исследования, методология, опыт и перспективы. Вологда, 2009. Кн. 1. С. 30–39.

[30] Данилова Л. В., Клокман Ю. Р. Изучение истории России в период позднего феодализма // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1985. Т. V. С. 187–243.

отечественных исследователей, посвящённые истории российского ремесла X–XX вв. были проанализированы в диссертации С. М. Чистовой, защищённой в 2010 г. Чистова отметила вклад Устюгова и его коллег в изучение социального состава российских ремесленников. При этом она отметила, что их попытки встроить историю российского ремесла в марксистко-ленинские схемы исторического процесса представляются сегодня малопродуктивными[31]. Характеристику историографии башкирских восстаний XVII–XVIII вв. дали И. Г. Акманов и И. М. Гвоздикова в третьем томе «Истории башкирского народа», вышедшем в 2011 г. Они положительно оценили признание Устюговым феодального характера башкирского общества. Вместе с тем они обвинили Устюгова в идеализации политики царизма в Башкирии и дали негативную оценку проводившейся в его работах дегероизации башкирских восстаний[32].

В центре научных интересов Устюгова находилась российская история XVII в. Краткий обзор российских и зарубежных исследований по данной проблематике был предпринят в датской историографии. В 1979 г. в рамках выходившей в Дании серии «Проблемы истории России и Советского Союза» была опубликована работа С. О. Кристенсена «История России XVII в. Обзор исследований и источников», переведённая в 1989 г. на русский язык. В своём обзоре Кристенсен кратко изложил основные выводы работ Устюгова и его учеников, посвящённых приказному строю и генезису капитализма в России XVII в[33].

В целом можно отметить, что, несмотря на значительные успехи, достигнутые в изучении истории советской исторической науки, историографическая картина жизни и творчества Н.В. Устюгова остаётся фрагментарной и неполной. В частности, в литературе не проводилась периодизация творческого пути Н.В. Устюгова и не изучались его адаптация к изменениям советской идеологии и эволюция его методологических взглядов. До

---

[31] Чистова С. М. Отечественная историография городского ремесленного производства России. Дисс… канд. ист. наук. М., 2010. С. 107–147.

[32] Акманов И. Г., Гвоздикова И. М. Изучение истории башкир второй половины XVI–XVIII вв. // История башкирского народа. Уфа, 2011. Т. III. С. 11–12.

[33] Кристенсен С. О. История России XVII в. Обзор исследований и источников. М., 1989. С. 51, 57, 107, 122, 133.

настоящего времени не становились предметом научного анализа его труды по истории народов СССР. За рамками исследований оставался вопрос о связях его работ с трудами отечественных историков предшествующих и последующих поколений.

Цель и задачи исследования. Целью исследования является реконструкция творческого пути Н. В. Устюгова и установление его вклада в развитие отечественной исторической науки. Данная цель определяет следующие задачи исследования:

- изучение формирования исторических взглядов Н. В. Устюгова,
- выявление теоретико-методологических принципов, лежавших в основе исследований Н. В. Устюгова
- анализ основных исторических концепций, сформулированных Н. В. Устюговым
- выделение основных этапов творческого пути Н. В. Устюгова
- анализ влияния работ Н. В. Устюгова на его учеников и коллег.

Источниковая база. При отборе источников по теме исследования мы придерживались позиции С. О. Шмидта, подчёркивавшего важность привлечения архивных документов при написании историографических работ[34]. Поэтому в основу работы были положены не только опубликованные, но и неопубликованные источники из фондов Архива РАН (далее АРАН): ф. 350, ф. 1535, – Государственного архива Томской области (далее ГАТО): ф. 102, – Научного архива Института Российской истории РАН (далее НА ИРИ РАН): ф. 1. раздел «А», ф. 10, – Центрального архива Министерства обороны РФ (далее ЦАМО): ф. 33. Использованные в работе источники делятся на два блока: историографический и исторический. К историографическому блоку относится пять групп источников: 1) научные труды Н. В. Устюгова 2) научные труды, отредактированные Устюговым 3) рецензии на его работы со стороны других историков; 4) научные труды коллег и предшественников Устюгова; 5) статьи

[34] Шмидт С. О. Архивный документ как историографический источник // Шмидт С. О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 177–205.

партийных идеологов, отражающие изменения официальных оценок в исторической науке.

В свою очередь первую группу, к которой относятся научные труды Устюгова можно разделить на две подгруппы, различающиеся по степени выраженности в них научных взглядов историка. К первой подгруппе относятся статьи Устюгова в Трудах Историко-архивного института, Материалах научной сессии, посвящённой 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству, Ежегодниках по аграрной истории Восточной Европы и сборниках научных конференций. Характерной особенностью источников данной подгруппы является относительная слабость идеологического контроля при их подготовке, внешним проявлением которой служит отсутствие в них ссылок на труды классиков марксизма-ленинизма. Благодаря этому в источниках данной подгруппы нашли отражение взгляды Устюгова, выходившие за рамки официальной идеологии. К важнейшим источникам данной подгруппы относится статья «Увольнение крестьян в свободные хлебопашцы по духовному завещанию», написанная на основе позитивистской методологии. Также среди источников данной подгруппы следует выделить статьи Устюгова о колонизации Южного Зауралья, содержащие вывод о взаимной обусловленности правительственной и вольной колонизации[35].

Ко второй подгруппе относятся монографии, разделы в обобщающих трудах, статьи в периодических и продолжающихся изданиях, учебная литература. Характерной особенностью источников данной подгруппы является наличие длительного редактирования, включающего стилистическую, идеологическую и научную правку готовившихся текстов. Поэтому при работе с ними следует учитывать, что взгляды Устюгова предстают в них приспособленными к той идеологической ситуации, которая существовала в момент публикации данных трудов. Важнейшими источниками данной

[35] Устюгов Н. В. Увольнение крестьян в свободные хлебопашцы по духовному завещанию // Труды Историко-архивного института. М., 1947. Т. 3. С. 142–169. Устюгов Н. В. Из истории русской крестьянской колонизации Южного Зауралья в XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1958. Таллин, 1959. С. 33–42. Устюгов Н. В. Основные черты русской колонизации Южного Зауралья в XVIII в. // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 67–74

подгруппы являются монографии «Башкирское восстание 1737–1739 гг.», «Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в.», и статьи «Башкирское восстание 1662–1664 гг.» и «К вопросу о социальном расслоении русской черносошной деревни XVII в». Данные работы содержат ключевые положения двух основных концепций, созданных Устюговым: «свободного вассалитета» башкир и раннего генезиса капитализма в России[36].

Характерной особенностью источников второй группы, в которую входят научные труды, отредактированные Устюговым, является сочетание в них взглядов Устюгова со взглядами других исследователей. При этом следует отметить, что отредактированные им работы нередко включали в себя целые пласты его текста. А. А. Преображенский позднее вспоминал, что в одной из стенгазет Института истории был размещён образец редакторской работы Устюгова, на странице которого сохранилось лишь 2-3 строки авторского текста, а всё остальное было написано редактором[37]. Иногда текст, включённый Устюговым в состав редактируемого труда, в дальнейшем публиковался им уже под своим именем. В частности, текст о прогрессивном значении русской колонизации Башкирии был первоначально опубликован в первой части первого тома «Очерков по истории Башкирской АССР» в отредактированном Устюговым параграфе Н. Г. Аполловой о политике царизма в Башкирии в первой половине XVIII в., а затем был напечатан в составе доклада Устюгова на научной сессии посвящённой 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству[38].

Источники третьей группы, к которой относятся рецензии на труды Устюгова со стороны его коллег, позволяют установить историографический контекст появления его работ и реакцию на них со стороны современников.

---

[36] Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1737–1739 гг. М.:Л., 1950. Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М, 1957. Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки. М., 1947. Т. 24. С. 30–110. Устюгов Н. В. К вопросу о социальном расслоении русской черносошной деревни XVII в. // История СССР. 1961. № 6. С. 60–79.

[37] Преображенский А. А. Устюгов Николай Владимирович // Историки России: биографии. М., 2001. С. 718.

[38] Аполлова Н. Г.Хозяйство, социальные отношения и политика царизма в Башкирии в первой половине XVIII в. // Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1956. С. 144-145. Устюгов Н. В. О характере башкирских восстаний XVII – первой половины XVIII вв. // Материалы научной сессии, посвящённой 400-летию присоединения Башкирии к русскому государству. Уфа, 1958. С. 111.

Рецензии В. И. Шункова и С. Л. Пештича на монографию «Башкирское восстание 1737–1739 гг.» показывают трансформацию оценок работ советских историков под влиянием изменений официальной идеологии[39]. Рецензии В. К. Яцунского и С. Г. Струмилина на монографию «Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в.» содержат основные положения дискуссии о генезисе капитализма в России, развернувшейся в советской историографии после выхода данной работы Устюгова[40].

С третьей группой тесно связана четвёртая группа источников историографического блока, к которой относятся научные труды коллег Устюгова. Рассмотрение источников данной группы позволяет установить связь работ Устюгова с трудами предшественников и современников и оценить его вклад в историческую науку. Среди источников данной группы следует выделить труды А. П. Чулошникова и А. Н. Сперанского. Созданная Устюговым концепция башкирских восстаний во многом представляла собой опровержение взглядов Чулошникова, а идеи Сперанского послужили стимулом для создания Устюговым концепции раннего генезиса капитализма в России[41].

Источники пятой группы, к которой относятся сочинения идеологов марксизма-ленинизма, позволяют установить характер и направление официального партийного курса, определявшего научную деятельность советских историков. Среди источников данной группы следует выделить сочинения классиков марксизма-ленинизма К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и И. В. Сталина (в 1930–1950-е гг.), оказавшие решающее влияние на концептуальное творчество Устюгова. Из руководящих текстов партийных идеологов на творчество Устюгова оказали наибольшее влияние те, которые определяли смену официальных оценок истории Башкирии в 1930–1950-х гг.: рецензия сотрудника

---

[39] Шунков В. И. Рец. на: Н. В. Устюгов. Башкирское восстание 1737-1739 гг. // Вопросы истории. 1950. № 9. С. 144–146. Пештич С. Л. Об одной ошибочной книге и некритической рецензии // Вестник Ленинградского университета. 1951. № 10. С. 107–115.

[40] Яцунский В. К. Рец. на: Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. // История СССР. 1958. № 1. С. 193–196. Струмилин С. Г. Рец. на: Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. // Вопросы истории. 1958. № 8. С. 172–175

[41] Чулошников А. П. Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII в. // Материалы по истории Башкирской АССР. М.:Л.:Изд-во АН СССР, 1936. Ч. I. С. 3–64. Сперанский А. Н. Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства. М., 1930.

ЦК ВКП (б) М. А. Морозова на «Историю Казахской ССР» и статья М. Д. Багирова «К вопросу о характер движения мюридизма и Шамиля»[42].

По своим характеристикам пятая группа историографических источников близка к источникам исторического блока. Исторический блок источников делится на три вида: нормативно-правовые акты, материалы делопроизводства, источники личного происхождения.

Использованные в диссертации нормативно-правовые акты отражают государственную политику в сфере образования и науки в рассматриваемый период. Среди данных актов следует выделить два постановления ЦК ВКП (б), оказавшие значительное влияние на творчество Устюгова. Совместное постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР» создало условия для возрождения исторической науки в Советском Союзе, что позволило Устюгову стать профессиональным историком[43]. Постановление ЦК ВКП (б) от 27 января 1945 г. «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в башкирской партийной организации» определило направление переработки первой редакции «Очерков по истории Башкирии» в послевоенный период[44]. Наряду с постановлениями ЦК ВКП (б) значительное влияние на характер официальной идеологии оказывали постановления нижестоящих государственных органов. Так, общая линия переоценки истории народов СССР в довоенный период была задана постановлением жюри правительственной комиссии конкурса на лучший учебник по истории СССР для 3 и 4 классов средней школы, провозглашавшим присоединение к России наименьшим злом для украинцев и грузин[45].

---

[42] Морозов М. А. Об «Истории Казахской ССР» // Большевик. 1945. № 6. С. 74–80. Багиров М. Д. К вопросу о характер движения мюридизма и Шамиля // Большевик. 1950. № 13. С. 21–37.

[43] Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» // Историк-марксист. 1934. № 3. С. 83–84.

[44] Постановление ЦК ВКП (б) «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в башкирской партийной организации» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1985. Т. 7. С. 539–544.

[45] Постановление жюри правительственной комиссии конкурса на лучший учебник по истории СССР для 3 и 4 классов средней школы // Исторический журнал. 1937. № 8. С. 1–5.

Среди использованных делопроизводственных документов особую ценность представляют протоколы и стенограммы совещаний, посвящённых обсуждению трудов, в подготовке которых принимал участие Устюгов. С одной стороны, источники данной группы позволяют выявить взгляды Устюгова по различным историческим вопросам, не подвергнувшиеся редакторской обработке. С другой, они позволяют установить реакцию на высказывание Устюговым своих взглядов со стороны его коллег. Среди источников данной группы следует выделить стенограммы совещания Башкирской комиссии 4–7 февраля 1946 г. и заседания сектора истории СССР до XIX в. Института истории АН СССР 23 марта 1950 г[46].

Источники личного происхождения раскрывают отношение советских историков к исторической науке, преподаванию и коллегам. При работе над диссертацией было использовано три разновидности источников личного происхождения: переписка, дневники и мемуары. Раскрывая взгляды Устюгова, эпистолярные источники также содержат ценный фактический материал для реконструкции его биографии в периоды непрофессиональных занятий исторической наукой (1924–1934) и участия в Великой Отечественной войне (1941–1945). Ценные биографические сведения содержатся в письмах Устюгова, адресованных Т. А. Бакуниной (Осоргиной) и Е. И. Каменцевой[47], и письмах С. Н. Дурылина, адресованных Устюгову[48].

Использованные в работе мемуарные источники можно разделить на три подгруппы: воспоминания однокурсников Устюгова, воспоминания его коллег и воспоминания студентов МГИАИ. Воспоминания однокурсников Устюгова содержат ценные сведения о формировании его исторических взглядов и научных интересов[49]. Воспоминания коллег Устюгова демонстрируют восприятие его научной деятельности и его концептуальных построений другими советскими

---

[46] АРАН. Ф. 1535. Оп. 3. Ед. хр. 83, 84, 95.

[47] АРАН. Ф. 1535. Оп. 4. Ед. хр. 13. Каменцева Е. И. Письма историка с фронта // Советская историография отечественной истории. М.: МГИАИ,1988. С. 77–97.

[48] АРАН. Ф. 1535. Оп. 4. Ед. хр. 85.

[49] Закс А. Б. Факультет общественных наук МГУ (1921-1924): Из воспоминаний историка // Археографический ежегодник за 1993 г. М., 1995. С. 197–202. Неусыхин А. И. Несколько воспоминаний о встречах с Н. В. Устюговым // Города феодальной России. Сборник статей памяти Н. В. Устюгова. М., 1966. С. 23–25.

историками[50]. Данные источники отражают в первую очередь индивидуальность их авторов. Сообщаемая в них информация нередко содержит неточности, а приводимые оценки коллег авторов продиктованы личными взаимоотношениями между ними. Примером этого служат «Воспоминания историка» Н. И. Павленко, который критически относился к творчеству Устюгова и его учеников, названных им ироническим термином «лаптеведы»[51]. В своих воспоминаниях Павленко утверждал, что монография Устюгова о башкирском восстании 1737–1739 гг. содержала положительные оценки башкирского движения и носила описательный характер[52]. Между тем, в этой монографии Устюгов писал о реакционной составляющей башкирского восстания и выдвигал концепцию «свободного вассалитета» башкир[53]. Менее пристрастный характер носят воспоминания студентов МГИАИ, передающие впечатление, производившееся лекциями и семинарами Устюгова на их слушателей[54].

Методология и методы исследования. Диссертация основывается на принципах историзма, объективности и системности. Историографическая тематика работы обусловливает выбор в качестве основной методологии исследования интеллектуальной истории. Высокий эвристический потенциал данной методологии связан с её ориентацией на изучение не только результатов интеллектуальной деятельности человека, но и самого процесса их получения[55]. Поскольку предметом нашего исследования является творческий путь

---

[50] Зимин А. А. Храм науки // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / Сост. А. Л. Хорошкевич. М., 2015. С. 35–382. Павленко Н. И. Воспоминания историка // Родина. 2010. № 8. С. 32–34. № 10. С. 22–24. Чемерис В. П. Несколько лет из прошлого: время, события, люди // URL: http://posredi.ru/blog08_20_BFAN_1951-1954.html (дата обращения: 31 июля 2015 г.).

[51] Зимин А. А. Храм науки // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / Сост. А. Л. Хорошкевич. М.: Аквариус, 2015. С. 60. Павленко Н. И. Воспоминания историка // Родина. 2010. № 10. С. 22

[52] Павленко Н. И. Воспоминания историка // Родина. 2010. № 10. С. 24.

[53] Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1737-1739 гг. М.; Л., 1950. С. 5–9.

[54] Батаева Т. В. "Наш набор 1945 г. был первым послевоенным…" Воспоминания об Историко-архивном институте // Отечественные архивы. 2005. № 1. С. 88–110. Из воспоминаний об Историко-архивном институте. Интервью Н. Ф. Демидовой А. Ю. Клименко и Е. В. Пчёлову // Гербовед. № 95. 2007. С. 8–18. Историко-архивный институт. Сборник воспоминаний // URL: http://iai.rsuh.ru/section.html?id=9512 (дата обращения 20. 01. 2015). Каменцева Е. И. Первые годы работы кафедры вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института // Гербовед. 2004. № 75. С. 8–11. Ковальчук Н. А. «Историко-архивный институт стал моим родным домом» // Отечественные архивы. 2003. № 4. С. 74–97. Преображенский А. А. Из воспоминаний об учителе // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 48–56.

[55] Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 237.

конкретного учёного, в работе также применяется научно-биографический подход. Указанная специфика тематики и предмета исследования обусловливает выполнение нашей работы в жанре интеллектуальной биографий, сочетающем в себе черты исследования по интеллектуальной истории и научной биографии. На наш взгляд, критерии, определяющие специфику данного жанра, наиболее точно были сформулированы П. А. Алиповым, писавшим, что его отличительными чертами являются внимание к интеллектуальной эволюции героев исследования и влиянию на них окружающей социокультурной среды[56]. Кроме вышеназванных подходов в работе используется генерационный подход к изучению истории исторической науки. Автором данного подхода является Л. А. Сидорова, связывающая особенности творчества историков с их принадлежностью к определённому поколению исследователей. Согласно её мнению, критерием, объединяющим историков в одно поколение, является период, в который они начали заниматься исторической наукой[57].

В исследовании применяются специальные методы исторической науки: историко-генетический и историко-типологический. Также в работе используется метод текстологического анализа.

Научная новизна исследования заключается в его следующих особенностях. Во-первых, в нём дана первая периодизация творческого пути Устюгова и впервые выявлена эволюция его методологических взглядов. Во-вторых, в нём впервые проанализирована адаптация Устюгова к изменениям официальной идеологии и установлена неравномерность отражения данных изменений в его научном творчестве, связанная с тематикой его конкретных работ. В-третьих, в нём впервые введён в научный оборот ряд источников по историографии истории Башкирии (черновые редакции «Очерков по истории Башкирской АССР» и стенограммы их обсуждения на совещаниях историков в Москве и Уфе).

Положения, выносимые на защиту.

---

[56] Алипов П. А. Жанр интеллектуальной биографии в современной российской историографии // Будущее нашего прошлого. Материалы Всероссийской научной конференции: РГГУ, 15–16 июня 2011 г. М., 2011. С. 18.
[57] Сидорова Л. А.Указ. соч. С. 5

1) Специфику научного творчества Н. В. Устюгова определила его принадлежность к первому поколению советских историков, получивших образование в университетах. Характерной чертой исследований данной группы учёных являлась тематическая и методологическая близость к трудам историков «старой школы».

2) Сосредоточение Устюгова на исследовании социально-экономической тематики носило закономерный характер и было обусловлено сочетанием идеологических и внутринаучных факторов. Данная тематика находилась в центре научных интересов историков «старой школы», оказавших решающее влияние на формирование исторических взглядов Устюгова. Кроме того её изучение провозглашалось приоритетным в марксистской идеологии и пользовалось поддержкой со стороны руководства советской исторической науки.

3) Наиболее ярко адаптация Устюгова к изменениям советской идеологии проявилась в его работах по истории Башкирии, составляющих основную часть его трудов по истории народов СССР. Во взглядах Устюгова на башкирскую историю выделяются две части: вариативная и инвариантная. К вариативной части относится общая оценка башкирских восстаний, изменявшаяся в соответствии с колебаниями официального идеологического курса. К инвариантной части, проявлявшейся в различном виде во всех работах Устюгова по башкирской истории, относятся тезисы о наличии значительных пережитков родового строя в башкирских общественных отношениях и лидирующей роли представителей башкирской знати (т. н. феодалов) в башкирских восстаниях. Также к инвариантной части относятся подчёркивание негативных сторон башкирских восстаний, выливавшихся в разорение русских поселений, и акцентирование прогрессивности русской колонизации Башкирии, способствовавшей развитию производительных сил края.

4) Идеологической основой трудов Устюгова по проблемам социально-экономического развития России XVII в. служили ленинские слова о начале примерно с XVII в. нового периода русской истории. Но, занимаясь изучением данной тематики, Устюгов не просто иллюстрировал ленинские фразы

историческими фактами, а развивал исследования своих старших коллег: С. В. Бахрушина и А. Н. Сперанского, – отмечавших применение наёмного труда и распространение рыночных отношений в экономике России XVII в.

5) Работы Н. В. Устюгова и его учеников продолжали традиции младшего поколения представителей московской школы историков (С. В. Бахрушина, А. И. Яковлева, С. Б. Веселовского и др.). Их близость проявлялась в общности тематики исследований (социально-экономическая история России XVI – XVIII вв.), насыщенности работ фактическим материалом и активном привлечении актов, писцовой и приказной документации.

Практическая значимость исследования Результаты диссертационной работы могут быть использованы при создании обобщающих трудов по истории отечественной исторической науки, подготовке учебных пособий по историографии истории России и разработке учебных курсов по историографическим дисциплинам.

Апробация результатов исследования. Диссертация была обсуждена на заседании сектора методологии и историографии ИИиА УрО РАН. Основные положения работы отражены в 11 публикациях (общим объёмом 5,4 п.л.), 4 из которых (общим объёмом 2,2 п.л.) вышли в изданиях из Перечня ВАК. Основные результаты исследования докладывались на 3 международных (Москва, 2013; Екатеринбург, 2015; Оренбург, 2016) и 3 всероссийских научных конференциях (Новосибирск, 2013; Екатеринбург, 2014, 2015).

Структура. Диссертация состоит из трёх глав, введения и заключения. Первая глава выделена по хронологическому признаку. Вторая и третья главы, посвящённые рассмотрению одного хронологического отрезка, выделены по тематическому признаку.

Глава 1. Формирование тематики исследований Н. В. Устюгова

1-1. Начало формирования исторических взглядов

Одним из проявлений процесса модернизации, протекавшего в России в XVIII–XX вв., была постепенная секуляризация социума, выражавшаяся, в частности, в отказе детей священнослужителей от духовной службы и их включении в ряды интеллигенции. И хотя после революции 1917 г. большевистская партия взяла курс на создание новой пролетарской интеллигенции, процесс её пополнения выходцами из духовного сословия продолжался и в первые годы советской власти[58]. К сыновьям священников, выбравших после революции научную и педагогическую деятельность, принадлежал и выдающийся историк, профессор МГИАИ Николай Владимирович Устюгов.

Будущий учёный родился 23 декабря 1896 г. (4 января 1897 г. по новому стилю) на хуторе Синеглазовском Челябинского уезда Оренбургской губернии в семье Владимира Владимировича и Екатерины Ивановны Устюговых[59]. Кроме Николая в семье была ещё старшая сестра Анна, родившаяся в 1895 г[60]. Владимир Владимирович Устюгов происходил из крестьянского сословия[61]. Сын вятского крестьянина, он окончил городское училище и не получил специального духовного образования. Тем не менее многолетние самостоятельные занятия богословием позволили ему принять сан священника. Несмотря на отсутствие аттестата семинарии, он выделялся среди сельских священников своей образованностью и ревностностью в служении. Отец Владимир организовывал церковно-приходские школы и активно проповедовал православную веру среди оренбургских казаков, придерживавшихся старообрядчества. В 1899 г. он перевёлся в село Кочердык Челябинского уезда, а в 1913 г. стал священником на станции Полетаево, расположенной неподалёку от Челябинска. Когда в 1917 г.

---

[58] Федюкин С. А. Советская интеллигенция в 20-х гг. // Изменения социальной структуры советского общества 1921 – середина 30-х гг. М.,1979. С. 147–152, 165.
[59] ГАТО. Ф. 102. Оп. 7. Д. 479. Л. 2.
[60] АРАН. Ф. 350. Оп. 3. Д. 318. Лл. 110–110 об. НА ИРИ РАН. Ф. 10. Оп. 5. Ед. хр. 29. Л. 52.
[61] Троицкий С. М. Николай Владимирович Устюгов как историк Европейского Севера СССР // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 32.

часть прихожан попыталась заменить его священником, получившим семинарское образование, большая часть паствы выступила в его поддержку, и он продолжил службу в Полетаево[62].

Николай Устюгов первоначально готовился к продолжению духовной карьеры отца. В 1907 г. он поступил в четырёхклассное Челябинское духовное училище. Следует отметить, что в те годы преподавателем истории в училище являлся талантливый краевед И. А. Сперанский, перу которого принадлежал «Очерк из церковной истории Оренбургского края с 1739 г. до открытия епархии (1799)». Будучи одним из лучших воспитанников училища, Устюгов окончил его в 1912 г. с правом поступления в духовную семинарию без экзаменов[63]. В том же году он поступил в Оренбургскую духовную семинарию. Полный срок обучения в семинариях в то время составлял 6 лет, но для поступления в университет достаточно было проучиться в них лишь 4 года. Последние два года семинарского обучения посвящались исключительно богословским наукам и непосредственной подготовке выпускников к пастырскому служению[64]. Устюгов проучился в семинарии именно 6 лет вплоть до мая 1918 г[65]. Точно не известно, что побудило его остаться в двух последних классах семинарии, но, возможно, это было связано с тем, что семинаристы пользовались отсрочкой от военного призыва, что было особенно актуально в условиях Первой мировой войны, когда освобождение единственных сыновей в семье от воинской повинности было фактически ликвидировано. Обучаясь в семинарии, Устюгов продемонстрировал значительные успехи в освоении её учебной программы. Он получил отличные оценки по всем предметам, вошедшим в аттестат, за исключением церковной археологии и церковного пения, по которым он получил оценку «очень хорошо», соответствующую отметке «четыре»[66].

---

[62] Гражданин У-ский. Приходские «дельцы» // Оренбургский церковно-общественный вестник. 1917. 12 июля. № 27. С. 4.
[63] Духовенство и церковные деятели по публикациям Оренбургских епархиальных ведомостей за 1912–1917 гг. Челябинск, 2012. Т. 4. С. 205.
[64] Сушко А. В. Духовные семинарии в России до 1917 г. // Вопросы истории. 1996. № 11-12. С. 110.
[65] НА ИРИ РАН. Ф. 10. Ед. хр. 45. Л. 63.
[66] ГАТО. Ф. 102. Оп. 7. Д. 479. Лл. 1–1об.

Закончив Оренбургскую семинарию со званием студента, которое присваивалось только лучшим выпускникам, Устюгов уехал к семье в Челябинский уезд на станцию Полетаево[67]. Начиналась Гражданская война, и в июне 1918 г. Полетаево перешло под контроль Чехословацкого корпуса. Но, несмотря на начало боевых действий, Устюгов решил, после окончания семинарии, продолжить образование в высшем учебном заведении и в сентябре 1918 г. поступил на первый курс историко-филологического факультета Томского университета[68]. Выбор для обучения именно Томского, а не более близкого Казанского университета был, очевидно, связан с тем, что Казань в августе-сентябре 1918 г. фактически находилась на линии фронта, в то время как Томск представлял собой глубокий тыл белых войск. Но по финансовым причинам обучение в Томском университете пришлось прервать вскоре после начала занятий. Из-за недостатка средств Устюгов был вынужден вернуться домой и проработать 1918–1919 учебный год учителем в железнодорожной школе I ступени в Полетаево.

В конце июля 1919 г. Полетаево перешло под контроль Красной армии, продолжившей наступление в Сибирь. В конце августа – начале сентября того же года красноармейское наступление было ненадолго приостановлено в районе Тобольска – Петропавловска. Тем не менее осенью 1919 г. Устюгов вновь приехал в Томск, для чего ему пришлось пересечь линию фронта, и внёс плату за обучение в первой половине учебного года[69]. Но столкнувшись с невозможностью найти работу в самом городе, он был вынужден устроиться учителем в железнодорожную школу I ступени на станцию Литвиново, находящуюся в 130 км. от Томска[70]. Позднее Устюгов вспоминал, что в это время он также трудился на медицинском поприще, принимая участие в борьбе с эпидемией сыпного тифа[71].

---

[67] АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 50. Л. 6.
[68] АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. 1.
[69] ГАТО. Ф. 102. Оп. 7. Д. 479. Л. 8.
[70] АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 50. Л. 6.
[71] Каменцева Е. И. Письма историка с фронта // Советская историография отечественной истории. М., 1988. С. 81.

Летом 1920 г. Устюгов вновь был направлен для работы учителем в Полетаево, но поскольку руководство железной дороги не оформило на него документы об отсрочке от военной службы, он был призван в ряды РККА. Поначалу он проходил службу на административных должностях в Челябинской уездной комиссии по борьбе с дезертирством и Челябинском военном комиссариате. Позднее, в сентябре 1921 г. ему удалось стать штатным преподавателем и начальником учебной части 97-х пехотных учебных курсов, расквартированных в Челябинске[72].

В 1921 г., когда Устюгов находился в армии, началась кампания по пролетаризации высшего образования, в ходе которой право преимущественного поступления в ВУЗы предоставлялось абитуриентам, командированным на учёбу партийными, профсоюзными и комсомольскими организациями[73]. Несмотря на то, что родители Устюгова принадлежали к духовному сословию, а сам он никогда не состоял ни в партии, ни в комсомоле, именно эта кампания помогла ему стать студентом университета. Это было связано с тем, что приоритетом при поступлении, наряду с вышеназванными категориями лиц, обладали и красноармейцы. И в конце 1921 г. руководство курсов направило Устюгова по его просьбе на учёбу в Московский университет, носивший в то время название 1-го МГУ. Юридически его поступление было оформлено как перевод из Томского университета на второй курс МГУ, и в феврале 1922 г. он приступил к занятиям на общественно-педагогическом отделении факультета общественных наук (далее ФОН).[74]

Общественно-педагогическое отделение до марта 1921 г. носило название исторического, и было переименовано в связи с изданием декрета СНК «О плане организации факультетов общественных наук российских университетов», по которому исторические и филологические отделения подлежали упразднению[75]. Целью отделения провозглашалась подготовка учителей обществознания,

[72] АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 41. Лл. 1–4.
[73]Андреев Д. А. «Красное студенчество» в 1921–1924 гг.: контуры образа // Диалог со временем. 2007. Вып. 20. С. 272–273.
[74] НА ИРИ РАН. Ф. 10. Ед. хр. 45. Л. 68.
[75] Иванова Л. В. У истоков советской исторической науки. М.,1968. С. 20.

заменявшего в советской школе курс истории. Переименование отделения сопровождалось коренными изменениями в учебной программе, связанными со стремлением большевистской партии установить идеологический контроль над высшей школой.

Анализируя зачётную книжку Устюгова, мы выделили в учебной программе отделения четыре блока дисциплин, различавшихся по цели и методике преподавания: идейно-политический, экономико-статистический, исторический и педагогический. Наибольшее значение придавалось предметам первого блока, которые должны были читаться преподавателями-коммунистами. К ним относились курсы по истории социализма, истории первобытной культуры и учению о происхождении и развитии общественных форм, истории русской революции, истории Запада XIX в и истории рабочего движения, преподававшиеся, соответственно, деканом ФОН В. П. Волгиным, П. Ф. Преображенским, В. Н. Сторожевым, Н. М. Лукиным и В. Я. Яроцким[76]. Также, наряду с историческими дисциплинами, к данному блоку относились курсы исторического материализма, читавшегося Н. И. Бухариным; экономической политики СССР, преподававшейся М. Г. Бронским; государственного права и государственного устройства РСФСР, читавшихся Д. А. Магеровским, и семинар по историческому материализму повышенного типа, руководителем которого был С. С. Кривцов[77]. Кроме вышеназванных предметов, к идейно-политическому блоку можно отнести философские и экономические курсы, преподаватели которых не состояли в партии большевиков и применяли марксизм как научную теорию. К ним относились курсы политической экономии капитализма, преподававшейся И. А. Трахтенбергом; логики и методологии общественных наук, читавшейся Г. О. Гордоном, истории мировоззрений, читавшейся А. В. Кубицким, и семинар по диалектическому материализму, руководителем которого была Л. И. Аксельрод. К предметам первого блока примыкали и два курса, которые мы выделили в отдельный экономико-статистический блок:

[76] АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 1об.
[77]Там же. Л. 1 об.

теория статистики, преподававшаяся активным членом партии эсеров П. А. Вихляевым и семинар по политической экономии, руководителем которого был бывший депутат Государственной думы и министр путей сообщения в составе Временного правительства Н. В. Некрасов, работавший под псевдонимом В. А. Голгофский[78]. Вероятно, по замыслам составителей учебной программы, эти курсы также должны были служить цели идейно-политического воспитания студентов, но поскольку их преподаватели были далеки от любых разновидностей марксизма, мы посчитали невозможным их отнесение к идейно-политическому блоку.

Несмотря на то, что официальной целью отделения являлась подготовка учителей обществознания, дисциплины педагогического блока составляли небольшую долю среди учебных курсов, выбранных Устюговым. Марксистом-ленинцем среди преподавателей данных предметов был только К. Н. Корнилов, читавший курс по теоретической педагогике и руководивший семинаром по трудовой школе. Другие преподаватели, читавшие курсы педагогического блока, принадлежали к учёным «старой школы» и марксистской методологии не придерживались. Единственным педагогом среди них был Н. Г. Тарасов, руководивший семинаром по методике обществознания и много лет преподававший в одной из московских гимназий и Педагогическом институте имени П. Г. Шелапутина. Однако это не означает, что другие преподаватели этого блока были непрофессионалами и обладали низкой квалификацией. Б. И. Сыромятников, читавший курс по истории народного образования в России в связи с историей образования и педагогической мысли на Западе был незаурядным историком; А. Г. Цирес, руководивший семинаром по педагогике и психологии мышления был талантливым философом и искусствоведом; Г. И. Челпанов, читавший курс психологии, являлся одним из крупнейших представителей московской психологической школы[79].

[78] АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 1об.
[79] Там же. Лл. 1–2.

Стремясь минимизировать влияние представителей «старой профессуры» на студенчество, и столкнувшись с острой нехваткой специалистов-коммунистов, руководство ФОН сделало необязательными лекционные курсы по всем историческим предметам, за исключением истории России XIX–XX вв. и истории Запада за тот же хронологический отрезок[80]. В качестве обязательных предметов руководством ФОН устанавливались курсы, которые должны были преподаваться коммунистами и давать идейно-политическое воспитание: исторический материализм, политическая экономия, история развития общественных форм, история России и история Запада в XIX–XX вв., экономика переходного периода[81]. Однако членов коммунистической партии, пригодных к преподаванию в высшей школе, остро не хватало, поэтому весной 1922 г. Устюгову курс истории России в первой половине XIX в. читал бывший член ЦК кадетской партии, один из крупнейших представителей московской исторической школы – А. А. Кизеветтер[82]. Принципиально немарксистское содержание этого курса заставляет нас отнести его к следующему блоку учебных дисциплин – собственно историческому.

Большая часть предметов этого блока выбиралась для прослушивания самими студентами, и перечень исторических курсов, прослушанных Устюговым, позволяет выявить его научные интересы в период обучения в высшей школе. Кроме курса Кизеветтера, в весеннем и летнем триместрах 1922 г. он прослушал курсы по истории Греции, истории Римской империи и истории средних веков, читавшиеся, соответственно, Д. Н. Егоровым, В. С. Сергеевым и Д. М. Петрушевским[83]. В 1922–1923 учебном году Устюгов прослушал курсы по удельному периоду русской истории, истории России XVI–XVII вв, и общей экономической истории средних веков, преподававшиеся, соответственно, С. В. Бахрушиным, М. М. Богословским и Д. М. Петрушевским. Из лекционных курсов, прослушанных Устюговым в 1923–1924 учебном году, к историческому

[80] Иванова Л. В. Указ. соч. С. 30.
[81] Там же. С. 24.
[82] АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 1 об.
[83] Там же. Л. 1 об.

блоку могут быть отнесены только курсы по методологии истории, экономической истории России XIX в. и истории рабочего класса в Англии в средние века, читавшиеся, соответственно, А. И. Яковлевым, В. Н. Бочкарёвым и Е. А. Косминским[84]. Следует отметить, что курс Яковлева по методологии истории принадлежал к числу факультативных предметов, к которым также относились курсы по истории интернационала, философии материализма, технике исторического исследования и экскурсионному делу и краеведению[85]. На наш взгляд выбор Устюговым из данного перечня курса по методологии истории свидетельствует о формировании у него уже в студенческие годы интереса к фундаментальным проблемам исторической науки. В дальнейшем лежавшие в основе яковлевского курса позитивистские идеи в дальнейшем оказали значительное влияние на самостоятельное научное творчество Устюгова.

Относительно небольшое количество лекционных курсов в учебной программе студентов ФОН повышало значение учебных семинаров, традиционной формой которых в то время являлось обсуждение докладов, подготовленных студентами по темам, определённым руководителем семинара[86]. При этом нередко в роли руководителей семинаров выступали выдающиеся учёные-историки. Весной 1922 г. одновременно с прослушиванием лекционного курса А. А. Кизеветтера Устюгов занимался в его семинаре по истории сословий[87]. В 1922–1923 учебном году он занимался в семинарах С. В. Бахрушина по удельному периоду русской истории и в просеминарии Е. В. Оловянишниковой по экономической и культурной истории средних веков. Занимаясь в бахрушинском семинаре, Устюгов выполнил работы «Бояре и слуги вольные в удельную эпоху» и «Управление Московским государством в эпоху Владислава (1610–1612)»[88]. В 1923–1924 учебном году именно семинары составили основную часть выбранных им учебных дисциплин. В это время он

[84] АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 12. Лл. 1 об-2 об. АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 49. Лл.1–20.
[85] Скворцов А. М. Гришина Н. В. Историческое образование в первое десятилетие советской власти: основные векторы развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 2. С. 53.
[86] Чанбарисов Ш. Х. Формирование советской университетской системы. Уфа, 1973. С. 427–429.
[87] АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 1 об.
[88] АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 50. Л. 6 об.

принимал участие в семинарах А. И. Яковлева по земскому положению 1864 г. и политическим проектам эпохи Александра I, где горячо отстаивал научность и объективность в изучении истории. Его соученица А. Б. Закс, вспоминая его участие в семинаре по эпохе Александра I, писала: «Хотя тема звучала довольно сухо и академично <…> в аудитории горели страсти. Одна группа участников семинара, считая себя марксистами, и увлечённая трудами М. Н. Покровского, критиковала «старых» историков, провозглашала прямую зависимость надстройки от базиса и классовую борьбу единственным двигателем процесса. Их лидером был студент Я., державшийся довольно нахально: ругал «фактологию» и сыпал цитатами из Маркса-Ленина-Покровского. Его ярым оппонентом был будущий известный историк Н. В. Устюгов. Внешне он проигрывал, в сравнении с высоким, громкоголосым Я. Худенький, с острой бородкой и небольшими умными глазами. Он поражал не только знанием фактического материала, но и умением создать образ «действующих лиц». Возникало впечатление, что он лично знаком со всеми – от царя до крестьянина. Он единственный из всех нас использовал для своего доклада архивные материалы. Семинар нередко посещали студенты других отделений, желающие послушать «классовую борьбу» на яковлевском семинаре»[89].

В то время многие семинары продолжались в течение нескольких лет и становились серьёзной научной школой для студентов разных курсов, совместно работавших на семинарских занятиях. К числу таких семинаров принадлежали семинары В. И. Пичеты по аграрному развитию России XIX столетия и Д. М. Петрушевского по поместному строю раннего средневековья. Следует отметить, что в дальнейшем Устюгов называл своими учителями в исторической науке именно Петрушевского и Пичету[90]. В семинаре Пичеты Устюгов занимался с 1922 по 1924 гг. и был секретарём семинара. В осеннем триместре 1922–1923 учебного года семинар носил исключительно учебный характер и был посвящён подготовке

[89] Закс А. Б. Факультет общественных наук МГУ (1921-1924): Из воспоминаний историка // Археографический ежегодник. 1993. М., 1995. С. 199.
[90] НА ИРИ РАН. Ф. 10. Ед. хр. 45. Лл. 65–65 об. Черепнин Л. В. К 10-летию со дня смерти Н. В. Устюгова // Черепнин Л. В. Отечественные историки XVIII – XX вв. М.: Наука, 1984. С. 314.

крестьянской реформы 1861 г. Его форма была традиционной и заключалась в подготовке докладов по темам, предложенным руководителем семинара. В то время как остальные участники сделали в осеннем триместре по одному докладу, Устюгов сделал два доклада, посвящённых основным моментам крестьянской реформы и подготовке реформы в освещении Покровского[91].

В весеннем триместре доклады участников семинара стали заметно серьёзнее, и он уже получил научный характер. В этом триместре Устюгов продолжил проявлять наибольшую активность среди участников семинара и выступил с шестью докладами, в то время как большинство участников (за исключением В. Н. Розенталь, подготовившей два доклада) вновь сделало по одному выступлению. На одном из первых заседаний семинара в весеннем триместре Устюгов сделал доклад об организации крестьянского самоуправления по Положению 19 февраля 1861 г. При этом язвительные замечания о Положении, сделанные им в докладе, вызвали критику со стороны Пичеты, подводившего итоги каждого заседания семинара. Он заметил, что своим хлёстким тоном Устюгов ослабил силу тех выводов, которые естественно вытекали из его работы[92]. Следует отметить, что Пичета был последовательным сторонником научной объективности и противником априорных оценок и нигилистического отношения к прошлому, набиравших силу в исторической науке в связи с утверждением советской версии марксизма. Когда одна из участниц семинара – В. В. Овчинникова выступила со слабо подготовленным докладом, он сделал ей ряд критических замечаний и назначил официальных оппонентов – Устюгова и В. Г. Бакулину. Критикуя доклад, Пичета заметил: «Историческая наука конкретна – нужно отталкиваться от факта. Первая часть работы Овчинниковой – теоретическое введение с некоторым уклоном в сторону марксизма. Это введение является излишним, так как даётся оценка явления ещё не проанализированного. Теоретические выводы могут быть сделаны только в конце, как то, что вытекает

[91] АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 48. Л. 1 об.
[92] Там же. Лл. 2–2 об.

из работы»[93]. Устюгов, разбирая доклад Овчинниковой, указал на неточные ссылки и неверное истолкование отдельных статей Положения 19 февраля 1861 г.[94].

В 1923–1924 учебном году семинар Пичеты был посвящён аграрному развитию пореформенной России. Как и в предыдущие триместры, Устюгов проявлял в новом учебном году наибольшую активность, сделав два доклада и выступив с критическими замечаниями по докладу одного из участников семинара (все остальные участники сделали один доклад). На втором заседании семинара Устюгов сделал доклад о сельскохозяйственной промышленности в Курганском уезде в начале XX в. по данным Курганского уездного совещания и Тобольского губернского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности. В своём резюмирующем замечании Пичета крайне высоко оценил его работу, подчеркнув совершенство с которым она выполнена, и сказав: «Против неё нечего возразить ни с точки зрения использованного материала, ни со стороны метода. В докладе нет ничего недоговорённого, и в нём не сказано ни одного лишнего слова. В результате – ясное и отчётливое представление о сельскохозяйственной промышленности края даже для тех, кто совершенно не знаком с Курганским уездом»[95]. Через месяц после выступления с докладом о сельском хозяйстве Курганского уезда, в декабре 1923 г., Устюгов сделал доклад по вопросу о землевладении и землепользовании в Минском уездном комитете о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Пичета вновь высоко оценил его работу, заметив при этом, что последняя фраза доклада «В трудах комитета не слышно голоса крестьянства» не вытекает логически из доклада и является излишней. По мнению Пичеты, имевшиеся источники не давали достаточно материала для того, чтобы строить предположения о мнениях крестьян по данному вопросу[96].

---

[93]АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 48. Лл. 4 об–5.
[94]Там же. Лл. 4, 5 об., 9 об., 14 об., 18.
[95] Там же. Л. 26.
[96] Там же. Л. 29.

Наряду с историей русского крестьянства XIX столетия, в центре внимания Устюгова в тот период находилась аграрная история западноевропейского средневековья, изучавшаяся им в 1922–1924 гг. в вышеназванном семинаре Петрушевского. В то время в семинаре Петрушевского изучался Сен-Жерменский полиптик начала IX в., содержавший опись владений Сен-Жерменского аббатства в северной Франции. Занимавшийся одновременно с Устюговым в этом семинаре известный медиевист А. И. Неусыхин позднее вспоминал, что каждый участник семинара делал доклад по одной из глав памятника, который обсуждался остальными участниками, изучавшими другие главы. Поскольку различные имения аббатства по своей структуре были не похожи друг на друга, то и выводы докладчиков существенно отличались, что толкало каждого на изучение других глав полиптика. При этом, по воспоминаниям Неусыхина, «не все принимались за это с такой тщательностью и добросовестностью, как Н. В. Устюгов: в течение двух лет он, переходя от одной главы памятника к другой, изучил весь полиптик, стремясь установить закономерности в различиях между разными поместьями, и применяя для этой цели статистический метод (подсчёты натуральных и денежных оброков с разных категорий мансов и количественного соотношения самих этих категорий в различных имениях), а также исследование терминологии памятника... Н. В. Устюгов <…> столь активно участвовал в описанном семинаре потому, что совершенно правильно считал полезным для специалиста по русской экономической истории знать аграрную историю западной Европы и методику её изучения по источникам. Мы все, его товарищи, зная это, особенно ценили его работу над полиптиком, о которой высоко отзывался и руководитель семинария. Николай Владимирович пользовался среди нас заслуженным авторитетом»[97]. Всего за время занятий в семинаре Петрушевского Устюгов выполнил четыре доклада, которые были высоко оценены руководителем семинара[98].

В начале 1920-х гг. на факультете общественных наук сохранялась предметная система обучения, введённая в Московском университете ещё в 1906

[97] Неусыхин А. И. Несколько воспоминаний о встречах с Н. В. Устюговым // Города феодальной России. М., 1966. С. 23–24.
[98] АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 50. Л. 10.

г. Согласно ей, студенты сами определяли сроки прохождения учебного плана, записываясь в начале триместра на те курсы, которые они желали прослушать[99]. Напряжённо занимаясь освоением университетской программы, Устюгов смог выполнить учебный план за минимальный срок, и закончить ФОН 1-го МГУ в мае 1924 г. Во время обучения он сдал все экзамены на высшую оценку «весьма удовлетворительно». Исключением был только экзамен по государственному устройству РСФСР, на котором он получил оценку «удовлетворительно», аналогичную современной оценке «хорошо»[100].

Подводя итоги, следует отметить, что решающими факторами, повлиявшими на формирование исторических взглядов Устюгова стали происхождение и образование. На наш взгляд, общественно-политический компонент исторических взглядов учёного формировался в основном под влиянием фактора происхождения, а научный под влиянием фактора образования. Являясь сыном сельского священника, сохранившим связь с отцом в годы гонений на церковь, Устюгов остался чужд коммунистическим идеям и не вступил ни в комсомол, ни в компартию. Обучаясь в университете, он не стал сторонником «красных профессоров», а выступил в качестве последователя историков «старой школы».

Получение Устюговым профессионального исторического образования в 1920-е гг. позволило основоположнику генерационного подхода к изучению истории советской исторической науки – Л. А. Сидоровой отнести его к первому марксистскому поколению отечественных историков[101]. Однако выделяемые ею характерные особенности этого поколения: догматическая модель использования марксизма, доминирование партийно-классового подхода при изучении и оценке исторических явлений, – не прослеживаются в творчестве Устюгова. Это отмечает и сама Сидорова, показывающая творческий подход Устюгова к

[99] Перковская Г. А. Развитие исторического образования в университетах России во второй половине XVIII – начале XX вв. Дисс… канд. ист. наук. Ставрополь, 2005. С. 180–181. Неусыхин А. И. Указ. соч. С. 23.
[100] АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 12. Лл. 1–2.
[101] Сидорова Л. А. Советская историческая наука середины XX в.: синтез трёх поколений историков. М.,2008. С. 121.

использованию марксистской теории при изучении вопроса о генезисе капитализма в России[102].

Нам представляется, что предложенное Сидоровой выделение «первого марксистского поколения» советских историков, формировавшегося приблизительно в 1917–1945 гг. является неточным и обладает низкой эвристической ценностью. Это связано, во-первых, с тем, что данное поколение не было первым поколением отечественных историков-марксистов. Многие молодые историки (В. П. Волгин, А. Н. Шебунин и др.) усвоили марксистские идеи ещё в дореволюционный период[103]. Во-вторых, определение Сидоровой представляется некорректным в связи с тем, что исторические взгляды представителей данного поколения, получивших профессиональное образование в 1920-е гг., формировались под влиянием не только марксизма, но и других учений.

Исходя из этого, мы считаем, что более точным термином, чем «первое марксистское поколение», является термин «первое советское поколение» историков. Историческими событиями, определившими границы этого поколения, явились с одной стороны, создание коммунистических университетов и факультетов общественных наук в 1919 г., а с другой начало репрессий по «Академическому делу» в 1929 г. Основным социологическим критерием объединения людей в одно поколение является сходство социокультурного облика, формирующегося в процессе социализации[104]. В развитии исторической науки аналогом социализации выступает получение профессионального образования. В отличие от исследователей, взгляды которых формировались в дореволюционный период, историки этого поколения, получая профессиональное образование, в обязательном порядке знакомились с марксизмом. Но в отличие от историков, последующих советских поколений, они получали образование в

[102] Сидорова Л. А. Советская историческая наука середины XX в.: синтез трёх поколений историков. М.,2008. С. 101-103, 121-124.
[103] Дмитриев А. Н. «Академический марксизм» 1920–1930-х гг. и история Академии. Случай А. Н. Шебунина // Новое литературное обозрение. 2002. № 2 (54). С. 32–34.
[104] Воронков В. М. Проект «шестидесятников»: движение протеста в СССР // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России. М., 2005. С. 171.

условиях идеологического разномыслия, связанного с существованием различных версий марксистского учения и сравнительно свободным выражением немарксистских взглядов.

Следует отметить, что внутри первого советского поколения историков можно выделить две группы, различавшиеся по характеру своего обраования. Одной из них являлись т. н. «красные профессора» и их ученики, обучавшиеся в коммунистических вузах. Они активно усваивали марксистскую теорию, но почти не получали профессиональной источниковедческой подготовки. Второй группой являлись ученики историков «старой школы», получавшие образование в университетах. Для них было характерно продолжение научных традиций своих учителей, нередко сочетавшееся в критическим отношением к марксизму.

Получив образование на факультете общественных наук МГУ, Устюгов принадлежал к первому поколению советских историков, получивших образование в университетах. Характерная для этой группы учёных методологическая преемственность с историками «старой школы» наглядно проявилась в его первых работах по истории русского крестьянства XIX в.

1-2. Изучение истории русского крестьянства XIX в.

В то время, когда Устюгов окончил университет, возможности для профессионального изучения и преподавания истории (за исключением историко-партийной тематики) в Советском Союзе были сведены к минимуму. Одновременно с закрытием исторических отделений на факультетах общественных наук, в 1921 г. история была вычеркнута из программы средних школ. Вместо неё был введён предмет «обществоведение», дававший лишь отдельные фрагменты исторических знаний вместе с отрывочными сведениями по политэкономии и праву[105]. Большая часть факультетов общественных наук, открывшихся в университетах в начале 1920-х гг., была закрыта из-за недостатка преподавателей-марксистов. Число исторических комиссий в структуре РАН (с

[105] Бущик Л. П. Очерк развития школьного исторического образования в СССР. М., 1961. С. 181.

1925 г. АН СССР) и исторических институтов, объединённых в РАНИОН, было небольшим, а их состав был немногочислен. В этих условиях, выходом для Устюгова как и для многих историков его поколения (А. И. Неусыхина, А. Д. Люблинской, Л. В. Черепнина и др.) стали занятия библиографией и библиотечным делом, о чём он позднее писал: «Все мы, историки, в период 1924-1934 гг. усиленно «грешили» вопросами библиографии и библиотечного дела, т. к. тогда вместо истории преподавалось обществоведение»[106].

Ещё обучаясь в университете, в октябре 1923 г. Устюгов устроился в библиотеку Коммунистического университета национальных меньшинств Запада на должность помощника заведующего библиотекой, в которой проработал до декабря 1925 г[107]. В 1925 г. он перешёл на работу в одно из крупнейших советских книгохранилищ – Библиотеку Коммунистической академии (далее Библиотека Комакадемии). Поступая на работу в Комакадемию, Устюгов скрыл факты своего происхождения из духовного сословия и обучения в семинарии. В анкете, заполнявшейся при поступлении, он указал, что его родители принадлежали к трудовой интеллигенции, а сам он обучался в средней школе[108]. Тем не менее в следующем 1926 г. он возглавил библиотеку Института советского строительства, входившего в состав академии, которой заведовал до 1928 г.

Вместе с тем, Устюгов не прекращал научных исследований и после окончания университета продолжил свои занятия в семинаре Петрушевского, где изучал аграрный строй Англии после нормандского завоевания. В это время им были выполнены работы «Структура английского поместья XIII в.», «Вилланские повинности на землях Рамзейского аббатства в XIII в.» и «Повинности свободных держателей на землях Рамзейского аббатства»[109]. Одновременно Устюгов продолжал исследования по русской истории, которой занимался в кружке Бахрушина[110]. Участники кружка выступали с докладами на темы своих

[106] Цит. по: Каменцева Е. И. Письма историка с фронта // Советская историография отечественной истории. М., 1988. С. 95.
[107] НА ИРИ РАН. Ф. 10. Ед. хр. 45. Л. 63 об.
[108] АРАН. Ф. 350. Оп. 3. Д. 318. Л. 110.
[109] НА ИРИ РАН. Ф. 10. Ед. хр. 45. Л.65 об.
[110] Ананьич Б.В., Панеях В.М. Следствие в Москве по «Академическому делу» 1929–1931 // Русский исторический журнал. 1999. Т. II. № 3. С. 99.

исследований, слушали выступления выдающихся историков и обсуждали важнейшие новинки исторической литературы[111]. Занимаясь в кружке Бахрушина, Устюгов изучал увольнение крестьян в вольные хлебопашцы по документам, хранившимся в фонде Московского губернского предводителя дворянства в Историческом архиве Московского губернского архивного бюро.

В это время он выполнил работу, посвящённую законодательству о вольных хлебопашцах в первой половине XIX в[112]. В 1926 г. Устюгов попытался поступить в аспирантуру РАНИОН, куда его рекомендовали Бахрушин, Яковлев, Петрушевский и Пичета, но принят не был[113]. В 1927 г. он повторил попытку поступления и получил новые рекомендации от Петрушевского и Бахрушина. В качестве вступительной работы им было представлено исследование об увольнении крестьян в вольные хлебопашцы по духовным завещаниям, но приёмная комиссия отклонила его кандидатуру под формальным предлогом недостаточности общественной работы. Пытаясь оспорить решение комиссии, Устюгов указывал на то, что занимается общественной работой на службе и является председателем жилищного товарищества в том доме, где живёт, но его возражения приняты не были, и в поступлении ему было отказано[114].

Но он продолжил свои исследования о вольных хлебопашцах и вёл их несмотря на то, что большую часть его времени отнимали занятия библиотечным делом. В 1928 г. Устюгов оставил заведование библиотекой Института советского строительства и стал научным руководителем русской части сектора комплектования Библиотеки Комакадемии. Тем не менее исследование продвигалось, и в феврале 1930 г. он сообщал своей однокурснице Т. А. Осоргиной-Бакуниной, что его работа над вопросами увольнения в вольные хлебопашцы близится к концу[115].

---

[111] Черепнин Л. В. С. В. Бахрушин как учитель // Черепнин Л. В. Отечественные историки XVIII–XX вв. М.,1984. С. 290.
[112] НА ИРИ РАН. Ф. 10. Ед. хр. 45. Л. 66 об.
[113] АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 50. Л. 16–20 об.
[114] Там же. Л. 1.
[115] АРАН. Ф. 1535. Оп. 4. Ед. хр. 13. Л. 3об.

В мае 1930 г. рассказывая ей о работе над данной темой, он писал: «Материал сейчас передо мной живёт. Я чувствую этот трепет живой жизни, которая встаёт с почти полуистлевших страниц сухих канцелярских дел. Борьба страстей, стон, <…> бессилие разобраться в той канцелярской паутине, которой был опутан сам процесс увольнения <…> и т.д. <…> Что из этого получится не знаю. Увидит ли работа свет, тоже мне неизвестно. Во всяком случае, я работаю сейчас только для себя <…>, а что будет дальше с моей работой, покажет будущее. Никаких утилитарных целей я ей не ставлю. Если же она будет кому-нибудь полезна, я только порадуюсь. <…> Нынешнюю зиму, я ведь ничем другим не занимался, кроме хлебопашцев. Если благополучно кончу, то примусь за другую работу, близко связанную с этой, о жалобах крепостных на своих помещиков и о тяжбах между крестьянами и помещиками»[116]. Но осенью 1930 г. Устюгову было поручено редактирование разделов русской истории IX–XIX вв. и вспомогательных исторических дисциплин в «Международном ежегоднике исторической библиографии за 1928 г.», издававшемся в Париже Национальным архивом Франции. Работа над ежегодником была закончена в конце 1930 г., но в начале следующего года Устюгов начал заниматься подготовкой ежегодника за 1929 г[117].

Хотя занятия библиографией надолго приостановили научные исследования Устюгова, они имели и положительные стороны, проявлявшиеся в систематическом ознакомлении учёного с современной исторической литературой и расширении его интеллектуального кругозора. Именно работая в библиотеке, он начал активно сотрудничать с выдающимся религиозным философом, писателем и театроведом Сергеем Николаевичем Дурылиным. В 1927 г. Дурылин был выслан в Томск, а в 1930 г. переведён в город Киржач, находившийся в Ивановской промышленной области. Поскольку он не мог работать в московских библиотеках, Устюгов находил в них литературу для него. В 1932 г. Дурылин смог опубликовать под псевдонимом Н. Кутанов обширную

[116] Там же. Лл. 4об – 6.
[117] Там же. Лл . 7, 9об.

статью о П. А. Вяземском, озаглавленную «Декабрист без декабря», которая вышла в сборнике «Декабристы и их время», издававшемся Обществом политкаторжан и ссыльнопоселенцев. В феврале 1932 г., когда статья была принята в печать, он писал Устюгову: «У Вас лёгкая рука. «Вяземский» принят. Вы найдёте там - т. е. в журнале или сборнике, где он будет – нового автора, впервые выступающего в печати с исторической работой. Автор этот приносит во вступлении Вам благодарность, но, увы, как ни хотел, не мог напечатать посвящение Вам. Говорят: не принято и не удобно. Автор жаловался мне на это. Я ему сочувствую и советую написать посвящение от руки»[118]. Однако редакция сняла предисловие к статье, и благодарность Дурылина Устюгову так и не была опубликована. Следует отметить, что Дурылина и Устюгова связывали не только деловые отношения, но и довольно близкая дружба. Вероятно, через него Устюгов познакомился с живописцем Михаилом Васильевичем Нестеровым, которого называл последним великим русским художником[119].

Рубеж 1920–1930-х гг. ознаменовался новым идеологическим наступлением советской власти, одной из жертв которого стали представители «старой интеллигенции» и их ученики. Весной 1929 г. М. Н. Покровский выступил в печати с призывом: «Надо переходить в наступление на всех научных фронтах. Период мирного сожительства изжит до конца». А летом того же года секретарь ЦК ВКП (б) В. М. Молотов объявил следующий – 1930 г. – последним годом для «старых специалистов»[120]. В конце 1929 г. начались аресты среди сотрудников Академии наук, ставшие началом так называемого «Академического дела». В 1930 г. по данному делу были арестованы крупнейшие историки: С. Ф. Платонов, Е. В. Тарле, Ю. В. Готье, А. И. Яковлев, В. И. Пичета, С. В. Бахрушин и другие, обвинявшиеся в создании вымышленного «Союза борьбы за возрождение свободной России». В связи с «Академическим делом» угрозе репрессий подвергался и Устюгов, занимавшийся в кружке Бахрушина. На основе данного

[118] АРАН. Ф. 1535. Оп. 4. Ед. хр. 85. Лл. 1.
[119] Каменцева Е. И. Письма историка с фронта // Советская историография отечественной истории. М., 1988. С. 93.
[120] Пихоя Р. Г. Востребованная временем история. Отечественная историческая наука в 20–30-е годы XX века // Новая и новейшая история. 2004. № 2. С. 38.

кружка следователями был сфабрикован «Московский центр» «Союза»[121]. Арестованный в сентябре 1930 г. член кружка И. С. Макаров перечисляя лиц, регулярно посещавших его заседания, назвал Л. В. Черепнина, Н. В. Устюгова, Н. И. Привалову и А. Н. Сперанского[122]. В конце 1930 г. Черепнин и Привалова были арестованы, но Устюгов и Сперанский избежали ареста. Очевидно, Устюгов поначалу надеялся, что заключение Черепнина и Макарова будет недолгим. В октябре 1930 г., иносказательно сообщая Осоргиной-Бакуниной о репрессиях по «Академическому делу», он писал: «Относительно серьёзной болезни Ал. Ив. [Яковлева] Вы правы. Вл. Ив. [Пичета] не ответил на открытку, очевидно по болезни, так как и он болен. К сожалению я не могу сообщить Вам подробностей, так как не был ни у того, ни у другого. Из прежних товарищей видел только Сер. Дм. [Минеева] и Марию Павловну. Они здоровы и работают по-прежнему. Лев Вл. [Черепнин] и Ив. Сер. [Макаров] больны, но я никак не соберусь навестить их. Думаю, что пустяки. Сейчас осень и очень много больных. В Москве гуляет злокачественный грипп»[123]. Но эти надежды не оправдались: Макаров был приговорён к трём годам заключения в Вишерском ИТЛ, а Черепнин был выслан на три года на двинские камнеразработки[124].

В это же время поступали доносы и на самого Устюгова. В его личном деле в фонде Комакадемии в Архиве РАН хранится рапорт, направленный начальнику «лёгкой кавалерии» от рядовой участницы данного движения. В то время «лёгкой кавалерией» называли отряды комсомольцев, занимавшиеся проверкой работы учреждений и предприятий. Своё название эти отряды получили благодаря методам своей работы – внезапным рейдам или «налётам». В рапорте указывалось на духовное происхождение Устюгова и подчёркивалось, что связей с отцом он не порывал. Также в нём говорилось, что Устюгов являлся инициатором протестов против выселения из дома, где он проживал, прежнего домовладельца, выступал

---

[121] Панеях В. М. М. Н. Тихомиров в «Академическом деле» 1930 г. // Археографический ежегодник за 1993. М.,1995. С. 37–39.

[122] Ананьич Б.В., Панеях В.М. Следствие в Москве по «Академическому делу» 1929–1931 // Русский исторический журнал. 1999. Т. II. № 3. С. 99.

[123] АРАН. Ф. 1535. Оп. 4. Ед. хр. 13. Лл. 7об-8.

[124] Назаров В. Д. Лев Владимирович Черепнин // Портреты историков: время и судьбы. М.; Иерусалим, 2000. Т. 1. Отечественная история. С. 291.

против подписки на 3-й заём индустриализации и утверждал в частных разговорах, что «История» Покровского является халтурой, а «он де признаёт только Ключевского и т. п.». Выводы рапорта гласили: «т. Устюгов несомненно не наш человек. Нужно выяснить, на какой именно работе, если на научной, то, несомненно, это недопустимая вещь в Комакадемии, когда идёт чистка в вузах профессорского состава».[125].

На наш взгляд, данный рапорт следует датировать февралём 1931 г., так как Устюгов переехал на новый адрес весной 1930 г., когда получил комнату в доме в Мёртвом переулке[126]. Как раз незадолго до его переезда проводилась подписка на третий заём индустриализации, осуществлявшаяся в 1929 – 1930 гг. Тем не менее, судя по имеющимся источникам, Устюгов избежал каких-либо последствий этого доноса. В мае 1931 г. он ушёл в отпуск, из которого вышел только в январе 1932 г. Через год, в феврале 1933 г. он оставил работу в Комакадемии и перешёл на должность заведующего отделом комплектования в Библиотеку Политехнического музея[127]. В тот период, когда он служил в Библиотеке Политехнического музея, произошли важные изменения в его личной жизни – около 1934 г. он женился на Александре Николаевне Устюговой, также являвшейся библиотечным работником.

Вскоре после ухода Устюгова из Библиотеки Комакадемии вышла его первая печатная работа, которой стало предисловие к документам о волнении крепостных рабочих на шёлковой фабрике помещика Окулова в Бронницком уезде Московской губернии в 1841 г., опубликованное в сборнике «История пролетариата СССР»[128]. Характеризуя её в письме к Осоргиной-Бакуниной, он писал, что эта «статья не является ни предисловием к публикации документов, ни вступительной статьёй в более широком смысле этого слова. Это обработка публикуемых документов, самостоятельная статья, написанная на основании тех материалов, которые в них содержатся. Писать настоящее вступление к такому

[125] АРАН. Ф. 350. Оп. 3. Д. 318. Лл. 107–107об.
[126] АРАН. Ф. 1535. Оп. 4. Ед. хр. 13. Л. 4об.
[127] НА ИРИ РАН. Ф. 10. Ед. хр. 45. Лл. 104об – 105.
[128] Устюгов Н. В. О волнении крепостных рабочих на шёлковой фабрике помещика Окулова в Бронницком уезде Московской губернии в декабре 1841 г. // История пролетариата СССР. 1933. сб. 4. С. 207–213.

мелкому материалу не было смысла – похоже на выстрел из пушки по воробью. Я и дал статью, где был тщательно собран весь печатный материал о фабрике, её владельце и арендаторе. Редакции угодно было рассматривать эту статью как вступление к публикации, и она предложила мне переделать соответствующим образом статью. Переделывать в настоящее предисловие не было смысла, как я уже сказал, и я максимально стиснул первую часть, поместив её в примечаниях и опустив большую часть деталей, а вторую оставил почти без изменения. В таком виде статья прошла, но я вполне согласен с Вами, что она получилась довольно корявой. Что же касается некоторых замечаний об отдельных фразах, то, конечно, я вполне с ними согласен. Только не имея под руками никаких материалов, я затрудняюсь сказать, на чей счёт это должно быть отнесено – на мой, типографии или редакции. По статье прошла редакторская рука, которая, с моей точки зрения, в некоторых местах подпортила мой текст. Редакция заменила некоторые слова, вставила две-три фразы, которые мои знакомые без всякого труда узнают»[129].

Несмотря на то, что Устюгов начал публиковаться, его главная работа того времени – исследование об увольнении крестьян в вольные хлебопашцы, в эти годы так и не попала в печать. Она была опубликована только в 1947 г., когда Устюгов уже девять лет являлся преподавателем МГИАИ. В третьем томе «Трудов историко-архивного института» вышла его статья «Увольнение крестьян в свободные хлебопашцы по духовному завещанию». Создававшаяся во второй половине двадцатых – начале тридцатых годов, она заметно выделялась среди произведений советской послевоенной историографии, посвящённой истории России первой половины XIX в. В статье полностью отсутствовали цитаты из классиков марксизма, зато содержались ссылки на работы расстрелянного большевиками великого князя Николая Михайловича, высланного на «философском пароходе» профессора А. А. Кизеветтера и эмигрировавшей из Советской России кн. О. Н. Трубецкой[130]. Также в статье полностью

[129] АРАН. Ф. 1535. Оп. 4. Ед. хр. 13. Л. 14–14об.
[130] Устюгов Н. В. Увольнение крестьян в свободные хлебопашцы по духовному завещанию // Труды Историко-архивного института. М., 1947. Т. 3. С. 142, 147, 166, 168.

отсутствовали упоминания о классовой борьбе и эпитеты «прогрессивный» и «реакционный».

Кроме этого в работе Устюгова присутствовали серьёзные отличия от произведений большинства советских историков, связанные с отношением её автора к государству. Устюгов в своих трудах никогда не следовал ленинскому определению государства, как «машины для подавления одного класса другим». Напротив, следуя традициям историков «старой школы» он изображал государство как надклассовый институт, заинтересованный не в углублении, а в смягчении общественных противоречий. В рассматриваемой статье Устюгов связывал непоследовательность правительственной политики по крестьянскому вопросу не с отстаиванием правящей верхушкой исключительно помещичьих интересов, а с боязнью правительства одним ударом ликвидировать отношения, сложившиеся веками.[131]. По его мнению, самой яркой иллюстрацией противоречивости правительственной политики в крестьянском вопросе в начале XIX в. являлись указ о вольных хлебопашцах от 20 февраля 1803 г. и высочайше утверждённое 19 декабря 1804 г. Положение Государственного Совета, запрещавшее увольнение крестьян в вольные хлебопашцы по завещаниям, что обосновывалось заботой об интересах наследников помещика. Устюгов подробно анализировал в статье процедуру издания указа о вольных хлебопашцах, детализировавших его «Правил, постановленных в руководство Министерству внутренних дел…» и Положения, запретившего увольнение крестьян по завещаниям. Говоря о Правилах, он писал, что они устанавливали очень сложный порядок прохождения дел о крестьянском увольнении, который, по официально декларированной мысли законодателя, должен был обеспечить интересы крестьян и оградить их от всякого принуждения и подлога. На практике же этот сложный порядок явился тормозом на пути крестьянского освобождения[132].

Затем Устюгов анализировал два случая, когда Министерство внутренних дел не утверждало увольнения крестьян в свободные хлебопашцы по духовным

[131] Там же. С. 143.
[132] Там же. С. 144–147. 151–153.

завещаниям и семь случаев, когда это увольнение, несмотря на противоречие с положением 1804 г. признавалось законным. Одна из наиболее частых причин утверждения подобных завещаний заключалось в том, что данное положение не запрещало увольнение крестьян при жизни помещика с условием их освобождения от повинностей только после его смерти[133]. Подводя итоги, Устюгов писал, что положению 1804 г. нельзя отказать в логической последовательности. Оно даже как бы защищало интересы крестьян, которые тотчас же получали свободу, не дожидаясь смерти помещика. Не нарушало оно и интересов помещика, т. к. дозволяло сохранять все прежние повинности до его смерти. Но оно не учитывало важного психологического момента. Помещику легче всего было отказаться от крепостного права на смертном одре, когда он мог не опасаться последствий этого шага лично для себя. Но положение 1804 г. запрещало подобные акты, что лишало указ о вольных хлебопашцах одного из самых широких способов его применения и сокращало общее количество крестьян, переведённых в вольные хлебопашцы[134]. В подтверждение данного тезиса Устюгов приводил две обширные цитаты из записок о необходимости крестьянской реформы Ю. Ф. Самарина и кн. В. А. Черкасского, утверждавших, что положение 1804 г. являлось серьёзным препятствием на пути освобождения крестьян.

В годы изучения Устюговым увольнения крестьян в вольные хлебопашцы окончательно завершилось формирование его исторических взглядов, сложившихся под влиянием представителей младшего поколения московской исторической школы. Методологической основой их творчества были позитивизм и представление о надклассовой роли государства, восходящее к идеям С. М. Соловьёва[135]. Характерной чертой позитивистской методологии являлось признание многофакторности исторического процесса, проявляющейся в равном влиянии социально-экономических и социально-психологических явлений на ход

---

[133] Устюгов Н. В. Увольнение крестьян в свободные хлебопашцы по духовному завещанию // Труды Историко-архивного института. М., 1947. Т. 3. С. 157, 162.
[134] Там же. С. 166–170.
[135] Тихонов В. В. Московские историки первой половины XX века. М.,2012. С. 181.

истории[136]. Позитивистская основа вышеназванной работы Устюгова проявилась в сочетании в ней внимания к сфере экономических отношений с объяснением политических явлений при помощи механизмов социальной психологии. Вместе с тем в работе о вольных хлебопашцах отсутствовали такие ключевые признаки марксистской методологии как объяснение социально-политических явлений диалектикой производительных сил и производственных отношений и акцентирование движущей силы классовой борьбы. И хотя в годы установления идеологического единомыслия в советской исторической науке, Устюгов начал использовать в своих работах идеи марксизма-ленинизма, элементы позитивистской методологии сохранялись в его трудах на протяжении всего его творческого пути.

1-3. Начало профессиональной научно-педагогической деятельности

Произошедшие в начале 1930-х гг. изменения в советской идеологии, связанные с формированием советского патриотизма, создали условия для возрождения исторической науки в СССР. Ещё в 1931 г. история вновь вошла в школьную программу, однако в её преподавании продолжали господствовать обществоведческие подходы. Возрождение истории как самостоятельной дисциплины произошло только после издания в мае 1934 г. совместного постановления СНК и ЦК ВКП (б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР», провозглашавшего необходимость изучения конкретных событий прошлого. Для нового преподавания истории были нужны квалифицированные кадры учителей, и в том же постановлении объявлялось о воссоздании исторических факультетов в Московском и Ленинградском университетах[137].

Восстановление преподавания истории в ВУЗах, в свою очередь способствовало развитию научных исследований. В это время к занятиям наукой вернулись многие историки «старой школы» и их ученики, отстранённые от

[136] Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания. М.,2004. С. 178–181.
[137] Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» // Историк-марксист. 1934. № 3. С. 83–84.

научной работы в 1920-е гг. и репрессированные по «Академическому делу». Их возвращение было связано с новым пониманием партийным руководством задач истории как научной дисциплины. Поставленная перед историей задача патриотического воспитания советских граждан означала переход к окрашиванию русской истории в героические тона и сочетанию негативных оценок классовой эксплуатации с прославлением сильного государства[138]. Неготовые к такому идеологическому повороту «красные профессора» постепенно оттеснялись от изучения и преподавания истории учёными «старой школы» и их учениками, положительно воспринимавшими эти идеологические изменения. Вместе с тем, возвышение статуса исторической науки означало усиление партийного контроля над ней, и представители «старой школы», возвращаясь к научным занятиям, были вынуждены придавать своим трудам марксистско-ленинский облик, соответствовавший текущему идеологическому курсу партии[139].

В 1934 г. в Историко-археографическом институте АН СССР (далее ИАИ АН СССР), находившемся в Ленинграде, была создана московская группа, целями которой являлись поиск и публикация документов московских архивов[140]. В мае того же года Устюгов начал работать в этой группе по договору[141]. Начиная работу, он выражал надежду, что отныне ему удастся посвящать больше времени изучению вольных хлебопашцев, но эти планы не реализовались[142]. Осенью 1934 г. он опубликовал небольшую рецензию на книгу ленинградского историка В. Н. Кашина «Крепостные крестьяне-землевладельцы накануне реформы», где высоко оценил его выводы о социальном расслоении крестьянства накануне отмены крепостного права и зарождении сельской буржуазии[143]. После выхода этой рецензии в его исследованиях по истории XIX в. наступил долгий перерыв.

---

[138] Дубровский А. М. Указ. соч. С. 82–89.
[139] Гордон А. В. Власть и революция. Саратов, 2005. С. 13.
[140] Серова Е. А. Историко-археографический институт Академии наук СССР (1931–1936 гг.) // История и историки. 1976. М., 1979. С. 377.
[141] НА ИРИ РАН. Ф. 10. Ед. хр. 45. Л. 66об.
[142] АРАН. Ф. 1535. Оп. 4. Ед. хр. 13. Лл 12–12об.
[143] Устюгов Н. В. К вопросу о расслоении крестьянства в дореформенную эпоху // Книга и пролетарская революция. 1934. № 9. С. 56–57.

Отныне в центре исследовательских интересов Устюгова стала лежать русская история XVII – XVIII вв.

Бригада, в которой работал Устюгов, готовила публикацию документов по истории ремесленного труда и форм найма в России XVII в. При этом следует отметить, что ещё с 1920-х гг. понятие «история труда» заменяло в советской историографии понятие «экономическая история»[144]. Подготовка данного издания было начата по инициативе С. Б. Веселовского и А. Н. Штрауха, выступивших с идеей публикации документов по истории городских и сельских низов Русского государства XVI–XVII вв. Во главе бригады, занимавшейся подготовкой сборника, встал один из ближайших товарищей Устюгова – А. Н. Сперанский, познакомившийся с ним на домашних семинарах Бахрушина во второй половине 1920-х гг[145]. Сперанский сформулировал требования, которые легли в основу работы составителей сборника: обязательное ознакомление со всеми делами намеченных фондов, полистный просмотр относящихся к теме единиц хранения, исчерпывающее выявление и учёт содержащихся в них документов. По его мнению, только соблюдение этих условий могло избавить будущую серию от превращения в публикацию случайных находок и иллюстраций к поставленным положениям[146].

Устюгов вместе со Сперанским и В. И. Шунковым принял участие в просмотре наиболее обширного из намеченных фондов – фонда Приказных дел старых лет Государственного архива феодально-крепостнической эпохи (далее ГАФКЭ), содержавшего в основном делопроизводство Новгородской и Устюжской четвертей. Однако вскоре после начала работы над сборником ему пришлось столкнулся с затруднениями на основном месте работы – в библиотеке Политехнического музея. 2 февраля 1935 г. ему был объявлен строгий выговор с предупреждением за недостаточный контроль за включением книг в фонды

---

[144] Майдачевский Д. Я. Учёная комиссия по истории труда в России (1921–1925): опыт институционализации экономической истории // Археографический ежегодник. 2004. М.,2005. С. 14.

[145] Ананьич Б.В., Панеях В.М. Следствие в Москве по «Академическому делу» 1929–1931 // Русский исторический журнал. 1999. Т. II. № 3. С. 99.

[146] Демидова Н. Ф. Предисловие // История форм труда в Русском государстве в первой половине XVII в. М.,1988. Выпуск 1. С. 4.

библиотеки. Через три дня, 5 февраля, он написал заявление об увольнении по собственному желанию, а 1 апреля 1935 г. был зачислен в штат ИАИ на должность научного сотрудника первого разряда с ежемесячным окладом в 300 р[147]. В феврале 1936 г. на основе ИАИ АН СССР и Института истории Комакадемии был создан Институт истории АН СССР, находившийся в Москве. Московская группа ИАИ была преобразована в археографический сектор нового института, при этом оклад Устюгова был повышен до 350 р[148].

В новом институте поначалу доминировали историки-коммунисты, принадлежавшие к «красной профессуре». Его директором до 1937 г. являлся Н. М. Лукин, возглавлявший ранее одноимённый институт в составе Комакадемии. Археографический сектор, где работал Устюгов, являлся для института, по воспоминаниям одной из его сотрудниц, Е. Н. Кушевой, «инородным телом» поскольку в его составе не было ни одного члена партии, и в нём не велись исследования по новейшей истории[149]. В итоге по решению институтского начальства в состав сектора были введены четыре молодых сотрудника-коммуниста. В 1937 г. большинство «красных профессоров», работавших в Институте истории, пало жертвой репрессий, и новым директором института стал принадлежавший к историкам старой школы Б. Д. Греков. Хотя в своей научной и организаторской деятельности он уделял большое внимание вопросам археографии, в то же время он негативно относился к деятельности археографического сектора, так как его сотрудники были нужны для крупных идеологически важных работ, которые велись в институте[150].

Несмотря на сдержанное отношение институтского руководства к занятиям археографического сектора, работа над сборником продолжалась. Постепенно были уточнены его тематические и хронологические рамки. Первый том сборника должен был охватывать первую половину XVII в., при этом было решено отказаться от публикации документов по истории сельского труда. По инициативе

[147] НА ИРИ РАН. Ф. 10. Ед. хр. 45. Л. 104 об.
[148] Там же. Л. 61.
[149] Кушева Е. Н. Воспоминания // Отечественная история. 1993. № 4. С. 140.
[150] Там же. С. 141.

Сперанского было решено публиковать документы сборника целиком, по возможности избегая купюр. В конце 1935 г. было решено разделить первый том на три выпуска. Первый выпуск содержал материалы по городу Москве, второй – материалы по замосковным посадам восточной половины. Их составителем выступал Сперанский. Третий выпуск содержал материалы по посадам Поморья и западного Замосковья, собранные Устюговым, и материалы по южной и западной окраине Московского государства, собранные Шунковым[151]. В 1936 г. первый том был почти готов и был разработан план расширения публикации до пяти томов, однако постепенно работа над сборником была свёрнута и большая часть составителей была переброшена на другие темы. Устюгов с 1 января 1937 г. был переведён на должность младшего научного сотрудника в сектор истории СССР, при этом его оклад вырос почти в два раза и составил 600 р[152].

Тем не менее в 1937–1938 гг. делались попытки завершить работу над уже подготовленным первым томом. Сперанским и Устюговым было написано археографическое введение к тому. Н. Г. Бережковым, Р. М. Раимовым, Устюговым и Шунковым были составлены географические и именные указатели. Устюговым, Сперанским и В. И. Лебедевым были составлены предметные указатели. Окончательное прекращение работы над сборником произошло в 1938 г., когда археографический сектор был закрыт, а его сотрудники направлены на изучение истории народов СССР. Разделы из написанных Устюговым и Шунковым введений к двум выпускам сборника были опубликованы в «Исторических записках» как самостоятельные статьи[153]. Подготовленный к печати том сборника вышел из печати только в 1988–1989 гг. благодаря стараниям ученицы Устюгова Н. Ф. Демидовой. Он был издан в трёх выпусках под названием «История форм труда в Русском государстве первой половины XVII в.»[154].

---

[151] Демидова Н. Ф. Указ. соч. С. 7.
[152] НА ИРИ РАН. Ф. 10. Ед. хр. 45. Л. 61.
[153] Устюгов Н. В. Работные люди на Сухоно-Двинском водном пути в первой половине XVII в. // Исторические записки. 1940. Т. 6. С. 167–194. Шунков В. И. Ремесло в Пскове и Новгороде по данным сыска 1639–1640 гг. // Исторические записки. 1939. Т. 5. С. 102–117.
[154] История форм труда в в Русском государстве первой половины XVII в. М., 1988–1989. Выпуск 1–3.

Несмотря на приостановку институтских работ по данной тематике, Устюгов продолжал изучение истории труда в России в XVII в. и подготовил кандидатскую диссертацию по теме «Очерки по истории преобладающих видов труда в посадах восточной части Поморья в первой половине XVII в.», представлявшую собой переработанное введение к третьему выпуску первого тома сборника. В её основу были положены акты, готовившиеся Устюговым к публикации в вышеназванном сборнике. Однако их материалов было недостаточно, поэтому их сведения были дополнены данными из ямских, писцовых и таможенных книг. Устюгов отмечал, что в писцовых книгах указывалось только тяглое население. Вместе с тем он полагал, что это обстоятельство не препятствовало использованию всего комплекса писцовых, таможенных и ямских книг, как источника для получения необходимых статистических данных. В свою очередь, используемые акты дополняли картину официальной статистики характеристикой конкретных условий труда отдельных групп рабочих[155]. В работе использовались источники, относившиеся к трём посадам восточного Поморья, находившимся на главных водных путях края: Устюгу Великому, Соли Вычегодской и Тотьме. Также в диссертации частично использовались материалы по Соли Камской, становившейся в XVII в. крупнейшим центром солеваренной промышленности России. Привлечение соликамских материалов было связано с упадком солеваренного промысла в Тотьме и Соли Вычегодской в тот период, которому была посвящена диссертация. При этом следует отметить, что в работе изучалась трудовая деятельность только черносошного посадского населения края, и не рассматривались занятия монастырских и строгановских рабочих[156].

Композиционно работа делилась на пять глав. Первая глава была посвящена общей характеристике трудового населения посадов Устюга Великого, Тотьмы, и Соли Вычегодской. В её начале Устюгов выявлял основные группы рабочих в данных посадах, используя для этого сведения писцовых книг, в которых были

[155] АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 122.
[156] Там же. Лл. 120–122.

указаны занятия населения. Для этого им были использованы писцовые книги по Устюгу Великому 1623–1626 гг., по Соли Вычегодской 1624–1625 гг. и по Тотьме 1623–1625 гг. На их основе Устюгов выделял в зависимости от специализации группы рабочего населения и подсчитывал их удельный вес среди трудового населения посадов. Однако сведения писцовых книг о посадском трудовом населении были неполны и неточны, поэтому Устюгов, наряду с ними, привлекал данные других источников.

Так, сопоставляя сведения писцовой книги по Устюгову Великому с материалами таможенных и ямских книг, он пришёл к выводу, что количество посадских людей, так или иначе связанных с транспортом, было в писцовой книге серьёзно занижено. Из данных писцовой книги получалось, что транспортные рабочие по своей численности занимали лишь пятое место среди трудового населения посада, а самой многочисленной группой трудящихся являлись ярыжные, то есть чернорабочие. Но таможенные и ямские книги указывали, что труд ярыжных в основном прилагался к водному транспорту, что значительно увеличивало группу транспортных рабочих. Также таможенные и ямские книги позволили установить, что в качестве рабочих на судах трудились представители двенадцати профессий, а также люди без определённых занятий, бродящие по миру. Этот показывало, что спрос на судовых рабочих был настолько велик, что судовым промыслом занимались люди любой специальности, и, следовательно, обслуживание водного транспорта являлось одним из основных занятий всего посада в целом[157].

Писцовая книга Соли Вычегодской содержала указание на занятия лишь четверти посадского населения. Но содержащиеся в ней данные о количестве сольвычегодских варниц, а также сведения челобитной посадских людей Соли Вычегодской в Устюжскую четверть о снижении оброка, позволили Устюгову установить, что основным занятием населения данного посада являлось обслуживание соляных варниц. Рассматривая трудовое население Тотьмы, он опирался на сведения писцовой книги, содержавшей сведения о занятиях

[157]АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 22. Лл. 125–126.

большинства жителей посада. Согласно ей, большую часть трудового населения посада составляли транспортные рабочие, доля которых составляла почти две пятых, а ещё одну пятую составляли рабочие, занятые на варницах. Устюгов объяснял преобладание этих групп трудового населения тем, что Тотьма, с одной стороны, являлась важным транзитным пунктом на пути из Великого Устюга к Вологде, и далее к Москве, а с другой была одним из старинных центров русского солеварения[158].

Именно труду рабочих на соляных варницах была посвящена вторая глава диссертации. В ней Устюгов утверждал, что в этой отрасли наряду с принудительным использовался и наёмный труд, и писал: «Условия труда солеваренных рабочих были различны и в значительной степени определялись их отношением к предпринимателю. Это, прежде всего его кабальные люди и крестьяне, т. е. население, находящееся в личной зависимости от хозяина промысла и отбывающее изделье в его пользу работой на варницах. Сюда относятся рабочие северных монастырей и Строгановых. Более мелкие предприятия торговых и посадских людей пользовались трудом, нанимаемым на определённый срок по записям. Известное число наёмных людей имелось и на монастырских и строгановских промыслах»[159]. В третьей и четвёртой главах, посвящённых металлургии и плотницкому делу, Устюгов также отмечал факты использования наёмного труда и указывал, что молотобойцы и плотники нанимались по записям на определённый срок[160]. Вместе с тем, он отмечал, что государство принудительно отправляло плотников и медных мастеров на Урал для строительства судов и поиска медной руды. Следует отметить, что основные выводы этой главы диссертации позднее были опубликованы Устюговым в статье «Из истории металлургии Поморья в первой половине XVII в.»[161].

Наиболее объёмной и наиболее глубоко разработанной главой диссертации была последняя пятая глава, в которой рассматривался труд транспортных

[158]АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 22. Лл. 128–130.
[159] Там же. Л. 140.
[160] Там же. Лл. 164, 171.
[161] Устюгов Н. В. Из истории металлургии Поморья в первой половине XVIIв. // Вопросы истории. 1946. № 2–3. С. 127–132.

рабочих. Позднее её часть, посвящённая рабочим водного транспорта, была опубликована в «Исторических записках» под названием «Работные люди на Сухоно-Двинском водном пути в первой половине XVII в.»[162]. В этой главе Устюгов указывал, что данный водный путь обслуживали три основные категории рабочих: носники (лоцманы), кормщики и ярыжные. Самыми высокооплачиваемыми из них являлись носники, получавшие за навигационный сезон столько же, сколько подьячий съезжей избы получал за год. Поскольку навигация длилась не круглый год, многие из носников имели побочные занятия, в частности, они нередко занимались торговлей. Устюгов указывал, что носники нанимались на суда «повольною ценою». Вместе с тем он отмечал, что многие носники являлись должниками Соловецкого монастыря, вынужденными отрабатывать долг работой на судне, и писал, что наличие кабальных записей вносит очень существенную поправку в понятие наём «повольною ценою». Носник был обязан идти на судне своего кредитора, в противном случае его ждало взыскание кабального долга и разорение[163].

Говоря о труде кормщиков, управлявших судами, Устюгов отмечал, что их заработок был в 4-5 раз меньше, чем заработок носников. При этом он отмечал, что очень много указаний на работу кормщиков содержится в ямских книгах, в то время, как писцовых книгах упоминания о них почти отсутствуют. Исходя из этого, он делал вывод, что если заработок носников, обеспечивавший их существование, превращал их труд в определённую профессию, то небольшой заработок кормщиков не давал им возможности ограничиться работой на судах и вынуждал их заниматься и другими промыслами[164]. Рассматривая труд рабочих на Сухоно-Двинском водном пути, он указывал, что их наиболее многочисленной и низкооплачиваемой категорией были ярыжные. Они выполняли всю чёрную работу: тянули судно против течения; гребли, когда оно шло вниз по реке; стаскивали его с мелей и выгружали товар. Устюгов писал, что низкий заработок

[162] Устюгов Н. В. Работные люди на Сухоно-Двинском водном пути // Исторические записки. М., 1940. Т. 6. С. 167–194.
[163] АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 190.
[164] АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 199.

и сезонность судового промысла заставляли ярыжных совмещать работу на судах с другими занятиями, в частности, с мелкой торговлей. Вместе с тем он отмечал, что у многих ярыжных их труд превратился в профессию: зимой, после окончания навигации на Двине они уходили на заработки на Волгу, а весной возвращались обратно[165]. Устюгов указывал, что в случае нарушения их интересов ярыжные обращались к воеводскому суду. При этом он писал, что центральное правительство вменяло в обязанность воеводам оберегать посадское население и уездных крестьян от обид и насилий, чинимых им проезжими и служилыми торговыми людьми[166]. Следует отметить, что Устюгов в пятой главе не ограничивался рассмотрением водного транспорта, а также давал краткую характеристику извозному промыслу.

В заключении диссертации он разбирал вопросы о профессионализации населения восточного Поморья в первой половине XVII в., формах организации рабочего населения и наличии цехов в поморских городах XVII в. Говоря о профессионализации, Устюгов повторял выводы, изложенные в основном тексте диссертации, и утверждал, что в рассматриваемый период некоторые виды труда сделались уже определёнными профессиями. К ним он относил труд носников и отчасти ярыжных. Также он отмечал наличие рабочих-профессионалов, постоянно занимавшихся одним видом деятельности, среди солеваров, кузнецов и плотников. Вместе с тем Устюгов подчёркивал на примере кормщиков, что наличие определённой профессии не являлось препятствием для занятия другими видами труда.

Разбирая вопрос об организациях рабочего населения, он отмечал, что источники не позволяют сделать вывод о наличии у него определённых организационных форм. Ярыжные объединялись в десятки, но они носили временный и случайный характер. Устюгов указывал, что за пределами хронологических рамок диссертации, во второй половине XVII в. встречаются два случая создания организаций носников (1659, 1668), резко повышавших цены и

[165] Там же. Лл. 206–207
[166] Там же. Л. 216.

начинавших диктовать их потребителям, устраняя конкурентов. Но он отмечал, что власть считала это правонарушением и восстанавливала право найма «повольною ценою» с гарантией в форме записей[167]. Установив, что прочных организаций трудящихся в Поморье не существовало, Устюгов переходил к вопросу о цехах в поморских городах XVII в. Он жёстко критиковал взгляды М. В. Довнар-Запольского, С. И. Архангельского, А. В. Пруссак и других исследователей, выводивших наличие цехов на Русском Севере из абстрактно-логических соображений. Он указывал, на полное отсутствие свидетельств о таких цехах в источниках. Также ещё одним серьёзным аргументом против наличия цехов являлось то, что кузнец или плотник, которого требовалось послать в Сибирь избирался всем земским или посадским миром. Между тем, в случае существования цехов воевода, отвечавший за посылку мастеров в Сибирь, не прибегал бы к мирским выборам, а обратился бы за этим к кузнечному или плотницкому цеху. Используя сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, Устюгов утверждал, что на Русском Севере не было основных условий, породивших цехи в средневековом городе: отсутствовала необходимость объединения против разбойничьего дворянства и была не страшна конкуренция со стороны стекавшихся в города беглых крепостных. Сочетая цитаты из классиков марксизма со ссылками на М. М. Богословского, он утверждал, что на Русском Севере отсутствовали противоречия между городом и деревней. Подводя итоги, Устюгов утверждал, что не объединённое в цехи ремесленное население и лица, работавшие по найму, заключали с потребителями труда условия, на выполнение той или иной работы. Вместе с тем он делал оговорку, что хотя источники называют данные условия наймом, они не соответствуют тому, что называется наймом при капитализме, а носят другой характер, во многом близкий к феодальным отношениям[168].

Рассмотренная диссертация, воссоздающая живую картину промышленного развития восточного Поморья первой половины XVII в. представляла собой

[167]АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 22. Лл. 230–236.
[168] АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 240.

серьёзный вклад в развитие отечественной исторической науки. Она стала первым крупным исследованием Устюгова о русской промышленности XVII в. Ряд её выводов об использовании наёмного труда на Русском Севере в данную эпоху, в дальнейшем лёг в основу концепции раннего генезиса капитализма в России, созданную Устюговым в послевоенный период. Её защита состоялась 10 декабря 1938 г. в Институте истории АН СССР. Официальными оппонентами на ней выступили С. Б. Веселовский и В. И. Пичета. Кроме них в прениях приняли участие Б. Д. Греков, С. В. Бахрушин и Е. Ф. Дюбюк. Они дали высокую оценку работе Устюгова, охарактеризовав её как серьёзный научный труд, основанный на новом архивном материале. Говоря о недостатках работы, они отметили узость хронологических и территориальных рамок исследования, в то время как имеющийся материал позволял дать более широкую постановку рассматриваемых вопросов; отсутствие в работе демонстрации связей экономики Поморья с экономикой Московского государства; изучение только преобладающих видов труда и недостаток динамики в рассмотрении трудовых процессов. Тем не менее, несмотря на указанные недостатки, учёный совет Института истории единогласно постановил присудить Устюгову степень кандидата исторических наук[169].

В 1939 г. Устюгов приступил к написанию докторской диссертации, посвящённой истории солеваренной промышленности Соли Камской которую планировал защитить в 1942 г.[170]. Одновременно с этим он приступил к исполнению поручения, данного Институту истории Управлением проектирования Соликамского гидроузла, по сбору материалов по истории солеваренной промышленности Соликамского района. В частности, летом 1940 г. Устюгов смог выявить в фондах Московского областного музея (г. Истра) материалы о солеварении Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, содержавшие уникальную информацию о взаимоотношениях соликамских солеваров с крестьянами, поставлявшими дрова на соляные промыслы[171]. В

[169] В Институте истории Академии наук СССР (защита диссертаций) // Историк-марксист. 1939. № 3. С. 218–219.
[170] Бурдей Г. Д. Историк и война. Саратов, 1991. С. 130. Михайлова Н. Г. Переписка военных лет Н. В. Устюгова в Архиве АН СССР // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 60.
[171] Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957. С. 26.

дальнейшем дополнительную ценность этим материалам придал тот факт, что архив Московского областного музея погиб в годы Великой Отечественной войны. Однако в сентябре 1940 г. работы по строительству Соликамского гидроузла было решено законсервировать, после чего Управление попросило Институт прекратить подбор материалов по данной тематике[172]. Начавшаяся вскоре Великая Отечественная война вынудила Устюгова прекратить работу и над написанием докторской диссертации, которую он смог защитить только в 1957 г.

Ослабление внимания к социально-экономической тематике и обращение к прошлому народов СССР стало характерной чертой работы Института истории во второй половине 1930-х гг. Такая политика руководства Института была связана с выходом «Замечаний Сталина, Кирова, Жданова о конспекте учебника по истории СССР», составленных в 1934 г. и опубликованных в «Правде» в январе 1936 г. В них говорилось, что нужен учебник истории, в котором история Великороссии не отрывалась бы от истории других народов СССР и подчёркивалась необходимость изучения прошлого коренных народов[173]. Публикация данных замечаний вызвала стремительную активизацию исследований по истории народов СССР, затронувшую и Устюгова. В этот период история коренных народов стала одной из основных тем в его творчестве. Особенно активно он занимался историей кочевых народов Центральной Азии и Приуралья, что будет подробно рассмотрено нами в следующем параграфе. Параллельно с Устюговым подобные изменения тематики переживали и другие представители первого советского поколения историков. Так ленинградский историк М. П. Вяткин во второй половине 1930-х гг. перешёл от изучения истории крепостной мануфактуры к изучению прошлого Казахстана, а коллега Устюгова по Институту истории Е. Н. Кушева в это же время оставила работу по составлению Словаря деятелей революционного движения в России к изучению истории Дагестана[174].

---

[172] АРАН. Ф. 1535. Оп. 3. Ед. хр. 19. Л. 1.

[173] Сталин И. В., Киров С. М., Жданов А. А. Замечания о конспекте учебника по истории СССР // Сталин И. В. Сочинения. М.,1997. Т. 14. С. 42.

[174] М. П. Вяткин. Страницы жизни и работы. СПб., 2007. С. 9–10. Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 139.

В то же время, наряду с активизацией исследований по истории народов СССР, перед советскими историками была поставлена и другая задача: написания обобщающих трудов, рассматривавших прошлое человечества с марксистско-ленинских позиций. Важнейшей делом для специалистов по отечественной истории стала подготовка многотомной «Истории СССР», работа над которой началась в 1936 г. Согласно первоначальным планам она должна была выйти в пяти томах, но уже к началу 1940-х гг. число запланированных томов выросло до двенадцати[175]. Вскоре после начала работ над «Историей СССР», в марте 1938 г., Устюгов стал исполняющим обязанности старшего научного сотрудника в секторе истории СССР, а после защиты кандидатской диссертации в декабре того же года был окончательно утверждён в этой должности[176]. При этом, несмотря на повышение, ему был сохранён прежний оклад. В том же декабре вместо единого сектора истории СССР было образовано три новых сектора, разделённых по хронологическому признаку, и Устюгов вошёл в число сотрудников сектора истории СССР до XIX в. Будучи старшим научным сотрудником, Устюгов принимал участие в подготовке данного издания, для которого им было написано десять разделов, посвящённых чувашам в IX-XVI вв., народу коми в XIV-XVI, XVII и XVIII вв., черносошным крестьянам, саамам (лопарям) в XVII и XVIII вв., башкирским восстаниям XVII в., башкирам в XVIII в. и калмыкам в первой половине XIX в. Кроме этого он принимал участие в редактировании четвёртого тома данного издания, посвящённого XVII в., и шестого тома, посвящённого первой половине XIX в[177]. В 1941 г. был подготовлен машинописный текст пяти томов Истории СССР, охватывавших период до XVIII в. включительно, но вскоре работа над многотомником была приостановлена в связи с началом Великой Отечественной войны[178].

Одновременно с завершением работы над кандидатской диссертацией и началом изучения прошлого народов СССР Устюгов приступил к работе в

---

[175] Дубровский А. М. Указ. соч. С. 635.
[176] НА ИРИ РАН. Ф. 10. Ед. хр. 45. Л. 61.
[177] Там же. Л. 66.
[178] Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 141.

высшей школе. В августе 1938 г. он был приглашён для чтения курса вспомогательных исторических дисциплин в Историко-архивный институт, который вскоре перешёл в ведение НКВД СССР[179]. Решающую роль в этом также сыграл Сперанский, возглавлявший в институте кафедру истории архивного дела СССР. Когда Устюгов получил приглашение от Сперанского, разработанного курса по данному предмету у него не было, и, завершая очередное занятие, он иногда говорил: «Я не знаю, что будет у нас на следующей лекции»[180]. Но в течение семестра ему удалось создать фактически с нуля курс блестящих по форме и содержанию лекций. В начале 1939 г. три его части, посвящённые хронологии, метрологии и сфрагистике были размножены на стеклографе. Курс лекций Устюгова стал первым печатным обзором по вспомогательным историческим дисциплинам, вышедшим с 1924 г., когда было опубликовано последнее издание популярного в начале 1920-х гг. курса А. М. Большакова.

В 1939 г. Устюгову было присвоено учёное звание доцента по кафедре истории архивного дела[181]. В том же году из данной кафедры выделилась кафедра вспомогательных исторических дисциплин, которую также возглавил Сперанский. Вместе с ним на новую кафедру ушёл Устюгов. В том же году Устюговым и Сперанским был организован на новой кафедре научный кружок, из которого вышли такие выдающиеся учёные как Е. И. Каменцева и Н. Ф. Демидова[182]. Поступившая в Институт в 1940 г. Н. А. Ковальчук, писала в своих воспоминаниях о руководителях кружка: «Они умели легко, на ходу сообщать несведущим юнцам массу знаний и вместе с тем прививали им (т. е. нам) интеллигентные манеры обращения, приучали к хорошему русскому языку,

[179] Каменцева Е. И. Работа Н. В. Устюгова в области вспомогательных исторических дисциплин // Археографический ежегодник. 1968. М., 1970. С. 281.
[180] Из воспоминаний об Историко-архивном институте. Интервью Н. Ф. Демидовой А. Ю. Клименко и Е. В. Пчёлову // Гербовед. 2007. № 95. С. 8–18.
[181] НА ИРИ РАН. Ф. 10. Ед. хр. 45. Л. 69.
[182] Комиссаренко А. И. Формирование и развитие научной школы Николая Владимировича Устюгова в историко-архивном институте Российского государственного гуманитарного университета // Историческая наука на рубеже веков. Екатеринбург, 2000. С. 244.

невольно передавали лучшие традиции старой (дореволюционной) высшей школы новому поколению»[183].

Кроме лекций и занятий в кружке Устюгов проводил экскурсии по историческим местам Москвы. Н. А. Ковальчук в своих воспоминаниях описала его экскурсию по палатам Романовых на Варварке: «На Варварку мы направились в обход: из института по Никольской на угол с Красной площадью. Там в то время был пустырь после того, как уничтожили церковь Иконы Казанской Божьей Матери (восстановленную недавно). Николай Владимирович долго рассказывал историю ее постройки, старался передать словами архитектурный облик храма. Потом мимо ГУМа дошли до Собора Василия Блаженного. Опять остановка, опять целая лекция о его истории. Только после этого двинулись к Романовским палатам. В то время начались археологические раскопки в Зарядье. Нижнюю часть дома лишь едва-едва извлекли из земли. В верхнем этаже уже блестели изразцы, позолота, красовались своей резьбой различные столы, столешницы, скамьи, стулья, висело несколько светильников, кое-где попадались иконы. Внизу же отдавало сыростью, выступали кирпичные стены, покрытые остатками глины. Мы были в вечернее время, вероятно, в ноябре. Пасмурная погода и сгустившиеся сумерки гармонично окаймляли восприятие событий, сопутствовавших началу Романовской династии»[184].

Уже в первые годы своей преподавательской деятельности Устюгов смог завоевать любовь и уважение студентов. Н. А. Ковальчук писала о нём: «Покорял он нас своей эрудицией, своей феноменальной памятью. Однако у него была слабость, от которой он, видимо, очень страдал. Бросалось в глаза его внимание к симпатичным девушкам типа скромных дореволюционных гимназисток. <…> Свою увлеченность Николай Владимирович скрыть не мог, так как обычно густо краснел при взгляде на свою избранницу. Мы все это замечали, он еще больше смущался и еще больше краснел. Однажды он даже был вынужден оправдываться. Произнес пламенную тираду на тему: "Способность человека

[183] Ковальчук Н. А. «Историко-архивный институт стал моим родным домом» // Отечественные архивы. 2003. № 4. С. 83
[184]Там же. С. 80.

краснеть от смущения говорит о его целомудрии". Он об этом сказал, когда заметил, что покраснел кто-то из студентов. Мы же все поняли, что речь идет о самом Устюгове. Безусловно, мы его не судили за это, но слегка снисходительно и очень дружелюбно подсмеивались между собой над этим его невинным качеством. Ценили же его ум, разносторонность и глубину знаний, умение всецело отдаваться своему делу. Студентов он любил как собственных детей, готов был отдать им все свое время и силы. Студенты это чувствовали и отвечали огромным расположением к нему. Присущую же ему в то время долю кокетства охотно прощали <…> его учебные пособия по вспомогательным историческим дисциплинам, увидевшие свет как раз в 1940 г., еще долгие годы служили студентам верой и правдой при подготовке к экзаменам»[185].

В 1940 г. на стеклографе были отпечатаны четвёртая и пятая часть курса Устюгова, посвящённые геральдике и нумизматике. Весной 1941 г. Устюгов заключил договор с издательством на публикацию своих лекций типографским способом. Готовя типографское издание своего курса, он планировал существенно переработать его разделы, посвящённые хронологии, метрологии и сфрагистике. Он собирался внести в него материал по армянской и грузинской хронологии, для чего изучил ряд трудов на французском языке, так как исследования по данной тематике на русском почти отсутствовали. В разделе метрологии он хотел более ярко обозначить основные направления метрологической политики XVI–XVII вв. Кроме этого, он собирался дополнить раздел сфрагистики неопубликованными материалами о рецептах составления печатей-матриц и месячных таможенных печатях[186]. Однако работу над этим изданием прервала начавшаяся вскоре Великая Отечественная война.

Следует отметить, что первые годы работы Устюгова в Историко-архивном институте были временем проведения активной репрессивной политики Советского государства, направленной против всех потенциальных противников

---

[185] Ковальчук Н. А. «Историко-архивный институт стал моим родным домом» // Отечественные архивы. 2003. № 4. С. 80.

[186] Каменцева Е. И. Письма историка с фронта // Советская историография отечественной истории. М., 1988. С. 91–92.

действующего режима. В 1939 г. был отстранён от должности и исключён из партии директор Историко-архивного института К. С. Гулевич, обвинённый в причастности к «рабочей оппозиции» в начале 1920-х гг. В 1940 г. начальник отдела кадров Главного архивного управления НКВД СССР К. И. Удалец в докладной записке о выполнении плана за первый квартал года, направленной заместителю наркома внутренних дел С. Н. Круглову, писал, что Устюгов находился в разработке 2-го отдела ГУГБ НКВД, занимавшегося выявлением контрреволюционных элементов. При этом дополнительным компрометирующим обстоятельством для него служило то, что брат его жены, Александры Николаевны Устюговой был осуждён в 1932 г. на десять лет за антисоветскую агитацию[187]. Тем не менее Устюгову удалось избежать ареста, и он смог продолжить преподавательскую и научную работу.

Семь предвоенных лет (1934–1941) стали для Устюгова временем кардинальной смены тематики научных исследований. После начала профессиональных занятий исторической наукой в центре его интересов находилась не история русского крестьянства XIX в., а история Русского Севера и Прикамья в XVII в. Тогда же Устюгов приступил к изучению истории народов СССР и вспомогательных исторических дисциплин, ставших в дальнейшем, наряду с историей Русского Севера в XVII в., основными темами его исследований. Однако в эти годы ни одна из его работ по данным темам не была доведена до печати. С одной стороны, это было связано с идеологическими причинами, влиявшими на творчество всех советских историков в данный период и проявлявшихся в преимущественном печатании идеологически важных работ и затягивании сроков публикации научных трудов из-за изменений партийной линии. С другой, это было связано с тем, что Устюгов, как и многие советские учёные, был вынужден прервать научную работу в годы Великой Отечественной войны.

[187] «Студенты просят, чтобы органы НКВД навели в институте большевистский порядок» / Т. И. Хорхордина и В. Ю. Романова // Новый исторический вестник. 2002. № 6 . С. 140–174.

1-4. Формирование взглядов на историю кочевых народов Центральной Азии и Приуралья

Начало активных занятий Устюгова историей коренных народов СССР произошло в середине 1930-х гг., когда многие историки были вынуждены сменить направление своих исследований и обратиться к данной тематике, подвергавшейся в то время идеологической переоценке. До этого времени в отношении неё господствовали взгляды, сложившиеся в большевистской среде ещё в дореволюционный период и продиктованные необходимостью ликвидации Российской империи. Согласно им нерусские народы провозглашались жертвами колониальной эксплуатации, национальные движения получали однозначно положительную оценку, а присоединение данных народов к России провозглашалось «абсолютным злом». При этом русский народ, наоборот, провозглашался угнетателем и эксплуататором, и его активное изучение объявлялось идеологически вредным.

Наиболее активно данная точка зрения продвигалась на рубеже 1920–1930-х гг., когда большевистская политика поддержки коренных народов и принижения русского народа достигла своего апогея[188]. Активному продвижению в историческую науку концепции «абсолютного зла» способствовало то, что её сторонником являлся фактический лидер советских историков-марксистов М. Н. Покровский. В 1928 г. на Первой всесоюзной конференции историков-марксистов сам термин «русская история» был объявлен контрреволюционным. С этого времени в советских вузах и НИИ вместо «истории России» стала изучаться и преподаваться «история народов СССР», а русский народ объявлялся лишь одним из героев этой истории[189]. Смена терминологии сопровождалась началом активных исследований по истории нерусских народов Советского Союза, провозглашавшихся жертвами национального угнетения со стороны русских в дореволюционный период. Но её изучение осложнялось тем, что данная

---

[188] Мартин Т. Империя «положительной деятельности». М., 2011. С. 36, 45.

[189] Кривошеев Ю. В., Дворниченко А. Ю. Изгнание науки: Российская историография в 20-х – начале 30-х годов XX века // Отечественная история. 1994. № 3. С. 148. Покровский М. Н. К истории СССР // Историк-марксист. 1930. Т. 17. С.18.

проблематика была крайне слабо разработана в дореволюционной историографии, поэтому историками была начата масштабная работа по выявлению и публикации источников по истории коренных народов.

Одним из проектов издания документов по истории коренных народов стал проект серии «Памятники истории народов СССР XV–XVII вв.». Неоднократно помогавший Устюгову А. Н. Сперанский в 1936 г. предложил привлечь его к данному изданию[190]. Хотя этот замысел не был реализован, в том же году Устюгов впервые обратился к истории народов СССР, опубликовав в журнале «Историк-марксист» рецензию на первый выпуск сборника «Прошлое Казахстана в источниках и материалах», изданный Казахским краевым издательством в 1935 г. В своей рецензии он выделял ряд недостатков сборника, связанных с отбором источников и составлением справочных указателей[191]. Вместе с этим Устюгов давал сборнику в целом высокую оценку и писал, что он, несомненно, станет полезной книгой для учёных и преподавателей, впервые приступающих к изучению истории Казахстана[192].

Одним из центров публикации документов по истории коренных народов в это время стал Историко-археографический институт АН СССР, приступивший в 1932 г. к изданию серии документальных публикаций под названием «Материалы по истории народов СССР»[193]. Несмотря на то, что с 1933 г. началось сворачивание политики поддержки коренных народов, а в 1934 г. общегосударственная история была обозначена термином «история СССР», изучение прошлого нерусских народов, за которым закрепилось узкое значение термина «история народов СССР», продолжало оставаться одной из приоритетных тем советской историографии.

В 1936 г. в Трудах Историко-археографического института был опубликован седьмой выпуск «Материалов по истории народов СССР». Данный

---

[190] Ананьев В. Г. Александр Николаевич Сперанский: материалы к научной биографии // Вестник РГГУ. 2011. № 12. С. 50.

[191] Устюгов Н. В. Рец. на: Прошлое Казахстана в источниках и материалах. / Под ред. С. Д. Асфендиарова и П. А. Кунте // Историк-марксист. 1936. № 6.С. 202.

[192] Там же. С. 205.

[193] Серова Е. А. Историко-археографический институт Академии наук СССР (1931–1936 гг.) // История и историки. 1976. М., 1979. С. 364–365, 370–372.

выпуск являлся первой частью «Материалов по истории Башкирской АССР» и был посвящён башкирским восстаниям XVII – первой половины XVIII вв. Составителем и редактором этого сборника выступил ленинградский историк А. П. Чулошников, являвшийся автором нескольких работ по истории Казахстана и Башкирии и в дальнейшем работавший в Ленинградском отделении Института истории (далее ЛОИИ). Именно с этой документальной публикацией связано первое обращение Устюгова к истории Башкирии, ставшей в дальнейшем одной из главных тем его творчества.

В начале следующего 1937 г. Устюговым, являвшимся в то время сотрудником археографического сектора Института истории, был написан отзыв на данную публикацию. Отзыв содержал множество критических замечаний, вызванных различием в подходах Устюгова и Чулошникова к истории Башкирии и принципам публикации документов. Работая под руководством Сперанского, Устюгов следовал его требованиям к археографической работе, заключавшимся в обязательном ознакомлении со всеми делами намеченных архивных фондов и выявлении и учёте всех хранящихся в них документов. Поэтому главные упрёки, адресованные им составителям сборника, заключались в непривлечении важных фондов, таких как Калмыцкие дела в ГАФКЭ, неполном использовании привлечённых фондов и публикации отрывочных и неполных документов. Эта критика вызвала ответ со стороны Чулошникова, который писал о неблагоприятных обстоятельствах подготовки сборника и, в частности, указывал, что уже после сдачи сборника в печать, его составителям удалось случайно найти в фонде академика А. А. Куника указание на дела и приговоры Правительствующего Сената по Оренбургской губернии. В свою очередь, Устюгов сделал несколько замечаний на ответ Чулошникова, в которых писал: «Я был бы готов вместе с составителями сборника порадоваться тому счастливому случаю, который помог им обнаружить в фонде Куника указание на дела и приговоры Сената, касающиеся Оренбургской губернии, если бы не знал, что эти же сведения помещены на с. 120 Памятной книжки Московского архива

Министерства юстиции, изданной в 1890 г., находящейся в читальном зале ГАФКЭ и доступной без предварительной выписки каждому занимающемуся»[194].

В начале 1938 г. Устюговым на основе вышеназванного отзыва была опубликована рецензия на данный сборник в журнале «Историк-марксист». В ней он уделил основное внимание критике вступительной статьи к сборнику, которая также была написана Чулошниковым и называлась «Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII в.». В рецензии указывалось на краткость и нечёткость характеристик, даваемых во вступительной статье основным социальным группам населения Башкирии. Кроме этого, критику Устюгова вызвали оценки, данные во вступительной статье общественному строю башкир и башкирским восстаниям. Чулошников утверждал, что к башкирскому обществу полностью применима концепция кочевого феодализма, разработанная Б. Я. Владимирцовым, согласно которой, в кочевом обществе феодальная собственность на землю проявлялась через распоряжение различными участками пастбищных территорий[195]. Из признания башкирского общества феодальным следовала характеристика большей части башкир как эксплуатируемых трудящихся масс. Соответственно, эти эксплуатируемые массы рассматривались Чулошниковым как главная движущая сила башкирских восстаний, а сами восстания характеризовались в соответствии с официальной идеологией как революционная борьба башкирского народа против феодально-крепостнического гнёта царской России[196]. Однако названные характеристики вступали в противоречие с данными источников, что вынуждало автора постоянно делать оговорки о сохранении родовых институтов, ведущей роли феодалов в башкирских восстаниях и классовой близорукости рядовых башкир, воевавших вместе со своими феодалами против русских крестьян[197].

В своей рецензии Устюгов, не отрицая применение к башкирской знати термина «феодалы», назвал принципиальной ошибкой Чулошникова недооценку

---

[194] АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед.хр. 299. Л. 7

[195] Чулошников А. П. Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII в. // Материалы по истории Башкирской АССР. М.:Л.,1936. Ч. I. С. 12, 21.

[196] Там же. С. 62. Археографическое введение // Материалы по истории Башкирской АССР. М.:Л.,1936. Ч. I. С. 66.

[197] Чулошников А. П. Указ. соч. С. 10, 63.

родовых пережитков в башкирском обществе, наблюдавшихся, по его словам, не только в XVII в., но и в тридцатых годах XVIII в. Приводя в подтверждение данного тезиса идеологические аргументы, он писал, что товарищ Сталин в своей речи на X съезде партии прямо указывал, что башкиры сохранили родовой быт, и утверждал, что Чулошников подменил это ясное указание схемой о феодализме. Следует отметить, что, ссылаясь на речь Сталина, Устюгов не давал сноски на протоколы X съезда РКП (б), так как они были в то время недоступны для читателей. Также, не отрицая прямо освободительного характера башкирских восстаний, Устюгов подчёркивал, что они часто возглавлялись башкирскими феодалами[198]. В дальнейшем, тезисы о сохранении патриархальных пережитков в башкирском обществе и феодальном характере башкирских восстаний стали основополагающими концептуальными элементами взглядов Устюгова на историю Башкирии.

Работа над первой частью «Материалов по истории Башкирской АССР» велась в основном в 1934–1936 гг, когда в исторической науке господствовали идеи Покровского о Великороссии, построенной на костях инородцев[199]. Соответственно, во вступительной статье Чулошникова постоянно употреблялись выражения «колониальная политика России», «русское господство», а само присоединение Башкирии оценивалось исключительно негативно[200]. Однако ко времени выхода рецензии Устюгова в официальной идеологии произошли заметные перемены. В середине 1930-х гг. в связи с необходимостью укрепления советского государство партийное руководство перешло к политике сглаживания межнациональных противоречий, отказу от восхваления национальных движений и переоценке исторической роли крупнейшего из народов СССР – русского. Одним из проявлений данного идеологического поворота стало изданное в 1937 г. постановление жюри правительственной комиссии конкурса на лучший учебник по истории СССР для 3 и 4 классов средней школы. В нём провозглашался

---

[198] Устюгов Н. В. Рец. на: Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I // Историк-марксист. 1938. № 1. С. 147.
[199] Покровский М. Н. Возникновение Московского государства и «великорусская народность» // Историк-марксист. 1930. Т. 18-19. С. 28.
[200] Чулошников А. П. Указ. соч. С. 26, 45, 58.

официальный отход от однозначно негативной оценки присоединения коренных народов к России, и объявлялось, что присоединение к ней украинцев и грузин являлось «наименьшим злом» по сравнению с их присоединением к другим странам[201]. Следует отметить, что выход данного постановления не означал немедленной переоценки прошлого всех народов СССР. В работах по истории других коренных народов сохранялись негативные оценки России и русского народа, окончательный отказ от которых произошёл позднее, уже в годы Великой Отечественной войны[202].

В связи с произошедшими идеологическими изменениями Устюгов назвал употребление Чулошниковым выражения «русское господство» политически неверным. Кроме этого он подчеркнул прогрессивность России по сравнению с Востоком, аргументировав её цитатой из письма Ф. Энгельса К. Марксу о том, что русское господство играет цивилизаторскую роль для башкир и татар[203]. Следует отметить, что идея о прогрессивности русской колонизации Башкирии также стала одним из концептуальных элементов взглядов Устюгова на башкирскую историю. Наряду с рецензированием публикаций по истории народов СССР, Устюгов и сам занимался публикаторской работой. В это время он принимал участие в подготовке сборника документов по истории Казахстана и участвовал в выявлении материалов для четвёртого тома «Материалов по истории Казахской ССР», опубликованного в 1940 г[204]. Отметим, что данный том «Материалов» стал единственным вышедшим из печати, а его номер был обусловлен его хронологическими рамками: он был посвящён истории Младшего жуза в 1780-х–1820-х гг.

Однако важнейшей задачей советских историков во второй половине 1930-х гг. являлась не публикация документов, а создание новых учебников по истории и подготовка обобщающих трудов. В конце 1930-х гг., вслед за созданием

---

[201] Постановление жюри правительственной комиссии конкурса на лучший учебник по истории СССР для 3 и 4 классов средней школы // Исторический журнал. 1937. № 8. С. 1–5.

[202] Тихонов В. В. Советские историки и переосмысление национальных историй в последнее сталинское десятилетие // Советские нации и национальная политика в 1920-е–1950-е гг. М., 2014. С. 239–242.

[203] Устюгов Н. В. Рец. на: Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I // Историк-марксист. 1938. № 1. С. 147.

[204] Вяткин М. П., Дмитриев Н. К. Археографическое введение // Материалы по истории Казахской ССР. М.– Л., 1940. С. 44.

учебников по истории СССР для начальной и средней школы, началось создание вузовских учебников по данной дисциплине. В 1940 г. вышел второй том учебника по истории СССР для исторических факультетов высших учебных заведений, редактором которого была профессор М. В. Нечкина. Для этого тома Устюгов написал небольшой раздел по истории башкир в первой половине XIX в. В дальнейшем этот учебник выдержал два переиздания, которые вышли в 1949 и 1954 гг.

Одновременно с участием в написании новых учебников, Устюгов занимался работой по подготовке разделов двенадцатитомной «Истории СССР». Из десяти разделов, написанных для неё Устюговым, два были посвящены истории Башкирии. Для четвёртого тома им был написан раздел о башкирских восстаниях XVII в., а для пятого тома им был написан раздел об истории башкир в XVIII в. Рукописи данных работ хранятся в Архиве РАН в фонде Устюгова.

Следует отметить, что рукопись раздела, озаглавленного «Башкирские восстания XVII в.». в описи фонда ошибочно атрибутирована как раздел «Очерков истории Башкирии»[205]. Мы подробно проанализируем её содержание, т. к. она послужила протографом для последующих работ Устюгова по данной тематике. Работа над ней была завершена 4 декабря 1939 г., поэтому мы будем в дальнейшем именовать этот труд рукописью 1939 г. Важно отметить, что текст «Башкирских восстаний XVII в.» представлял собой образец скрытой полемики с господствовавшими в то время взглядами на историю Башкирии, нашедшими наиболее яркое отражение в отрецензированной Устюговым статье Чулошникова. Внешне соглашаясь с тезисами Чулошникова, Устюгов добавлял к его утверждениям дополнения или примеры, опровергавшие чулошниковскую концепцию истории Башкирии. Эти черты работы Устюгова проявились в целом ряде параграфов рукописи 1939 г.

§ 1 представлял собой введение к рассматриваемой работе. В нём Устюгов подчёркивал слабую изученность проблематики башкирских восстаний и указывал, что к моменту написания его работы в науке не существовало даже

[205] АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Л. 16.

общепринятой их датировки. Он приводил обзор основных мнений по данному вопросу и называл наиболее убедительными датировки профессора Казанского университета Н. А. Фирсова и А. П. Чулошникова, выделявших в XVII в. два крупных башкирских восстания, продолжавшихся с 1662 по 1665 гг. и со второй половины 1670-х по 1683 гг. Задачами своего исследования он считал пересмотр всех изданных источников по истории башкирских восстаний XVII в. и дополнение их некоторыми неизданными документами. На основе этих данных он стремился выяснить причины башкирских восстаний, обрисовать их фактическую сторону и объяснить причины их неуспеха[206].

§ 2 был посвящён положению Башкирии в составе Русского государства во второй половине XVI – первой половине XVII вв. Ссылаясь на статью Чулошникова, Устюгов писал, что Башкирия была завоёвана московским царём, а башкирские выступления второй половины XVI в. являлись борьбой против завоевателей. Но уже при объяснении причин башкирских выступлений начала XVII в. он отходил от взглядов Чулошникова. Если Чулошников объяснял их дальнейшим наступлением русских колонизаторов на Башкирию, то Устюгов связывал их со слабостью центральной власти в годы Смутного времени и ослаблением её внимания к окраинам[207].

В § 3 Устюгов рассматривал непосредственные причины башкирских восстаний 1662–1665 и 1676–1682 гг. Как и Чулошников, он называл причинами восстаний захваты башкирских земель и заселение их русскими, обременение башкир ясаком и злоупотребления местной администрации. Но кроме этого Устюгов указывал ещё одну причину, которая не укладывалась в созданную Чулошниковым картину восстаний как революционной борьбы башкирского народа. Он подчёркивал руководящую роль феодалов в подготовке башкирских выступлений и, указывая на причины их недовольства, приводил цитату из работы Н. А. Фирсова «Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве». В этом труде Фирсов писал, что многие

[206] АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 47.
[207] Чулошников А. П. Указ. соч. С. 26–27. АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 50.

представители аристократии ханств, возникших после распада Золотой Орды, не желали превращаться в слуг московских государей и стремились восстановить своё прежнее положение наследственных родовитых властелинов «чёрных людей»[208].

Большая часть исследования Устюгова, включавшая параграфы с четвёртого по десятый, была посвящена рассмотрению башкирского восстания 1662–1665 гг. В § 4 Устюгов рассматривал подготовку данного восстания. Он называл его организационными центрами Крымское ханство и царевичей Кучумовичей, кочевавших в южносибирских степях. Тезис об организующей роли Крымского ханства в башкирском восстании опирался на донесение калмыцкого тайши Мончака к астраханскому воеводе кн. Г. С. Куракину и расспросные речи переводчика Карая Рахимгулова, направленного уфимским воеводой к восставшим башкирам в 1663 г. В них говорилось о том, что башкиры направляли послов к крымскому хану, правда не сообщалось о согласии хана оказать помощь башкирскому восстанию. Кроме этого Устюгов использовал донесение уральского крестьянина, приводившееся в отписке тобольского воеводы, в котором говорилось, что восстание началось «по сговору с крымским царём», и сообщение пленного татарина о том, что восставшие ожидают подхода крымских войск[209]. Руководящая роль царевичей-Кучумовичей подтверждалась многочисленными документами об их личном участии в восстании, опубликованными в Дополениях к актам историческим (далее ДАИ) и «Материалах по истории Башкирской АССР»[210]. Устюгов указывал, что в зауральской Башкирии его организаторами являлись т. н. «выходцы», вернувшиеся в русские владения из кочевий Кучумовичей, среди которых выделялся знатный башкир Сары Мергень[211]. Именно восстановление Сибирского ханства являлось, по словам Устюгова, главной целью восстания. Также он

[208] АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 39. Лл.55–57. Фирсов Н. А. Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве. Казань, 1866. С. 117–118.
[209] АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 39. Лл. 57–60.
[210] Там же. Л. 60.
[211] АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 39. Лл. 57, 63.

отмечал, что восставшие рассчитывали на получение военной помощи от калмыков, кочевавших возле русских границ.

В пятом и шестом параграфах он описывал действия восставших башкир в 1662 г. Разделение на параграфы проводилось в данном случае по географическому признаку: в § 5 описывался ход восстания в Приуралье, а в § 6 в Зауралье. Излагая ход восстания, Устюгов подробно описывал разорение повстанцами русских слобод и деревень, что резко контрастировало с работой Чулошникова, акцентировавшего жестокость царских карателей и лишь кратко упоминавшего о нападениях башкир на русских поселения[212].

В § 7 он рассматривал действия правительственных войск, боровшихся с повстанцами осенью 1662 г. Он писал, что перед ними была поставлена задача не только подавлять восстание вооружённой силой, но и вносить разложение в ряды восставших, привлекая на свою сторону социальную верхушку башкир обещанием царской милости и жалования в случае прекращения восстания[213]. Он отмечал, что такая тактика принесла свои плоды, и осенью 1662 г. башкиры Ногайской дороги и приуральских волостей Сибирской дороги принесли повинную. При этом тарханы (представители высшего слоя башкирской знати) Ногайской дороги выдали властям двух участников восстания: Гоура и Улекея Кривого, которые были повешены уфимским воеводой[214]. Устюгов указывал, что с наступлением зимы башкиры прекратили сопротивление, но вновь выступили весной 1663 г.

Рассмотрению восстания этого года были посвящены восьмой и девятый параграфы работы. Как и при описании движения 1662 г., разделение на параграфы проводилось по географическому признаку. § 8 был посвящён восстанию в Казанской и Ногайской дорогах, а § 9 восстанию в Осинской и Сибирской дорогах. Устюгов связывал возобновление восстания в Ногайской дороге с невыполнением московскими властями обещаний, данных башкирам, которые принесли повинную осенью 1662 г. Вместе с тем, он отмечал, что

[212] Чулошников А. П. Указ. соч. С.30–31.
[213] АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 77.
[214] Там же. Л. 80–81.

сопротивление башкир было недолгим и уже осенью 1663 г. тарханы Ногайской дороги были вынуждены вступить в переговоры с уфимским воеводой. В результате переговоров башкирские послы были отправлены в Москву, где принесли повинную в приказе Казанского дворца. При этом они были вынуждены согласиться на выдачу заложников, которые должны были содержаться в Уфе до окончательного усмирения всех башкир. Тогда же уфимскому воеводе удалось уговорить принести повинную башкир Казанской дороги. Следует отметить, что, говоря о принесении восставшими повинной, Устюгов рисовал принципиально иную картину прекращения восстания, чем Чулошников. Последний называл принесение повинной феодалами предательством и писал, что оно было порождено общностью классовых интересов башкирских тарханов и московского правительства[215]. Устюгов также, как и Чулошников писал, что одной из причин принесения повинной были правительственные обещания различных льгот для башкирской знати. Но к этому он добавлял ещё одну причину, разрушавшую созданную Чулошниковым картину преданной феодалами революционной борьбы башкирских масс. Он писал, что тарханы были вынуждены принести повинную, так как утратили поддержку со стороны рядовых башкир, которым восстание приносило только разорение. Разочарование в восстании рядовых башкир Устюгов связывал с тем, что подчинение Кучумовичам не сулило им никаких благ, так как при господстве сибирских царевичей татарские и башкирские феодалы имели больше возможностей для эксплуатации подвластного им населения, чем при господстве московского правительства [216].

Сведения о принесении повинной повстанцами Сибирской и Осинской дорог в 1663 г. в источниках отсутствовали, и Устюгов предполагал, что они прекратили боевые действия с наступлением зимы по естественным причинам. Рассматривая ход восстания в этих дорогах, он писал, что возглавлявший повстанцев Сибирской дороги в 1662 г. Сары Мергень больше в источниках не упоминался, и в 1663 г. движение в этой дороге возглавил сам правнук Кучума –

[215] Чулошников А. П. Указ. соч. С. 28, 33.
[216] Чулошников А. П. Указ. соч. С. 28–29, 33. АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 39. Лл. 88–90.

царевич Кучук. Справиться с восставшими удалось только направленным из Тобольска полкам иноземного строя, которые нанесли им поражение и вынудили отступить на европейский склон Урала[217]. Говоря о восстании 1663 г. в Осинской дороге, Устюгов отмечал, что некоторую помощь движению оказывали не только коренные народы, но и русские, и приводил известия о том, что верхотурский стрелец Иван Громыхалов снабжал восставших свинцом и порохом[218].

В § 10 рассматривались действия восставших в Зауралье в 1664–1665 гг. и давалась общая оценка восстания. По словам Устюгова, восстание шло на убыль и в 1664 г. были лишь небольшие стычки, кончавшиеся не в пользу башкир, т. к. восставшие не могли справиться с московскими регулярными войсками, а эти войска не уходили из слобод[219]. Говоря о продолжении восстания в 1665 г., он описывал лишь набег неустановленных татар на Киргинскую слободу, который был отбит. Но если в основном тексте работы Устюгов опровергал многие тезисы Чулошникова, то, подводя итоги, он почти дословно повторял выводы последнего из вступительной статьи к «Материалам по истории Башкирской АССР». Он писал, что восстание 1662–1665 гг. было борьбой башкир за национальную независимость, в которой приняли участие все классы башкирского общества. Если в восьмом параграфе своей работы Устюгов связывал прекращение восстания с разочарованием в нём рядовых башкир, то в итоговых выводах он утверждал, что наименее устойчивым слоем восставших являлись феодалы, которые предали движение и перешли на сторону московских властей. Причиной поражения восстания Устюгов называл отсутствие в Башкирии такого общественного класса, который мог бы повести планомерную борьбу с царизмом. Он указывал, что восставшие, нападая на русские поселения, лишали себя союзников в лице крестьян, также страдавших от гнёта феодально-крепостнического режима[220].

---

[217]АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 92–94.
[218] Там же. Л. 92.
[219] Там же. Л. 96.
[220]АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 39. Лл. 98–100. Чулошников А. П. Указ. соч. С. 31, 33, 63–64.

Вместе с тем в характеристике восстания, данной Устюговым, присутствовали и отличия от статьи Чулошникова. Одни из них имели идеологические причины и были связаны с появлением «Замечаний» Сталина, Кирова, Жданова, влияние которых проявлялось не только в обозначении в качестве противника башкир московского царизма вместо русского государства, но и в отсутствии эпитета революционный по отношению к башкирским восстаниям (неразборчивость в употреблении термина «революция» была одним из главных упрёков историкам со стороны авторов замечаний)[221]. Другие были вызваны внутренними причинами, связанными с различием в подходах Устюгова и Чулошникова к оценке исторических явлений. Для Устюгова являлась неприемлемой положительная оценка движений, усиливавших степных правителей и наносивших ущерб русскому населению. Подводя итоги восстания, Устюгов изменял трафаретную формулу советской историографии (восстание разделило общую судьбу стихийных крестьянских движений – оно было подавлено) и вместо слов о подавлении восстания писал, что «оно не дало никаких положительных результатов»[222].

В § 11 Устюгов рассматривал башкирские выступления в период между восстаниями 1662–1665 и 1676–1683 гг. Он отмечал, что наибольшую активность в это время проявлял царевич Кучук, совершавший отдельные набеги на русские поселения. Однако в это время многие башкиры стали отходить от царевича и возвращаться под власть московских государей. Выступления башкир в период Разинского движения были незначительными, что Устюгов связывал с тем, что в их памяти ещё было свежо подавление восстания 1662–1665 гг[223]. § 12 был посвящён непосредственным причинам восстания 1676–1683 гг. Устюгов писал, что в 1670-х гг. продолжали действовать те же причины, которые вызвали восстание 1662–1665 гг.: земельные захваты, тяжёлые подати и злоупотребления ясачных сборщиков. Вместе с тем, он отмечал, что в это время у башкир появился новый повод для недовольства, связанный с их привлечением для участия в

[221] Сталин И. В. и др. Указ. соч. // Сталин И. В. Сочинения. М., 1997. Т. 14. С. 40.
[222] АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 99.
[223] Там же. Л. 103.

военных походах против турок и крымцев, поддерживавших враждебного Москве гетмана Правобережной Украины Петра Дорошенко.

Параграфы с тринадцатого по шестнадцатый были посвящены описанию восстания 1676–1683 гг., которое Устюгов называл Сеитовским, по имени его вождя – старшины Казанской дороги Сеита Садиира. В § 13 Устюгов рассматривал подготовку данного восстания. На основании того, что в документах, посвящённых ему, царевичи-Кучумовичи всегда упоминались вместе с калмыками, он делал вывод, что их организационная роль в его подготовке была незначительной, и утверждал, что в это время царевичи были настолько слабы, что могли принимать участие в восстании только опираясь на калмыцкую помощь. Говоря о калмыках, Устюгов писал, что их отношение к восстанию было противоречивым. Если в начале него они выступали как сила, враждебная башкирам, то около 1680 г. они стали их союзниками, и с 1680 по 1683 гг. башкирские повстанцы всё время опирались на калмыков. Сравнивая подготовку двух башкирских движений XVII в., он отмечал существенные различия между ними и писал, что если подготовка восстания 1662–1665 гг. началась задолго до самого выступления, то в ходе восстания 1676–1683 гг. подготовка и концентрация сил восставших происходила в момент самой борьбы[224].

Последнее утверждение было связано с противоречием между фактическим материалом и принятой Устюговым схемой башкирских восстаний XVII в., наглядно проявившимся в § 14. Данный параграф был посвящён ходу восстания в период с 1676 по 1681 гг. В нём Устюгов следовал схеме восстаний Фирсова и Чулошникова, датировавших башкирское выступление второй половиной 1670-х–1683 гг. Однако данные источников не позволяли говорить о крупном башкирском движении во второй половине 1670-х гг. и Устюгов был вынужден признать, что «приведённые в известность документы скорее говорят лишь о подготовке восстания и об отдельных единичных нападениях на те или иные русские поселения»[225].

---

[224] АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 39. Лл. 112-113.
[225] АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 117.

В § 15 он рассматривал действия восставших башкир в 1682 г., подробно описывая урон, нанесённый восставшими русским поселениям Прикамья. Он писал, что в мае 1682 г. уфимский воевода смог нанести поражение восставшим, после чего часть повстанцев принесла повинную и сложила оружие. Но уже через месяц, в июне 1682 г. военные действия возобновились, что было связано с поддержкой восстания со стороны калмыцких тайшей. Устюгов отмечал, что после прихода на помощь восставшим калмыков движение охватило всю территорию Башкирии, и перед московским правительством встала задача разорвать башкиро-калмыцкий союз. Ссылаясь на шертную запись калмыцкого тайши Аюки, принесённую после переговоров с астраханским воеводой, он писал, что этого удалось добиться в январе 1683 г.[226] При этом, он указывал, что калмыцкая присяга на верность московским государям была непрочной и правительство, не особенно доверяя калмыкам, направило в Башкирию дополнительные воинские отряды.

В § 16 Устюгов рассматривал ход восстания в 1683 г. Он писал, что движение возобновилось весной этого года, и его участниками являлись как башкиры, так и калмыки, нарушившие свою шертную запись. Вместе с тем, он отмечал, что восстание в 1683 г. не приняло такого размаха, как в предыдущем году. Устюгов связывал стремление башкир прекратить восстание с тем, что союз с калмыками не сулил башкирам облегчения их положения. В отличие от Чулошникова, не дававшего негативных характеристик калмыцкому участию в Сеитовском восстании, Устюгов писал, что избавляясь от колониального гнёта Московского правительства, башкиры попадали в более жестокую зависимость от калмыков и указывал, что значительная часть башкир отрицательно отнеслась к их хозяйничанью в Башкирии[227]. Калмыки платили башкирам за это разорением их поселений, вынуждавшим башкир спасаться бегством. Завершая рассмотрение Сеитовского восстания, Устюгов писал, что данное движение прекратилось после ухода калмыков из Башкирии в конце 1683 г. Следует отметить, что разрыв

[226]Там же. Л. 124.
[227] Чулошников А. П. Указ. соч. С. 38-39. АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 126.

башкиро-калмыцкого союза также получил противоположные оценки в работах Устюгова и Чулошникова. Если Чулошников называл действия калмыков изменой, то Устюгов не давал им никаких отрицательных характеристик и воздерживался от утверждений о том, что башкиро-калмыцкий разрыв был подготовлен московским правительством[228].

Характерное для рукописи 1939 г. противоречие между основным текстом и выводами особенно ярко проявилось в § 17, представлявшем собой краткое заключение к работе. Дополняя и видоизменяя в основном тексте тезисы Чулошникова, Устюгов демонстрировал, что башкирские восстания представляли собой феодальные движения, направленные на расширение власти башкирской верхушки над рядовым населением. Но в заключении он воспроизводил соответствовавшие официальной идеологии оценки Чулошникова. Он писал, что башкирские восстания представляли собой общенародный протест против завоевания Башкирии московским правительством и установленного в ней колониального режима. Вслед за этим он почти дословно повторял тезисы из десятого параграфа, содержавшего итоговые выводы по восстанию 1662-1665 гг., и утверждал, что наименее устойчивым слоем восставших были феодалы, чья предательская роль облегчила московскому правительству подавление восстания[229].

В ходе работы над рукописью 1939 г. Устюгов только начинал работать над изучением башкирских восстаний и строил своё исследование в основном на опубликованных материалах. Основными источниками, использованными Устюговым в данной работе, являлись документы местной администрации, изданные в четвёртом и пятом томах «Актов исторических», четвёртом, седьмом, восьмом и десятом томах ДАИ и «Материалах по истории Башкирской АССР». Несмотря на то, что Устюгов использовал только русскоязычные документы, ему удалось включить в своё исследование несколько источников, вышедших из нерусской среды и опубликованных в «Материалах по истории Башкирской

[228] Чулошников А. П. Указ. соч. С. 39-40. АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 127.
[229] АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 128.

АССР». К ним относились расспросные речи пленного башкирского повстанца и посла, направленного башкирами к уфимскому воеводе; письмо ногайских башкир уфимскому воеводе о возвращении заложников и доведении их пожеланий до царя; и ярлык царевича Кучука башкирскому пятидесятнику, написанный на тюрки и переведённый на русский язык.

Слабое использование Устюговым архивных материалов наглядно демонстрирует текст рукописи 1939 г., где из 204 сносок, только 8 содержат ссылку на архивные источники. При этом три ссылки были даны на материалы фонда Приказных дел старых лет, который Устюгов изучал, готовя публикацию по истории труда в России в XVII в. Ещё две ссылки были даны на челобитную настоятеля Пыскорского монастыря Пафнутия, поданную в 1664 г. в Новгородскую четверть и сохранившуюся в ГАФКЭ в фонде Грамот коллегии экономии, с которым Устюгов работал в ходе подготовки докторской диссертации. Две ссылки были сделаны на донесение 1664 г. от калмыцкого тайши Мончака к астраханскому воеводе кн. Куракину из фонда Калмыцких дел в ГАФКЭ. Однако сведения, содержащиеся в этом донесении, были введены в научный оборот ещё в дореволюционной историографии и опубликованы в двенадцатом томе «Истории России с древнейших времён» С. М. Соловьёва[230]. Одна ссылка была сделана на челобитную самарского воеводы И. С. Нестерова, поданную в 1682 г. и сохранившуюся в ГАФКЭ в фонде Разряда в столбцах Московского стола.

На опубликованных источниках базировался и раздел, написанный Устюговым для пятого тома «Истории СССР». Он носил название «Башкиры» и являлся составной частью параграфа о народах Поволжья и Приуралья в XVIII в. В нём Устюгов давал краткий обзор истории башкир в период с 1725 по 1798 гг. В начале раздела он рассматривал социально-экономическое устройство башкирского общества, вписывая его в формационную схему «Краткого курса истории ВКП (б)». Как и другие историки 1930-х гг. он применял к башкирскому обществу концепцию «кочевого феодализма», разработанную Б. Я.

[230]Соловьёв С. М. Сочинения в 18 книгах. М.,1991. Кн.VI. С.558.

Владимирцовым на материалах Монгольской империи, и характеризовал его как общество феодальное. Он утверждал, что представители башкирской знати обладали феодальной собственностью на землю, проявлявшейся в их праве распоряжаться общинными владениями. Вместе с тем, он подчёркивал, что в башкирском обществе сохранялись многочисленные пережитки родового быта, проявлявшиеся в существовании племенных волостей, обычаев гостеприимства и формальном сохранении родовой земельной собственности[231]. Рассмотрев социально-экономические вопросы, Устюгов переходил к описанию башкирских восстаний 1730–1750-х гг., которые он характеризовал как национально-освободительные движения, не ставившие своей целью изменение социального строя башкир[232]. При этом, в отличие от Чулошникова, он не давал однозначно негативных характеристик русской колонизации Башкирии и писал: «Появление новых заводов в стране сам по себе факт прогрессивный, т. к. свидетельствует о развитии производительных сил, но поскольку заводское строительство сопровождалось массовым расхищением башкирских земель, башкиры в нём видели главным образом именно эту сторону и не без основания рассматривали постройку новых заводов, как дальнейшее усиление национального гнёта[233]. Устюгов писал, что активная колониальная политика царского правительства вызвала восстание Салавата Юлаева, отличавшееся по своему характеру от прежних башкирских выступлений. Он указывал, что, будучи частью Пугачёвского движения, оно представляло собой проявление общей борьбы угнетённых классов Российской империи против феодально-крепостнического строя[234]. Устюгов писал, что после подавления Пугачёвского восстания царизм приступил к дальнейшему усилению колониального гнёта. Говоря о том, в чём проявлялось это усиление, он перечислял реформы, проводившиеся в Башкирии в конце XVIII в.: замену племенных волостей территориальными и реорганизацию военной службы башкир и мишарей, выразившуюся в создании кантонного

[231] АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 11.
[232] Там же. Л. 34.
[233] АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 27. Чулошников А. П. Указ. соч. С. 54–55, 58.
[234] АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 34.

управления в Башкирии[235]. Введение кантонного режима, по мнению Устюгова, являлось началом нового периода в истории Башкирии, и он завершал им своё рассмотрение башкирской истории XVIII в.

Многотомная «История СССР», готовившаяся Институтом истории во второй половине 1930-х гг. так и не вышла из печати. Её подготовка затягивалась из-за смены идеологических оценок, и была приостановлена в годы Великой Отечественной войны. Работая над её разделами, Устюгов принял участие в создании ещё одного обобщающего труда и стал членом авторского коллектива «Очерков по истории Башкирии». Данные «Очерки» готовились в Институте истории АН СССР на рубеже 1930-х – 1940-х гг под редакцией башкирского историка Ш. И. Типеева, закончившего Институт красной профессуры и направленного в Академию наук по командировке ЦК ВКП (б)[236]. Кроме него в авторский коллектив вошли ещё десять авторов из Ленинграда, Москвы и Уфы.

Во время написания разделов «Истории СССР» идеологический поворот в исторической науке только начинался, официальных решений о переоценке башкирской истории не выходило, и Устюгов был вынужден оценивать в них башкирское прошлое в своей работе в духе М. Н. Покровского и его учеников. Но, несмотря на то, что Устюгов в рукописи 1939 г. старался придать своим взглядам внешнее соответствие с официальной идеологией, его исследование при включении в состав «Очерков по истории Башкирии» подверглось существенной правке. Так появилась первая редакция раздела «Очерков», посвящённого башкирским восстаниям XVII в. Она была создана в период между 1939 и 1941гг. и отличалась от «Башкирских восстаний XVII в.» меньшим объёмом и большей идеологической заострённостью. Исследование Устюгова стала четвёртой главой «Очерков», получившей название «Борьба башкирского народа за независимость в XVI–XVII вв». При этом его текст был сокращён на шестнадцать процентов (с 3,2 п. л. в рукописи 1939 г. до 2,7 п.л. в первой редакции «Очерков») и серьёзно переструктурирован.

---

[235]АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 48.
[236] НА ИРИ РАН. Ф. 10. Ед. хр. 43. Л. 50об.

§ 1 прежнего текста, содержавший обзор источников и историографии, был из новой редакции полностью убран. § 2 стал в «Очерках» первым параграфом и получил название «Борьба башкирского народа во второй половине XVI и в первой половине XVII в.» Несмотря на то, что всё отличие его текста от первой редакции сводилось к отсутствию фразы о слабости центральной власти как причине башкирских восстаний начала XVII в., его автором в предисловии к «Очеркам» был назван Чулошников[237].

Параграфы рукописи 1939 г., посвящённые восстанию 1662–1665 гг., были серьёзно сокращены и объединены между собой. §§ 3 и 4 были соединены во второй параграф, получивший название «Причины восстания башкир 1662–1665 гг. и его подготовка». §§ 5и 6, посвящённые движению башкир в 1662 г., были объединены в третий параграф, названный «Причины и ход восстания башкир Северной, Зауральской и Центральной Башкирии в 1662 г. под руководством Сары-Мергеня». Следует отметить, что такая формулировка названия преувеличивала роль в восстании Сары-Мергеня, приписывая ему руководство движением во всех башкирских землях, тогда как по данным источников он был вождём повстанцев только в Зауральской Башкирии. В данном параграфе, в соответствии с идеологическими установками того времени, к тексту первой редакции была добавлена слабо соотносившаяся с источниками фраза о том, что борьба башкир была направлена главным образом против царской администрации, служилых людей и монастырей[238]. § 7 и большая часть § 8 (до рассказа о предложении башкир Ногайской дороги о перемирии в конце 1663 г.) были соединены в четвёртый параграф, получивший идеологически заострённое название «Мероприятия царского правительства для борьбы с восстанием. Предательство тарханов. Гибель руководителей восстания Гоура и Улекея Кривого». Окончание § 8, посвящённое принесению башкирами Ногайской и Казанской дорог новой присяги царским властям, было выделено в отдельный пятый параграф, получивший название «Прекращение военных действий в

[237] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Раздел «А». Оп. 1. Д. 50а. Л.3.
[238] Там же. Л. 64.

пределах Казанской и Ногайской дорог в конце 1663 г. и мирные условия уфимского воеводы с башкирами». Устюгов был вынужден убрать из него тезис о том, что одной из причин прекращения восстания было разочарование в нём рядовых башкир. Но ему удалось сохранить положение о том, что восстание не сулило никаких благ рядовым представителям башкирского народа, т. к. его победа означала для них подчинение татарским и башкирским феодалам, эксплуатация которых превосходила эксплуатацию со стороны царизма[239].

§§ 9, 10 и 11 рукописи 1939 г. были объединены в шестой параграф, названный «Подавление восстания башкир Осинской и Сибирской дороги в 1664-1665 гг. Отзвук Разинского восстания у башкир». При этом общие оценки восстания 1662-1665 гг., дававшиеся в § 10 в соответствии с концепцией Чулошникова были почти полностью сохранены. Исправлена была лишь не соответствовавшая официальной идеологии фраза о том, что восстание разделило общую судьбу стихийных крестьянских движений и не принесло никаких положительных результатов. В «Очерках» этот тезис получил каноническую форму: «восстание разделило общую судьбу стихийных крестьянских движений – оно было подавлено»[240].

§12 стал седьмым параграфом и получил название «Ближайшие причины восстания башкирского народа под руководством Сеит-Садиира в 70-е гг. XVII в». При этом в абзац о постройке слобод на башкирских землях были добавлены слова о том, что постройка новых и возобновление старых слобод часто были вызваны тем, что царское правительство всемерно стремилось разжигать антагонизм между русскими жителями слобод и башкирами-общинниками[241]. §§ 13–17 были объединены в восьмой параграф, названный «Подготовка, начало и ход восстания башкир под руководством Сеит-Садиира (1676–1683)». При этом их тексты подверглись лишь незначительным стилистическим изменениям.

---

[239] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Раздел «А». Оп. 1. Д. 50а. Л. 86.
[240] Там же. Л. 93.
[241] Там же. Л. 100.

«Очерки по истории Башкирии» разделили судьбу большинства коллективных изданий, создававшихся в предвоенные годы: их текст был подготовленн к публикации, но так и не вышел из печати. С началом Великой Отечественной войны работа над ними прервалась и написанные главы остались в разрозненном виде[242].

Изучая историю башкирских восстаний в довоенный период, Устюгов был вынужден подстраивать свои выводы под требования официальной идеологии, противоречившие его взглядам на историю Башкирии. Но, несмотря на это, ни один раздел по истории Башкирии XVII–XVIII вв., написанный Устюговым для обобщающих трудов, в эти годы не вышел из печати, что было вызвано во многом объективными причинами, связанными с идеологическими изменениями и сокращением научных публикаций в годы Великой Отечественной войны. Тем не менее эти работы сыграли важную роль в его научных исследованиях, став основой для капитальных трудов по данной тематике, созданных им в послевоенный период. Создание первых работ Устюгова по истории Башкирии пришлось на период формирования его исследовательской тематики, когда он совершал переход от изучения истории русского крестьянства XIX в. к изучению российской истории XVII – XVIII вв. Начиная изучать башкирское прошлое, Устюгов строил свои исследования на опубликованных источниках, во многом следуя датировкам и выводам предшествующей историографии. В дальнейшем, в послевоенных работах по истории Башкирии Устюгову удалось значительно расширить круг используемых архивных источников и выработать собственные концептуальные подходы к истории башкирских восстаний XVII – XVIII вв.

1-5. Участие Н. В. Устюгова в Великой Отечественной войне

К началу Великой Отечественной войны Устюгов достиг возраста, освобождавшего его от призыва. Однако подобно многим своим коллегам (В. И. Шункову, А. Л. Сидорову, П. А. Зайончковскому и др.) он оставил занятия

[242] Тихонов В. В. Историки, идеология, власть в России XX века. М., 2014. С. 139.

исторической наукой и в июле 1941 г. вступил в ряды народного ополчения. 6 июля 1941 г. Устюгов стал бойцом 21-й дивизии народного ополчения, формировавшейся в Киевском районе Москвы[243]. Его ученица Е. И. Каменцева вспоминала: «Я тогда студенткой третьего курса проходила практику в архиве, который назывался ГАФКЭ. В читальном зале архива я беседовала с Н.В. Устюговым, он и сообщил о записи в ополчение. Предполагалось, что ополченцы будут охранять определённые объекты. Но получилось всё иначе. Ополченцев, почти не вооружённых, отправили на фронт»[244].

По приказу Ставки Верховного Командования от 30 июля 1941 г. дивизия была включена в состав 33-й армии Резервного фронта и вскоре переброшена на Ржевско-Вяземский оборонительный рубеж. 26 августа дивизия и входившие в неё воинские части получили общевойсковые номера. С этого времени Устюгов стал красноармейцем 1311-го стрелкового полка 173-й стрелковой дивизии. Дивизия приняла первый бой во время Вяземской операции 3 октября 1941 и смогла отразить немецкое наступление. Но уже через два дня, 5 октября 1941 г., 1311-й полк, в котором служил Устюгов, был разбит в бою возле города Людиново Орловской области (сегодня он находится в составе Калужской области)[245]. В целом в результате Вяземской операции девятнадцать советских стрелковых дивизий и четыре танковые бригады попали в окружение, что стало одним из самых тяжёлых поражений Красной армии за весь период войны. И хотя 173-я стрелковая дивизия смогла вырваться из Вяземского котла, Устюгов попал в окружение и в течение сорока дней выходил к советским частям[246]. Позднее, вспоминая об этих событиях, он писал Е. И. Каменцевой: «У меня было сильное и настойчивое желание выбраться, но в то время твёрдой уверенности, что я переживу на свете ещё год у меня не было. А окружающая меня тогда действительность могла, пожалуй, вселить уверенность в противном. Но ведь

[243] НА ИРИ РАН. Ф. 10. Ед. хр. 45. Л. 64.
[244] Каменцева Е. И. Первые годы работы кафедры вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института // Гербовед. 2004. № 75. С. 8-11.
[245] Первенцев Г. Н. Московские ополченцы в боях за Родину // Провал гитлеровского наступления на Москву. М.,1966. С. 293.
[246] НА ИРИ РАН. Ф. 10. Ед. хр. 45. Л. 63об.

человек живуч, он очень много может вынести. Перелистывая эти страницы своей жизни (Боже мой, какое фигуральное выражение!) я прихожу к выводу, что так было нужно. Я многое видал своими глазами, и я бы не хотел, чтобы этих страниц моей жизни не было»[247].

Пройдя свыше 500 километров, Устюгов вышел из окружения и стал бойцом 150-го отдельного дорожно-эксплуатационного батальона (далее одэб), действовавшего в составе войск Западного фронта. Командование решило использовать медицинский опыт Устюгова, полученный им во время Гражданской войны, и он был назначен санитаром в медицинское подразделение батальона. Вскоре он получил повышение и занял должность санинструктора, а затем стал военным фельдшером[248]. Батальон сражался на Волоколамском направлении во время битвы за Москву, а в начале 1942 г. был переброшен в Смоленскую область, где принимал участие в тяжёлых позиционных боях на Сухиничском выступе, глубоко вдававшемся в линию немецкой обороны. Вернувшись в строй, Устюгов получил возможность регулярного обмена письмами с друзьями и коллегами, действовавшими в других частях и остававшимися в тылу. В годы войны в числе его корреспондентов было около семидесяти человек, писавших по нескольку писем в месяц. На каждое письмо Устюгов аккуратно и обстоятельно отвечал, используя для этого недолгие часы ночного отдыха[249].

Устюгов не мыслил своей жизни вне науки и преподавания, что наглядно отразилось в тематике его писем. Он уделял в них основное внимание научным вопросам, полагая, что вынужденный отрыв от научной работы во время войны не должен сказываться на размышлениях учёного над его исследованиями. Его отношение к науке демонстрирует его реакция на письмо студента Л. Л. Смоктуновича, которому Устюгов в феврале 1942 г. писал о его работе по теме «Колонизация Обвенского поречья в XVII в.». Получив ответ: «Ваш покорный

[247] Каменцева Е. И. Письма историка с фронта… С. 92.
[248] Там же. С.81.
[249] Михайлова Н. Г. Переписка военных лет Н. В. Устюгова в Архиве АН СССР // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 58.

слуга, как и Вы, находится в действующей армии, а потому колонизация Обвенского поречья в XVII в. от меня сейчас весьма и весьма далека», – он предположил, что Смоктунович хочет сменить профессию[250].

С большим вниманием Устюгов подходил к вопросу о выборе темы кандидатской диссертации для своей ученицы Е. И. Каменцевой, поступавшей в 1942 г. в аспирантуру. Её руководитель А. Н. Сперанский предлагал ей заняться изучением собрания документов Литовской метрики. Заботясь об её интересах, Устюгов возражал против данной темы и писал ей: «Эта тема представляется мне достаточно трудной. Источник очень сложный и путаный. Для кандидатской диссертации эта тема, думается мне, слишком сложна»[251]. Одновременно он отправил письмо Сперанскому, где, говоря о трудностях подготовки диссертации по Литовской метрике, писал, что при работе над ней придётся обращаться за консультацией к Н. Г. Бережкову, являвшемуся одним из крупнейших специалистов по истории Великого княжества Литовского. При этом Устюгов указывал на сложность работы с Бережковым и напоминал, что предыдущая попытка Сперанского сотрудничать с ним при подготовке аспирантов закончилась безрезультатно[252].

Сам Устюгов полагал, что было бы лучше, если бы его ученица занималась историей Русского Севера, изучавшимся ей при подготовке дипломной работы. Когда Каменцева ответила, что изучение истории Русского Севера представляется ей мало актуальным, он прислал ей горячие возражения в письме от 4 марта 1942 г., где говорил: «Я, конечно, ни в какой мере не возражаю против исключительно большой актуальности изучения Литовской метрики. <…> Но, с другой стороны, я не могу согласиться, что изучение истории Русского Севера мало актуально. Русский Север имел исключительное значение в истории Московского государства. Освоение огромной территории нашей страны, в частности, колонизация Урала и Сибири, была произведена именно с Севера. Сношения

---

[250] Михайлова Н. Г. Переписка военных лет Н. В. Устюгова в Архиве АН СССР // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 61.
[251] Каменцева Е. И. Письма историка с фронта… С. 83.
[252] АРАН. Ф. 1535. Оп. 4. Ед. хр. 22. Л. 3.

Московского государства с иностранными государствами шли через Север. Промышленность начала развиваться в первую очередь на Севере: таким образом, развитие основных процессов русского народного хозяйства всего удобнее изучать именно на материалах Севера <…> Я не признаю слишком узких специалистов. Сейчас Вы поработаете над материалом по истории Белоруссии и Литвы, а затем опять вернётесь к Московскому государству»[253]. В итоге темой диссертации Каменцевой стала дипломатика актов Великого княжества Литовского, но смерть её научного руководителя и близкого друга и наставника Устюгова – А. Н. Сперанского в январе 1943 г. прервала работу над ней[254].

Находясь в армии, Устюгов внимательно следил не только за судьбой своих учеников, но и за жизнью кафедры вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ. Вскоре после включения в состав кафедры Л. В. Черепнина, в марте 1942 г., он сообщал Каменцевой, что очень доволен его появлением на кафедре, так как Черепнин является для него товарищем по университету и очень близким человеком[255].

В начале 1942 г. в часть Устюгова был назначен новый политрук, который привлёк его к пропагандистской работе. Её началом для Устюгова стало проведение цикла бесед «Героическое прошлое русского народа», состоящего из шести частей, посвящённых Александру Невскому, Дмитрию Донскому, Минину и Пожарскому, Суворову и Кутузову[256]. Литературы, необходимой для подготовки занятий, на фронте не было, и Устюгов в письме своей коллеге по Институту истории Е. Н. Кушевой отмечал: «Все факты приходится извлекать исключительно из недр собственной памяти»[257]. Но его широкая эрудиция позволяла ему преодолевать эти трудности и его лекции и беседы пользовались большим успехом. Лекции Устюгова на военно-патриотические темы по своему уровню заметно превосходили простые пропагандистские выступления, и во

[253] Каменцева Е. И. Письма историка с фронта… С. 84–85.
[254] Пчёлов Е. В. Е. И. Каменцева: начало научного пути // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. М., 2010. С. 324–327.
[255] Каменцева Е. И. Письма историка с фронта… С.85.
[256] Там же. С. 83–84.
[257] Михайлова Н. Г. Переписка военных лет Н. В. Устюгова в Архиве АН СССР // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С.61.

многом носили просветительский характер. Сообщая в письме историку И. У. Будовницу о своих занятиях, Устюгов писал: «Я несколько раз читал лекцию о Минине и Пожарском, причём бурные события начала XVII века я давал на широкой основе экономического, социального и политического кризиса конца, точнее второй половине XVI в.»[258]. Его неоднократно приглашали выступать не только в своей части, но и в других частях. В августе 1942 г. он писал Каменцевой: «Я получил заказ от одного военного учреждения на лекцию о теории мирового господства Германии и исторических корнях этой идеологии. Другими словами, нужно сделать кавалерийский рейд по истории Германии от Арминия до Гитлера. Или, быть может, даже не от Арминия, а взять ещё на одно столетие раньше от первого появления кимвров и тевтонов в Северной Италии и борьбы с ними Кая Мария <…> Основным заказчикам я её ещё не читал, но когда стало известно об этом заказе, то я получил требования на эту же лекцию от других и читал её уже дважды <…> Слушателям понравилось, лектору нет, т. к. получился кавалерийский рейд по германской истории. Пришлось останавливаться только на основных моментах, но и то оказалось слишком много для двухчасовой лекции. Что она понравилась, я отношу за счёт невзыскательности моих слушателей»[259].

Наряду с агитационно-пропагандистскими выступлениями, Устюгов проводил чисто образовательные лекции, целью которых было просвещение слушателей. Рассказывая об этой стороне своей деятельности Е. Н. Кушевой, он писал: «Есть тут у нас одно подразделение, где подавляющее большинство – бывшие студенты различных ВУЗов. Они меня постепенно превращают из историка в преподавателя гуманитарных дисциплин вообще. Мне приходится читать не только по вопросам истории, но и литературы, и искусства, и экономики. <…> Я им пообещал прочесть о русской живописи, о русской музыке и о символистах. Я предупредил своих слушателей, что всё, что я буду читать на эти темы, будет от начала до конца спорным. Я ведь не специалист по этим

[258] Бурдей Г. Д. Историк и война. Саратов, 1991. С. 113.
[259] Каменцева Е. И. Письма историка с фронта… С. 88–89.

вопросам, и то, что я буду читать, будет лишь впечатлениями человека, который кое-что знает по этим вопросам, и, во всяком случае, много размышлял на эти темы и пришёл к каким-то своим выводам»[260]. Эти лекции также пользовались большим успехом, и одна из слушательниц, вспоминая о них, писала Устюгову: «Позвольте теперь, Николай Владимирович, выразить Вам лично большую благодарность за тот «толчок мозгам», который сделали Вы, читая свои лекции. Особенно хорошее впечатление у меня осталось от лекции по истории русской живописи <…> Далее я ставлю лекцию о приказной интеллигенции XVII в., об истории русской музыки»[261].

В октябре 1942 г. Устюгов получил звание лейтенанта интендантской службы[262]. Тогда же он был переведён на должность заместителя командира роты по хозяйственной части[263]. Перейдя на интендантскую должность, Устюгов не прекратил чтения лекций. В конце октября 1942 г. он писал Каменцевой, что приступил к проведению занятий по географии, т. к. «обнаружилось, что у целого ряда товарищей нет достаточно чёткого представления ни о расположении фронтов на карте, ни о географическом расположении воюющих стран»[264].

В начале 1943 г. Устюгов смог ненадолго приехать в Москву. Вернувшись на короткий срок в столицу, он стремился максимально использовать отпущенное время для продолжения научной работы. В частности, он встречался с одним из крупнейших специалистов по отечественной истории периода позднего средневековья – Н. Г. Бережковым, с которым обсуждал тематику своей докторской диссертации. Бережков очень возражал против сужения работы до солеваренной промышленности Соли Камской, и в итоге Устюгов предложил другую формулировку: «Промышленность, ремесло и труд в Поморье в XVII в.». Однако широта данной темы вызывала у него сильные сомнения, и он писал Е. Н. Кушевой: «Но ведь если пойти на такое расширение тематики, то нужно затратить

---

[260] Цит по: Михайлова Н. Г. Переписка военных лет Н. В. Устюгова в Архиве АН СССР // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 62.
[261] Там же. С. 62.
[262] Каменцева Е. И. Письма историка с фронта… С. 92.
[263] НА ИРИ РАН. Ф. 10. Ед. хр. 45. Л. 63об.
[264] Каменцева Е. И. Письма историка с фронта… С. 92–93.

ещё не менее двух лет на просмотр материалов. «Приказные дела старых лет» просмотреть нужно? Нужно. А они просмотрены у меня только по 1664 г. включительно. Таможенные книги по Устюгу Великому и Тотьме нужно? Нужно. Ямские книги по Устюгу В<еликому> нужно? Тоже нужно. Причём таможенные и ямские книги придётся подвергать статистической обработке. На всё это нужно время»[265]. Тем не менее тема докторской диссертации Устюгова была утверждена именно в такой формулировке.

Приезд Устюгова в Москву был омрачён случившейся незадолго до него смертью А. Н. Сперанского. После смерти Сперанского кафедру вспомогательных исторических дисциплин возглавил выдающийся источниковед ленинградский профессор А. И. Андреев, переехавший в годы войны в Москву. Так как Устюгов не успел издать свой курс лекций, то Андреев, предварительно списавшись с ним, поручил работу над учебными пособиями Черепнину[266]. В 1943 г. первые две части курса Устюгова, посвящённые хронологии и метрологии, были вновь отпечатаны на стеклографе.

Вскоре после возвращения Устюгова на фронт, в феврале – марте 1943г. 16-я армия приняла участие в Жиздринской операции, представлявшей собой попытку прорыва немецкого фронта и освобождения города Жиздры. Несмотря на то, что прорвать немецкий фронт не удалось, заслуги 16-й армия при проведении данной операции были высоко оценены командованием, и она была преобразована в 11-ю гвардейскую армию[267]. Соответственно, Устюгов с этого времени стал офицером гвардии. Прорыв немецкого фронта удалось осуществить только в июле 1943 г. в ходе контрнаступления советских войск во время Курской битвы. 11-я гвардейская армия принимала участие в наступательной операции на северном фасе Курской дуги, носившей кодовое наименование «Кутузов». В результате успехов советских войск в ходе данной операции 26 июля 1943 г. немецкие войска начали отступление на оборонительную линию «Хаген»,

---

[265] Цит по: Михайлова Н. Г. Переписка военных лет Н. В. Устюгова в Архиве АН СССР // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 60.

[266] Простоволосова Л. Н., Станиславский А. Л. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М.,1990.

[267] Баграмян И. Х. Так шли мы к победе. М., 1977. С. 178.

созданную в ходе подготовки немецкого наступления на Курской дуге и проходившую в нескольких километрах к востоку от Брянска. 30 июля 1943 г. 11-я гвардейская армия была передана в подчинение Брянскому фронту. 16 августа была освобождена Жиздра, а 18 августа советские войска вышли к линии «Хаген». 1 сентября 1943 г. началась Брянская фронтовая операция, в ходе которой части 11-й общевойсковой и 11-гвардейской армий 17 сентября освободили Брянск. После завершения данной операции, в октябре 1943 г. 11-я гвардейская армия была передана в состав Прибалтийского фронта, переименованного в конце октября во 2-й Прибалтийский фронт[268].

Войдя в состав Прибалтийского фронта, 11-я гвардейская армия была переброшена на север и стала действовать на полоцком направлении. Однако на данном направлении красноармейским частям пришлось столкнуться с мощной обороной противника, выдержавшей несколько попыток прорыва со стороны советских войск. Проведение наступательных операций Красной армии повышало роль дорожной разведки, в задачи которой входило выявление и оценка транспортных путей, пригодных для переброски войск. В этот период, проведение дорожной разведки, наряду с чтением лекций, вошло в круг обязанностей Устюгова. За заслуги при её проведении во время Городокской операции на северо-востоке Белоруссии 27 декабря 1943 г. он был представлен к ордену Красной звезды. В наградном листе говорилось, что Устюгов «работает начальником командирской технической разведки, с задачей которой справляется отлично. Проводя разведку армейских маршрутов непосредственно за передовыми частями, своей чёткой работой способствует быстрому исправлению непроезжих мест, направляя армейские транспорты, идущие к фронту по выбранным хорошим дорогам, обставляя их указательными знаками, чем самым способствует бесперебойному движению транспортов»[269]. Данное представление было утверждено военным советом армии и 21 марта 1944 г. Устюгов был награждён орденом Красной звезды. Позднее его ученик Р. В. Овчинников

[268] Баграмян И. Х. Так шли мы к победе. М., 1977. С. 248, 258–259.
[269] ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Ед. хр. 69. Л. 32. // URL: http://podvignaroda.mil.ru/?#id=34128000&tab=navDetailDocument (дата обращения 20. 01. 2015).

вспоминал, вероятно, со слов Устюгова, что ему вручал орден прямо на поле боя сам командующий 11-й гвардейской армией генерал-полковник К. Н. Галицкий[270].

В мае 1944 г. 11-я гвардейская армия была передана в состав 3-го Белорусского фронта и летом того же года приняла участие в стратегической операции «Багратион», целью которой являлось освобождение Белоруссии. Во время данной операции от Устюгова перестали поступать письма, прежде регулярно приходившие его родственникам и коллегам[271]. Отсутствие известий от Устюгова привело к тому, что подготовленная им часть учебного пособия по вспомогательным историческим дисциплинам, посвящённая метрологии, была издана типографским способом под именем Л. В. Черепнина. Вернувшись с фронта, Устюгов неоднократно обвинял Черепнина в плагиате. Публикуя в 1946 г. своё исследование по древнерусской метрологии, он прямо отметил, что Черепнин в своём пособии 1944 г. использовал его стеклографированный курс и опубликовал ряд его выводов и наблюдений[272]. Кроме того он рассказывал о плагиате Черепнина своим коллегам, объясняя поступок последнего материальными трудностями и уверенностью окружающих в его гибели[273].

Сам Черепнин в своих воспоминаниях сожалел о выпуске пособия по теме, которой занимался Устюгов, но сам факт плагиата отрицал. Он утверждал, что его курс метрологии был построен иначе, чем курс Устюгова, и подготовленное им пособие отличалось от устюговского включением значительного материала по системе денежного счёта и наличием практических задач. Говоря о текстуальной близости отдельных разделов двух пособий, он писал: «Что касается системы мер и веса, то, конечно, данные имеющиеся у меня, совпадают с тем, что есть у Устюгова, но эти данные имеются и в других печатных трудах по метрологии. А те новые сведения, которые Устюгов извлёк из архива и привёл в своей книге впервые, я не трогал. Конечно, при работе над учебным пособием по метрологии

---

[270] Историко-архивный институт. Сборник воспоминаний // URL: http://iai.rsuh.ru/section.html?id=9512 (дата обращения 20. 01. 2015).
[271] Письма В. И. Шункова к Н. В. Устюгову и С. В. Бахрушину // Археографический ежегодник за 2011 г. М., 2014. С. 471.
[272] Устюгов Н. В. Очерк древнерусской метрологии // Исторические записки. М.,1946. Т. 19. С. 299.
[273] Павленко Н. И. Воспоминания историка // Родина. 2010. № 10. С. 23.

я пользовался лекциями Устюгова, но об этом сказано дважды: один раз – во введении к серии пособий по вспомогательным историческим дисциплинам, написанном А. И. Андреевым и напечатанном в первом выпуске серии «Хронология», второй раз – в обзоре литературы по метрологии»[274]. Следует отметить, что работавший позднее на кафедре вспомогательных исторических дисциплин А. А. Зимин занимал в этом конфликте позицию Черепнина и утверждал в своих воспоминаниях, что лично просматривал оба пособия и никакого плагиата в них не обнаружил.[275]

В августе 1944 г., после освобождения Белоруссии, части 11-й гвардейской армии приняли участие во втором этапе операции «Багратион» и освободили территорию южной Литвы. Освободив Литву советские войска вышли непосредственно к границам Третьего рейха – к территории Восточной Пруссии. В октябре 1944 г. 11-я гвардейская армия приняла участие в Гумбиннен-Гольдапской фронтовой операции. 18 октября 1944 г. советские войска вступили в Восточную Пруссию и продвинулись на несколько десятков километров по её территории, но немецкие войска продолжали оказывать упорное сопротивление и разгромить их не удалось. В ноябре 1944 г. Устюгов оставил должность заместителя командира роты по хозяйственной части и стал помощником по службе дорожного регулирования командира роты в составе 150-го одэб. В январе 1945 г. он занял должность инспектора по службе дорожного регулирования 150-го одэб. С этого времени основной его задачей стало проведение дорожной разведки. В январе 1945 г. советские войска продолжили наступление в Восточной Пруссии и начали Восточно-Прусскую стратегическую операцию, для осуществления которой были привлечены силы нескольких фронтов. В конце января 11-я гвардейская армия вышла к побережью Балтийского море и в апреле 1945 г. приняла участие в штурме Кёнигсберга, завершившемся взятием города и разгромом основных немецких сил в Восточной Пруссии. В конце апреля 1945 г.

---

[274] Черепнин Л. В. Моя жизнь. М., 2015. Т. 1. С. 163.

[275] Зимин А. А. Храм науки // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века. М., 2015. С. 170.

части 11-й гвардейской армии взяли штурмом военно-морскую базу Пиллау, что стало завершением Восточно-Прусской операции.

Устюгов встретил победу в Великой Отечественной войне в Восточной Пруссии в звании старшего лейтенанта интендантской службы. 27 июня 1945 г. он был демобилизован из рядов Красной армии и вернулся в Москву[276]. Годы войны стали для него временем тяжёлых испытаний. Сражаясь на фронте, Устюгов прошёл через кровопролитные бои и получил контузию[277]. Но тяготы военных лет и многолетний отрыв от исследовательской работы не прервали научно-педагогической деятельности Устюгова. Как и большинство историков, в годы войны он занимался пропагандой среди красноармейцев. Но в отличие от многих своих коллег он не ограничивался простой военно-патриотической агитацией, а вёл просветительскую работу среди бойцов. Поддержание в годы войны тесной связи с коллегами, остававшимися в тылу, помогло ему сразу после возвращения с фронта активно включиться в работу научного сообщества советских учёных-историков.

Возобновив научные исследования после перерыва, вызванного Великой Отечественной войной, Устюгов продолжил изучение тем, начатых им в предвоенные годы. Именно во второй половине 1930-х гг. сформировалась тематика его исследований, которой он следовал до конца жизни. На наш взгляд, в процессе формирования исследовательской тематики Н. В. Устюгова нужно выделить два уровня: закономерный и случайный. Выбор Устюговым конкретных тем для исследования был обусловлен случайными факторами, основным из которых являлось наличие свободных мест в том или ином научном коллективе. Однако общие тенденции формирования его исследовательской тематики носили закономерный характер. На наш взгляд, к явлениям закономерного уровня следует отнести размещение в центре научных интересов Устюгова социально-экономической тематики и его обращение во второй половине 1930-х гг. к истории народов СССР. Данные явления были обусловлены как

[276] НА ИРИ РАН. Ф. 10. Ед. хр. 45. Л. 67.
[277] Троицкий С. М. Указ. соч. С. 30.

идеологическими, так и внутринаучными факторами. Изучение социально-экономических процессов являлось приоритетным направлением в марксизме, объяснявшем развитие человечества диалектикой производительных сил и производственных отношений. Вместе с тем, социально-экономическая история являлась приоритетной темой не только для марксистов, но и для учителей Устюгова – историков-позитивистов, также считавших экономику одной из важнейших сфер жизни общества. Активное изучение истории народов СССР во второй половине 1930-х гг. было связано с необходимостью идеологической переоценки данной тематики, но привлечение к нему значительных научных сил также было вызвано внутринаучными факторами, основным из которых являлась слабая изученность данной тематики в дореволюционной историографии. Обусловленность выбора данных тем логикой научного поиска привела к тому, что Устюгов продолжил исследования по ним и в послевоенные годы.

Глава 2. Изучение Н. В. Устюговым истории народов СССР (1945– 1963 гг.)

2-1. Начало работы Башкирской комиссии Института истории АН СССР

В ходе Великой Отечественной войны идеологический поворот, начатый в 1930-е гг., завершился. Отныне в официальной идеологии стала подчёркиваться совместная борьба советских народов с внешними врагами и начало осуждаться прославление антирусских движений народов СССР[278]. Вслед за коренным переломом в Великой Отечественной войны партийное руководство начало идеологическое наступление, целью которого являлись укрепление государственного единства и ликвидация вольномыслия, развившегося в советском обществе в первые годы войны. Тогда же возобновилась работа над обобщающими трудами по истории Советского Союза. В 1943 г. была продолжена работа над многотомной «Историей СССР». При этом историки были вынуждены приступить к коренной переработке уже подготовленных томов, не соответствовавших новой идеологической ситуации. Работники ЦК ВКП (б) М. Морозов и В. Слуцкая, изучившие содержание четвёртого и шестого томов, упрекали их авторов в невнимании к национально-государственным интересам России, негативном изображении взаимоотношений русского и коренных народов и отсутствии патриотического чувства[279]. В 1944 г. состоялось совещание историков в ЦК ВКП (б), на котором были подвергнуты критике отклонения от официальной линии партии, выражавшиеся как в воспевании борьбы коренных народов против русского господства, так и в реабилитации царских генералов, осуществлявших покорение Кавказа и Средней Азии. По итогам совещания был выпущен ряд статей в журнале «Большевик», содержавших осуждение работ, подвергнутых критике на совещании[280].

В этой ситуации стала видна идеологическая неуместность подготовленных «Очерков», вынудившая одного из авторов – Р. М. Раимова в 1943 г., ещё до совещания историков в ЦК, напечатать их текст в нескольких экземплярах и

---

[278] Дубровский А. М. Указ. соч. С. 528.
[279] Там же. С.636–639
[280] Там же. С. 488.

отправить его на экспертизу в Управление агитации и пропаганды ЦК ВКП (б)[281]. В связи с этим мы в нашем исследовании будем именовать первую редакцию «Очерков» редакцией 1943 г., т. к. до этого времени она существовала не в виде книги, а в виде разрозненных глав. Сотрудники Агитпропа дали ей негативную оценку.

Эта негативная оценка была закреплена в открытом постановлении ЦК от 27 января 1945 г. «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в башкирской партийной организации». Идеологическими ошибками авторов «Очерков» в нём назывались отсутствие разграничения между феодальными набегами и национально-освободительным движением башкир, недостаточная демонстрация угнетения трудящихся башкир татарскими и башкирскими феодалами, идеализация патриархально-феодального прошлого башкир[282]. Данные замечания в основном касались периода XVI–XVIII вв., которому были посвящены главы, написанные А. П. Чулошниковым, Н. В. Устюговым, В. И. Лебедевым, Н. И. Кудрявцевой, Р. М. Раимовым и А. П. Николаенко[283]. Тогда же группа историков Башкирии была вызвана в ЦК, где была сделана закрытая рецензия на первый вариант «Очерков» и даны установки о направлении их переработки[284].

Для исправления «Очерков» в соответствии с новыми идеологическими требованиями 14 июня 1945 г. в Институте истории была создана Башкирская комиссия, которую возглавил В. И. Лебедев. Кроме него в её состав вошли Раимов и Устюгов[285]. Следует отметить, что участники комиссии хорошо знали друг друга, т. к. совместно работали в 1930-е гг. над сборником документов по истории форм труда в России в XVII в.[286]. Согласно постановлению ЦК от 27 января 1945 г. историки должны были провести собрания, посвящённые критике

[281]Тихонов В. В. Историки, идеология, власть в России XX века: Очерки. М., 2014. С. 139.
[282] Постановление ЦК ВКП (б) «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в башкирской партийной организации» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. С. 540.
[283] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Раздел «А». Оп. 1. Д. 50а. Лл.2–3.
[284] АРАН. Ф, 1535. Оп 3. Ед. хр. 94. Лл. 12–13.
[285] Тихонов В. В. Указ. соч. С. 141.
[286] Демидова Н. Ф. Предисловие // История форм труда в Русском государстве в первой половине XVII в. М.,1988. Выпуск 1. С. 8.

идеологических ошибок в работах по истории Башкирии[287]. В феврале 1946 г. участники комиссии собрали в Москве совещание авторов «Очерков», которое должно было выявить основные недостатки подготовленного текста и наметить план его переработки. Результаты совещания следовало представить в ЦК[288] .

Первый день его работы – 4 февраля был посвящён критике подготовленного варианта «Очерков». Совещание открыл доклад Лебедева, озвучившего замечания по тексту «Очерков», сделанные в ЦК, и указавшего на аналогичную критику работ по истории Казахстана, Узбекистана и Татарии. Наряду с ошибками, указанными в тексте постановления, он отметил ещё несколько отклонений авторов от официальной идеологии, связанных с идеализацией Золотой Орды, негативной оценкой присоединения Башкирии к России и молчанием о положительном влиянии русской культуры на развитие башкир[289]. Вслед за Лебедевым выступил Устюгов, озвучивший замечания, сделанные по тексту «Очерков» Башкирской комиссией, большая часть которых соответствовала идеологической критике ЦК. В качестве основного недостатка «Очерков» им был назван башкирский национализм, проявлявшийся в подчёркивании эксплуатации башкир со стороны русских помещиков и кулаков, и полном молчании об эксплуатации башкир со стороны местных феодалов[290]. Также он обозначил в качестве недостатка «Очерков» невнимание авторов к вопросам социального и экономического устройства башкирского общества. Вместе с тем замечания Устюгова, посвящённые главе о Гражданской войне в Башкирии никак не были связаны с постановлением ЦК и, наоборот, противоречили официальной идеологии. Его критику вызвало затушёвывание поражений большевиков и невнимание к различиям между представителями Комуча, областниками и колчаковцами[291]. Акцентирование различий между Колчаком и представителями «демократической контрреволюции» шло вразрез с

[287] Постановление ЦК ВКП (б) «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в башкирской партийной организации»… С. 542.
[288] АРАН. Ф. 1535. Оп. 3. Ед. хр. 84. Л. 30.
[289] АРАН. Ф. 1535. Оп. 3. Ед. хр. 83. Лл. 3–10.
[290] Там же. Лл. 12, 25.
[291] Там же. Лл. 32–33.

«Кратким курсом истории ВКП (б)» и не было принято в то время среди историков Гражданской войны[292].

После Устюгова выступил директор Башкирского НИИ языка, литературы и истории А. Н. Усманов, озвучивший замечания со стороны данного института. Его критика в целом повторяла выступления Лебедева и Устюгова. Прослушав доклады, участники совещания приступили к их обсуждению, ключевым пунктом которого стал вопрос об авторстве разделов, противоречащих официальной идеологии. В ходе обсуждения Устюгов назвал основными виновниками идеологических ошибок в «Очерках» А. П. Чулошникова, умершего в годы войны, и Ш. И. Типеева, находившегося на момент совещания в армии. Воспользовавшись тем, что в период написания «Очерков» их авторы не встречались между собой, Устюгов, Лебедев и Раимов скрыли факт своего участия в написании глав, вызвавших замечания ЦК, и переложили основную вину на умершего Чулошникова и Типеева, принадлежавшего в отличие от них к группе «красных профессоров»[293].

По итогам обсуждения был принят план переработки готового текста, сокращавший его объём с девятнадцати глав до одиннадцати. Серьёзному сокращению подверглись главы об истории Башкирии XVI–XVIII вв., из названий которых исчезли формулировки о завоевании Башкирии Московским государством и борьбе башкир за независимость. Так третья и четвёртая главы редакции 1943 г., называвшиеся «Башкирия в период завоевания её Московским государством» и «Борьба башкирского народа за независимость во второй половине XVI и в первой половине XVII вв.», были объединены в главу номер три, получившую название «Башкирия в составе Московского государства XVI - XVII вв»[294]. Её переработка была поручена Устюгову и крупному специалисту по истории Казахстана Н. Г. Аполловой. Главы с пятой по восьмую редакции 1943 г., посвящённые башкирским восстаниям и колониальной политике царизма в

[292] Салазникова С. С. Антибольшевистские правительства Урала и Сибири в период «демократической контрреволюции»: январь–ноябрь 1918 г.: автореф. дисс… канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005. С. 5.
[293] АРАН. Ф. 1535. Оп. 3. Ед. хр. 83. Л.50.
[294] АРАН. Ф. 1535. Оп. 3. Ед. хр. 84. Лл. 32–34.

XVIII в. были объединены в главу номер четыре, получившую название «Башкирия в XVIII в». Её переработка была поручена шести авторам: Аполлова должна была подготовить раздел о социально-экономическом развитии Башкирии в первой половине XVIII в., Лебедев – о восстании 1705–1711 гг., ученица Устюгова Е. И. Каменцева – о восстании 1735–1736 гг., Устюгов о восстании 1737–1739 гг., архивист и библиограф Ю. А. Красовский – о восстании 1755 г., московский историк А. П. Николаенко – о социально-экономических отношениях в Башкирии во второй половине XVIII в. и восстании Салавата Юлаева. Из редакции 1943 г. решено было сохранить разделы о восстании Карасакала, написанный Н. И. Кудрявцевой, и о тептяро-бобыльском выступлении 1747 г., написанный Чулошниковым[295].

Следует отметить, что сокращение «Очерков» было связано не только с идеологическими причинами, но и с тем, что главы по истории XIX–XX вв., написанные башкирскими авторами, содержали большое количество необработанного источникового материала[296]. В новой редакции «Очерков» сотрудникам Башкирского НИИ было поручено написание разделов по истории культуры. Так же было принято решение о написании второго тома «Очерков», посвящённого советскому периоду. В соответствии с «Кратким курсом истории ВКП (б)» его содержание открывалось свержением самодержавия, и в него переходили две последние главы «Очерков», посвящённые периоду Революции и Гражданской войны. Таким образом объём их первого тома ограничивался девятью главами. После утверждения состава авторского коллектива и плана переработки «Очерков» на совещании встал вопрос о сроках окончания работы. Отвечая на него, Устюгов сказал, что мечтает положить на стол директора института готовый текст «Очерков» к 1 декабря 1946 г. и пообещал прочитать одну готовую часть, которую участники совещания смогут подвергнуть самой жёсткой критике[297].

---

[295]АРАН. Ф. 1535. Оп. 3. Ед. хр. 84. Лл. 32–36, 150–154.
[296]АРАН. Ф. 1535. Оп. 3. Ед. хр. 83. Лл. 26, 28.
[297] АРАН. Ф. 1535. Оп. 3. Ед. хр. 84. Л. 157.

На следующий день, 7 февраля Устюгов прочитал доклад об оценке башкирских восстаний XVII в. Его текст восходил к рукописи 1939 г., но в нём гораздо меньше проявлялось следование штампам официальной идеологии. Очевидно, Устюгов решил воспользоваться произошедшей во время Великой Отечественной войны переоценкой прошлого России и коренных народов, для того, чтобы высказать свои взгляды на башкирские восстания XVII в. Если в рукописи 1939 г. он связывал подготовку восстания 1662–1665 гг. с деятельностью башкирских феодалов, получивших поддержку со стороны сибирских царевичей и Крымского ханства, то в докладе он переставлял акценты и утверждал, что организаторами восстания было царевичи, стремившиеся к восстановлению Сибирского ханства и воспользовавшиеся недовольством башкирского населения[298]. При этом, Устюгов отказывался от слабо подкреплённого источниками тезиса об организующей роли Крымского ханства в данном восстании и утверждал, что ссылка на крымскую помощь являлась лишь агитационным приёмом руководителей восстания, целью которого являлась активизация деятельности башкир.

Говоря о причинах недовольства башкир политикой Московского государства, он избегал традиционного для советской историографии подчёркивания алчности царского правительства и указывал, что оно никогда не ставило своей целью разорения башкир, так как было заинтересовано, в сохранении их способности уплачивать ясак в казну. Следует отметить, что в указании на заинтересованность правительства в сохранении платёжеспособности башкир проявилось характерное для творчества Устюгова представление о надклассовой роли государства, унаследованное им от дореволюционной историографии. Вместе с этим Устюгов отмечал контраст между намерениями правительства и повседневной административной практикой и утверждал, что тяжесть податей, земельные захваты и злоупотребления со стороны местной администрации вызывали рост недовольства среди рядовых башкир. Рассматривая причины, вызвавшие участие в восстании башкирских феодалов,

[298]АРАН. Ф. 1535. Оп. 3. Ед. хр. 84. Лл. 179, 188.

он, также как и в рукописи 1939 г., приводил тезис Н. А. Фирсова о том, что многие из них были недовольны своим превращением в слуг московского государя и утратой безраздельного господства над трудящимися населением.

Кратко характеризуя ход восстания в 1662–1663 гг., он говорил, что движение башкир вылилось в нападения на русские поселения, «причём нападавшие не делали разницы между помещичьими и крестьянскими поселениями, они грабили подряд и те и другие, жгли, уводили в плен, отгоняли скот»[299]. Говоря о причинах прекращения восстания, Устюгов повторял выводы, сделанные им в восьмом параграфе рукописи 1939 г. и утверждал, что оно прекратилось вследствие разочарования в нём рядовых башкир, которым оно принесло только разорение. В качестве второй причины прекращения восстания он называл переход на сторону правительства феодалов, привлечённых обещаниями жалования, служебных и податных льгот[300]. В результате башкиры Ногайской дороги в конце 1663 г. принесли повинную московским властям, а башкиры Зауралья прекратили сопротивление, потерпев в том же году тяжёлое поражение от правительственных войск. После этого в 1664–1665 гг. происходили только отдельные выступления наиболее твёрдых сторонников Кучумовичей.

Подводя итоги восстания 1662–1665 гг. Устюгов утверждал, что его нельзя называть национально-освободительными движением, т. к. оно вело не к освобождению башкир из под власти Московского государства, а к их подчинению Кучумовичам или калмыкам, что означало бы порабощение башкир и ассимиляцию их другими кочевыми народами. При этом он подчёркивал, что реакционная деятельность калмыков особенно ярко проявилась в ходе Сеитовского восстания 1676–1683 гг. Устюгов отмечал, что активные действия башкир в ходе этого восстания начались только в 1682 г. после того, как они примирились с калмыками. Кратко пересказывая содержание пятнадцатого и шестнадцатого параграфов рукописи 1939 г., он говорил, что в 1682 г. башкиры и калмыки действовали вместе, но московское правительство сумело поссорить

[299] АРАН. Ф. 1535. Оп. 3. Ед. хр. 84. Л. 180.
[300] Там же. Лл. 185–187.

союзников и добилось того, что калмыки принесли присягу на верность царским властям. Но, несмотря на принесённую присягу, калмыки продолжали грабить русские и башкирские поселения. По словам Устюгова, действия калмыков в 1683 г. наглядно показали, что калмыцкие феодалы стремились к расширению своих кочевий, захвату башкирского имущества и подчинению башкир своей власти. Спасаясь от калмыцких отрядов, башкиры в панике покидали свои поселения, бросая своё имущество. Это давало Устюгову основание утверждать, что союз с калмыками не принёс башкирам ничего, кроме тяжёлых последствий[301]. Давая в конце доклада идеологическую характеристику восстаний, он повторял тезис о том, что башкирские восстания нельзя называть национально-освободительными. Подкрепляя свои выводы ссылкой на классиков марксизма-ленинизма, он приводил цитату из работы Сталина «Об основах ленинизма», в которой говорилось, что национальные движения угнетённых стран нужно оценивать по их результатам, и заявлял, что по своим результатам башкирские восстания XVII в. были реакционными[302].

После завершения доклада Устюгову был задан ряд вопросов о документах, на основании которых он делал свои выводы. Устюгов не стал подробно характеризовать источники доклада, а ограничился указаниями на упоминания во многих документах организующей роли Кучумовичей и разорении калмыками башкирских селений в ходе восстаний. При этом он подчеркнул, что в отличие от башкирских восстаний XVII столетия башкирские движения XVIII в., носили характер освободительной борьбы против царизма[303]. Следует отметить, что, отвечая на вопросы, Устюгов датировал башкирские восстания XVII в. иначе, чем в докладе. Если в докладе, написанном на основе довоенных рукописей, он использовал датировки Фирсова и Чулошникова, полагавших, что башкирские восстания происходили в 1662–1665 и 1676–1683 гг., то при ответах на вопросы он датировал башкирские восстания 1662–1664 и 1682–1683 гг. Причина изменения дат башкирского движения шестидесятых годов XVII в. была раскрыта

[301] АРАН. Ф. 1535. Оп. 3. Ед. хр. 84. Л. 194–195.
[302] Там же. Л. 196.
[303] Там же. Л. 205.

им в заключительном слове после обсуждения доклада, где он сказал: «Дело в том, что в 1662–1663 гг. восстаниями действительно охвачена была вся Башкирия <…> это восстание было восстанием широких масс, поскольку оно охватило все четыре башкирские дороги. Если же говорить о последних годах, в частности, 1664–1665, то восстание в 1664 г., как массовое движение башкирского народа прекращается»[304]. Изменение датировки Сеитовского восстания было вызвано отсутствием упоминаний в документах о вооружённых выступлениях башкир в период с 1676 по 1681 гг., что было отмечено Устюговым ещё в первой крупной работе по истории Башкирии – рукописи 1939 г. Новая датировка башкирского движения 1660-х гг. была в дальнейшем использована Устюговым в специальном исследовании, посвящённом этому восстанию, и в таких крупных обобщающих работах как «Очерки истории СССР» и «Очерки по истории Башкирской АССР».

Вслед за ответами докладчика на вопросы началось обсуждение, в ходе которого все участники совещания выступили против его позиции. Для историков ВКП (б) являлась неприемлемой реабилитация царизма, а у башкирских историков к этой причине добавлялось неприятие дегероизации их прошлого. Поддерживавшие Устюгова в других вопросах Лебедев и Раимов, вероятно, посчитали, что его взгляды не соответствовали текущему идеологическому моменту. Наиболее чётко позицию остальных участников выразил башкирский историк С. Н. Нигматуллин, заявивший, что докладчик впал в другую крайность и перешёл от идеализации башкирских восстаний XVII в. к отрицанию положительных сторон башкирских движений XVII в[305]. Оценку восстания 1662–1665 гг. как реакционного поддержал только Раимов, но и он указал, что Устюгов излишне благожелательно описывал политику царизма. Выступая после обсуждения, Устюгов заявил, что сознательно заострил поднятые вопросы с целью вызвать дискуссию по данным проблемам. Он отметил, что у него есть другой текст о башкирских восстаниях XVII в. и наблюдения, вынесенные из

[304]АРАН. Ф. 1535. Оп. 3. Ед. хр. 84. Л. 241.
[305] Там же. Л. 218.

дискуссии, будут использованы им при доработке этого текста[306]. При этом он не внёс ни одного слова о своём докладе в официальный отчёт о совещании, опубликованный в журнале «Вопросы истории» под заголовком «В Институте истории Академии наук СССР»[307].

Вслед за совещанием в Москве, в июле 1946 г. прошло совещание в Уфе, на котором в качестве представителя Башкирской комиссии присутствовал Устюгов. В нём участвовали работники Башкирского НИИ и был намечен план их работ по написанию «Очерков»[308]. Сам Устюгов после московского совещания приступил к переработке третьей главы «Очерков», посвящённой башкирским восстаниям XVII в., для чего им были привлечены новые архивные материалы. Он обратился к фонду Калмыцких дел в ЦГАДА (с 1941 г. так назывался ГАФКЭ), важность документов которого для истории Башкирии была отмечена им ещё в 1938 г. в рецензии на первую часть «Материалов по истории Башкирской АССР». Если в довоенных работах по истории Башкирии Устюгов использовал только одно дело из этого фонда, то теперь им было использовано двадцать девять дел, содержавших информацию о русских посольствах к калмыкам и калмыцких посольствах в Россию.

Привлечение данных дел позволило установить, что после прихода калмыков к русским границам в начале XVII в., между ними и башкирами происходили неоднократные конфликты из-за территорий в среднем течении реки Яик и верховьях Тобола. Несмотря на то, что башкиры не использовали эти земли для кочевания, они имели очень большое значение для их хозяйства, т. к. являлись районом загонной охоты, добыча от которой поступала на уплату ясака. В свою очередь калмыки стремились использовать эти земли в качестве района кочевий. При этом данные конфликты усугублялись практикой феодальных набегов, являвшихся неотъемлемой частью хозяйства, как калмыков, так и башкир. До 1661 г. московское правительство всегда выступало в башкиро-калмыцких конфликтах на стороне башкир. Однако во время русско-польской

[306] АРАН. Ф. 1535. Оп. 3. Ед. хр. 84. .Л. 242.
[307] Устюгов Н. В. В Институте истории Академии наук СССР // Вопросы истории. 1946. № 8–9. С. 151–154.
[308] АРАН. Ф. 1535. Оп. 3. Ед. хр. 101. Л. 1.

войны 1654–1667 гг. ряд калмыцких тайшей решил окончательно перейти в подданство России. Московское правительство, нуждавшееся в дополнительных воинских контингентах, согласилось принять это предложение. Но калмыки согласились принять русское подданство только с условием прекращения башкирских набегов на калмыцкие земли и изъятия у башкир калмыцкого полона. Эти требования были удовлетворены, и уфимский воевода Ф. И. Сомов в 1661 г. отобрал у башкир пленников и вернул их калмыкам. Это мероприятие вызвало крайнее недовольство башкирских феодалов и послужило одним из непосредственных поводов к началу восстания 1662–1664 гг., т. к. означало реализацию запрета на набеги, лишавшего башкирскую знать части её доходов[309].

Также знакомство с материалами фонда Калмыцких дел позволило Устюгову выяснить, что Кучумовичи, являвшиеся претендентами на земли бывшего Сибирского ханства, не представляли в первой половине XVII в. самостоятельной силы, а зависели от калмыцких правителей. В свою очередь калмыки, несмотря на конфликты с башкирами, не оставляли намерений подчинить их своей власти, т. к. их привлекала воинская сила башкир. В 1649 г. главный тайша калмыков Дайчин говорил послу уфимского воеводы И. И. Онучину: «а только де башкирцы учнут кочевать со мною, и нам де, окромя бога, кому что зделать?»[310]. Устюгов отмечал, что такая позиция калмыков объясняет их действия во время восстания 1662–1664 гг.

Калмыцкие материалы вошли в работу под названием «Башкирские восстания XVII в»., представленную Устюговым в Башкирскую комиссию в 1947 г. За исключением страниц, посвящённых взаимоотношениям башкир и калмыков, её текст почти не отличался от одноимённого раздела, подготовленного Устюговым в 1939 г. для четвёртого тома «Истории СССР». Проявив невнимание к изменениям официальной идеологии, Устюгов перенёс в новый вариант главы и данную в довоенный период оценку башкирских

[309] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Раздел «А». Оп. 1. Д. 50е. Лл. 16-17.
[310] Там же. Лл. 8-16.

восстаний как прогрессивных освободительных движений[311]. В послевоенные годы, когда на первое место в идеологии выступили мотивы совместной борьбы русских и коренных народов против внешних врагов, эти оценки выглядели неуместно. В связи с этим, Раимов сделал на представленном в Башкирскую комиссию экземпляре пометки о необходимости переоценки восстаний, в которых писал: «Нужно об этом восстании сказать более деффиренцировано (так в тексте! – прим. авт.); движение масс было прогрессивным, а набеги с Кучумовичами реакционными»[312]. Этот совет был принят Устюговым, и в своих дальнейших работах он давал башкирским восстаниям двойственную оценку, указывая, что в них сочетались прогрессивные и реакционные черты.

Подводя итоги, следует отметить, что характерной чертой советской исторической науки являлось стремление многих историков использовать идеологические перемены для продвижения собственных оценок исторических событий. Такую попытку предпринял и Устюгов, попытавшийся использовать начавшийся в годы войны поворот к негативной оценке национальных движений для продвижения своей характеристики башкирских восстаний. Однако он переоценил готовность исторического сообщества к отказу от прежних идеологических схем, и его попытка окончилась неудачей. Вместе с тем следует понимать, что развитие советской историографии не сводилось к идеологической переоценке исторических явлений. В этот же период Устюгов начал серьёзно расширять источниковую базу своих исследований по истории Башкирии, что позволило ему создать оригинальную концепцию причин башкирских восстаний, которую мы будем именовать концепцией «свободного вассалитета».

2-2. Создание концепции «свободного вассалитета»

Устюгов продолжил изучение Калмыцких дел и после представления «Башкирских восстаний XVII в.» в Башкирскую комиссию. В это время он

[311]НА ИРИ РАН. Ф. 1. Раздел «А». Оп. 1. Д. 50е. Л. 49.
[312] Там же. .Л.84.

установил, что, кроме изъятия у башкир калмыцкого полона, другим поводом к восстанию 1662–1664 гг. стало усиление фискального гнёта, вызванное финансовыми затруднениями царского правительства во время русско-польской войны 1654–1667 гг. Этот повод сближал данное выступление с московским восстанием 1662 г., вошедшим в историю под названием Медный бунт. Используя статейный список дьяка И. С. Горохова, направленного из Москвы к калмыкам в 1661 г., Устюгов выяснил, что несколько представителей башкирской знати бежало в калмыцкие улусы, не выдержав тягот ясачного сбора. Благодаря уговорам Горохова башкиры, жившие в улусах тайши Мончака, принесли шерть русскому царю. Следует отметить, что Устюгов был не первым историком, использовавшим данные статейного списка Горохова. Содержавшиеся в нём сведения о бегстве башкир в калмыцкие улусы из-за фискальных тягот были изложены в 1862 г. С. М. Соловьёвым в двенадцатом томе «Истории России с древнейших времён»[313]. Однако Устюгов, ссылаясь не на работу Соловьёва, а на архивные материалы, по новому объяснял отъезд башкир к калмыкам, рассматривая его в рамках своей концепции «свободного вассалитета».

Эта концепция была создана им в ходе переработки раздела о восстании 1737–1739 гг., которая шла параллельно с подготовкой новой редакции главы о башкирских восстаниях XVII в. Занимаясь переработкой данного раздела, Устюгов обратился к источникам по истории восстания 1737–1739 гг., сохранившимися в ЦГАДА в фондах Кабинета и Правительствующего сената, знакомство с которыми заставило его серьёзно переосмыслить башкирскую историю XVII–XVIII вв. Как и прежде, Устюгов считал башкирские восстания феодальными движениями, направленными на подчинение башкир власти Кучумовичей или калмыцких тайшей. Но изучение документов по башкирской истории XVIII в. позволило ему понять мотивы и цели восставших, отказывавшихся от подчинения царской власти. Опираясь на письма вождей восстания 1737–1739 гг., адресованные руководителям Оренбургской администрации, Устюгов утверждал, что башкирские феодалы считали себя не

[313]Соловьёв С. М. Сочинения в 18 книгах. М., 1991.Кн.VI.С.555–558.

подданными русских царей, а их вассалами, добровольно служащими своему сеньору. Добровольность службы подразумевала право отъезда и смены сеньора, если условия вассалитета казались вассалу неприемлемыми. Следуя марксистской методологии, Устюгов связывал причины такого восприятия башкирами своих отношений с русским правительством с их экономической отсталостью. Основными отраслями башкирского хозяйства являлись кочевое скотоводство, бортничество и охота, что вело к неразвитости производительных сил. Слабое развитие производства означало незначительность торгового обмена, компенсацией которой служили феодальные набеги на соседние кочевые владения. Низкий уровень развития башкирской экономики закреплял существование феодальной раздробленности у башкир, что означало сохранение у башкирской знати представлений, соответствующих данной стадии развития общества. В России же отношения вассалитета сменились отношениями подданства ещё в XV– XVI вв., и в глазах московских наместников подобные отъезды башкир к другим степным сюзеренам являлись изменой и поводом для карательных экспедиций.

Используя метод ретроспекции, Устюгов применял концепцию «свободного вассалитета» к восстаниям башкир в XVII в. В предыдущих работах они объяснялись Устюговым, как стихийные возмущения башкир против русской власти, поддержанные или инспирированные сибирскими царевичами. Теперь, они трактовались, как попытки башкирских феодалов сменить сюзерена, оставив московское подданство и перейдя под власть сибирских царевичей или калмыцких тайшей. Получили при этом своё объяснение и набеги башкир на русские поселения, являвшиеся основной тактикой восставших. Также опираясь на письма башкирских старшин к Оренбургской администрации во время восстания 1737–1739 гг., Устюгов утверждал, что набеги, грабёж и захват пленных являлись сопутствующими обстоятельствами смены кочевыми феодалами своих сюзеренов, так как кочевой феодал считал делом чести приехать к новому сюзерену с богатой добычей.

Идея об усилении фискального гнёта как одном из поводов башкирского восстания 1662–1664 гг. и концепция «свободного вассалитета» башкир были впервые обнародованы Устюговым в июле 1947 г. в докладах на научной сессии в Уфе, являвшейся одним из мероприятий по подготовке «Очерков по истории Башкирии». Сессия была посвящена вопросам истории Башкирии и истории башкирской культуры. На ней Устюговым было прочитано два доклада, первый из которых был посвящён характеру башкирского восстания 1662–1664 гг., а второй – башкирскому восстанию 1737–1739 гг. Следуя совету Раимова, Устюгов дал двойственную оценку восстанию 1662–1664 гг., отметив, что в нём сочетались реакционные и прогрессивные черты. Он говорил, что, несмотря на то, что это движение готовилось и возглавлялось феодалами, оно находило отклик в широких массах башкирского народа и представляло собой социальный протест башкир против московского феодально-крепостнического правительства и колониальной политики царизма. Хотя, формой восстания являлись феодальные набеги, оно отличалось от них своими целями и своим массовым характером. Выступление башкирского народа против фискального гнёта московского правительства являлось прогрессивной чертой восстания. Также его частным прогрессивным результатом являлись уступки сделанные правительством башкирам в земельном вопросе. Но политическая форма восстания была связана с представлениями башкирских феодалов о своём подданстве, как о «свободном вассалитете», и представляла собой поиск феодалами нового сюзерена в лице царевичей-Кучумовичей и калмыцких тайшей. По мнению Устюгова, отказ от московского подданства и подчинение тайшам и Кучумовичам, безусловно, являлись шагом назад в экономическом, политическом и культурном смыслах и представляли собой реакционную сторону восстания[314].

Говоря о восстании 1737–1739 гг. Устюгов также отметил, что оно возглавлялось феодалами, имело форму набегов и вело к отказу башкир от русского подданства и переходу их под власть казахских или джунгарских ханов.

[314] Гузаирова Т. Научная сессия, посвящённая вопросам истории Башкирии и истории культуры башкирского народа // Вопросы истории. 1947. № 11. С. 142.

Вместе с тем он дал этому восстанию однозначно положительную оценку, указав, что несомненным прогрессивным результатом башкирских восстаний XVII в. было то, что они не допустили закрепощения башкирского народа[315]. Следует отметить, что не все участники совещания поддержали оценки Устюгова т. к. многие башкирские историки не желали признавать реакционные черты в восстании 1662–1664 гг. В официальном отчёте, опубликованном в «Вопросах истории», говорилось, что против позиции Устюгова выступил уфимский краевед П. Ф. Ищериков, настаивавший на оценке восстания 1662–1664 гг. как абсолютно прогрессивного, но участники прений по докладам не согласились с его точкой зрения[316].

Первой опубликованной работой Устюгова, содержавшей основные положения концепции «свободного вассалитета», стала статья «Башкирское восстание 1662–1664 гг.», вышедшая в 24 томе «Исторических записок», который был подписан в печать в сентябре 1947 г. В её основе лежали разделы по истории Башкирии, написанные Устюговым для четвёртого и пятого томов «Очерков истории СССР» в довоенные годы и доклад, прочитанный им на совещании Башкирской комиссии в 1946 г. При этом их текст был серьёзно дополнен и переработан на основе новых архивных материалов из фондов ЦГАДА.

Статья 1947 г. открывалась разделом, озаглавленным «Политика московского правительства и внутреннее положение Башкирии накануне восстания». В начале него Устюгов повторял тезис, впервые высказанный им в докладе 1946 г., о противоречии между целями правительственной политики, стремившейся к сохранению платёжеспособности ясачного населения, и повседневной административной практикой, нередко сопровождавшейся злоупотреблениями должностных лиц. Но если в докладе этот тезис только формулировался, то в статье он был подкреплён ссылками на архивные материалы из фондов Правительствующего Сената, Калмыцких дел и столбцов Оружейной палаты. При этом Устюгов трактовал сравнительно мягкую политику

[315] Гузаирова Т. Научная сессия, посвящённая вопросам истории Башкирии и истории культуры башкирского народа // Вопросы истории. 1947. № 11.. С. 142.
[316] Там же. С, 142.

правительства по отношению к башкирам в духе концепции «свободного вассалитета» и объяснял её тем, что в Москве опасались «ожесточить» башкирских феодалов и вызвать их отъезд из владений московских царей [317].

Вслед за рассмотрением правительственной политики в отношении башкир Устюгов переходил к описанию социальной структуры башкирского общества. Как и в более ранних работах он писал, что башкирское общество было феодальным. Вместе с тем, привлечение архивных материалов из фондов Правительствующего Сената и Калмыцких дел, позволило Устюгову точнее показать права и обязанности представителей башкирской знати, обозначавшихся им термином феодалы. Он указывал, что именно на феодалов была возложена ответственность за своевременное поступление в казну ясачных сборов. Кроме этого он отмечал, что власть феодалов над рядовыми башкирами проявлялась не только в праве распоряжения кочевьями и сборе ясака, но и в том, что они являлись командирами военных отрядов, состоявших из подчинённых им ясачных людей[318]. Рассмотрев положение феодалов в башкирском обществе, Устюгов излагал основные положения концепции «свободного вассалитета[319].

Второй и третий разделы статьи 1947 г. были посвящены, соответственно, отношениям башкир с царевичами-Кучумовичами и калмыками. В них Устюгов повторял основные выводы по данной проблеме, изложенные в тексте «Башкирских восстаний XVII в.», представленном в Башкирскую комиссию в начале 1947 г., и акцентировал конфликтный характер отношений между башкирами и их степными соседями. Четвёртый раздел статьи 1947 г. назывался «Причины восстания и его движущие силы» и тематически совпадал с третьим и четвёртым параграфами рукописи 1939 г. При этом Устюгову удалось заметно углубить понимание данных проблем по сравнению с довоенной работой. Если в рукописи 1939 г. он не разделял причины и повод восстания, ограничиваясь перечислением негативных сторон положения башкир в России, то в статье 1947 г. он указывал, что причинами восстания стали усиления фискального гнёта в

[317] Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки. М.,1947. Т. 24. С. 36.
[318] Там же. С. 39.
[319] Там же. С. 42–45.

ходе русско-польской войны 1654–1667 гг. и запрещение башкирам совершать набеги на калмыков. Конкретным поводом к восстанию послужили злоупотребления при изъятии калмыцких пленников и сборе ясака.[320] Устюгов писал, что в этой ситуации башкирские феодалы решили отказаться от русского подданства и перейти под власть степных правителей. Феодалы Ногайской дороги обратились к калмыцким тайшам, а феодалы Сибирской дороги стали искать связи с царевичами-Кучумовичами, кочевавшими у юго-западных границ Башкирии. Он также упоминал о том, что в источниках имеются указания на связь восставших башкир с Крымом, но как и в докладе 1946 г. он отрицал серьёзную роль Крымского ханства в организации восстания. Опираясь на наказ уфимскому воеводе Ф. И. Сомову, датированный 1664 г. и сохранившийся в ЦГАДА в фондах Правительствующего Сената в копии XVIII в., Устюгов писал, что царское правительство не обвиняло башкир в намерении восстановить Сибирское ханство или создать мусульманское государство под протекторатом Крыма. Оно обвиняло их в отъезде к калмыкам и царевичу Кучуку, что трактовалось Устюговым в духе концепции «свободного вассалитета» как смена сюзерена в ситуации невыполнения им своих обязательств[321]. В конце раздела о причинах и движущих силах восстания Устюгов повторял основные тезисы уфимского доклада 1947 г. о роли феодалов и народных масс в восстании 1662–1664 гг. и о набегах как форме, которую приняло данное движение.

Следующие разделы статьи в «Исторических записках» были посвящены непосредственно восстанию 1662–1664 гг. Их текст базировался на соответствующих параграфах рукописи 1939 г., содержание которых было значительно расширено за счёт привлечения новых архивных материалов из фондов Сибирского приказа и Калмыцких дел в ЦГАДА. Пятый раздел статьи был посвящён рассмотрению движения башкир в 1662 г. Из документов, сохранившихся в фонде Сибирского приказа, Устюговым были извлечены сведения о башкирском выступлении в Зауралье, что позволило ему выявить

[320] АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 39. Лл. 54–57. Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1662–1664 гг… С. 68.
[321] Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1662–1664 гг... С. 68–69.

новые факты участия в восстании сибирского царевича Кучука. Если в прежних своих работах Устюгов утверждал, что Кучук принял непосредственное участие в восстании только в 1663 г., то теперь он смог установить, что Кучук участвовал в первых башкирских нападениях на русские слободы в 1662 г[322]. Кроме этого привлечение материалов Калмыцких дел позволило ему выяснить, что калмыцкие тайши в 1662 г.подстрекали башкир Уфимского уезда к выступлению против московской власти и отъезду в калмыцкие улусы. Также Устюгову удалось установить наличие тесной связи с калмыками Гаура Ахбулатова, который был выдан царским властям вместе с Улекеем Кривым в конце 1662 г. в качестве организатора восстания[323]. Вскоре Гаур и Улекей были повешены по распоряжения уфимского воеводы.

До начала специального изучения башкирских восстаний XVIII в. Устюгов считал Гаура и Улекея действительными организаторами восстания, что ярко проявилось в «Очерках по истории Башкирии» редакции 1943 г[324]. Однако изучение материалов башкирских восстаний 1705–1711 и 1735–1736 гг. позволило ему усомниться в данном утверждении, т. к. в ходе этих восстаний их действительные лидеры, принадлежавшие к башкирской знати, нередко избегали наказания, в то время как менее значимые участники движений подвергались смертной казни. Устюгов специально отмечал, что уфимский воевода, отвечая на жалобы башкир, указывал, что Гаур и Улекей были казнены потому, что были выданы царским властям самими башкирами, а не потому, что играли руководящую роль в восстании. Данное обстоятельство, вместе с указаниями источников об участии в восстании башкир Кипчакской волости, позволило Устюгову предположить, что в 1662 г. за спиной тех лиц, которые были выданы властям как организаторы восстания, стояли более крупные феодалы – тарханы Кипчакской волости братья Девлетбаевы. Когда в конце 1663 г. восстание пошло на убыль, что было связано с одной стороны с наступлением зимы, а с другой с

[322] Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1662–1664 гг… С. 77.
[323] Там же. С. 70–71.
[324] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Раздел «А». Оп. 1. Д. 50а. Л. 73.

приближением карательных отрядов, эти же тарханы возглавили движение к примирению с правительством[325].

В шестом разделе статьи, посвящённом мероприятиям царского правительства по борьбе с восстанием, также были использованы новые архивные материалы, позволившие установить обстоятельства принесения повинной восставшими башкирами в конце 1662 г. Из фонда Сибирского приказа были извлечены документы, содержавшие сведения о посольстве, направленном от тобольского воеводы к башкирам в декабре 1662 г. Материалы этого посольства позволили выявить внутреннюю неоднородность лагеря повстанцев, проявлявшуюся в различном отношении к возможности примирения с царским правительством. Если башкиры, не примыкавшие к Кучумовичам до начала восстания, сразу согласились прекратить сопротивление и принести шерть московским властям, то т. н. башкиры-«выходцы» до 1661 г., кочевавшие вместе с сибирскими царевичами, отказались идти на примирение с правительством[326]. Кроме этого Устюгову удалось установить судьбу лидера «выходцев» Сары Мергеня, возглавлявшего повстанцев Сибирской дороги в 1662 г. Если в рукописи 1939 г. он просто отмечал, что на рубеже 1662/1663 гг. его имя исчезает из источников, то теперь ему удалось точно установить, что Сары Мергень скончался в начале 1663 г. Также Устюгову удалось найти в Калмыцких делах данные о ещё одном посольстве к башкирам, направленном осенью 1662 г. астраханским воеводой кн. Г.С. Черкасским. Устюгов отмечал, что данное посольство увенчалось успехом и завершилось принесением повинной башкирами Ногайской и части Сибирской дороги. Вместе с этим в Калмыцких делах, Устюгову удалось найти письмо князю Черкасскому от принёсших повинную башкир, в котором они просили освободить заложников, данных ими уфимскому воеводе и жаловались на действия А. И. Приклонского и В. Алабаша, отбиравших у них калмыцких пленников в 1661 г[327].

---

[325]Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1662–1664 гг... С. 73.
[326] Там же. С. 80–83.
[327] Там же. С. 86–87.

Если пятый и шестой разделы представляли собой расширенные версии соответствующих параграфов рукописи 1939 г., то седьмой раздел, посвящённый подготовке башкир к возобновлению восстания в 1663 г. не имел аналогов в предшествующих работах Устюгова и был почти полностью написан на основании новых архивных источников. Устюгов показывал, что в Зауралье подготовку к продолжению восстания возглавлял царевич Кучук, а в Приуралье активную помощь башкирам, не принёсшим повинную, оказывали калмыки. Вместе с этим он отмечал, что башкиры, помирившиеся с царским правительством, также имели много поводов для недовольства действиями царской администрации. Никакого расследования по жалобам башкир произведено не было, а вызывавшие их наибольшее недовольство А. И. Приклонский и В. Алабаш не понесли никакого наказания. Устюгов отмечал, что лишь осенью 1663 г. башкирам было объявлено, что Приклонский и Алабаш сосланы с Уфы и писал: «Возникает вопрос: куда? В ссылку? – Нет. Они были с повышением переведены в Москву»[328]. Он отмечал, что данная политика лишь возбуждала недовольство башкир и привела к тому, что они решили вновь выступить против властей в 1663 г.

Разделы статьи в «Исторических записках», посвящённые движению башкир 1663–1664 гг. в целом повторяли соответствующие параграфы рукописи 1939 г. Они также делились по географическому признаку: в восьмом разделе рассматривалось восстание в Ногайской и Казанской дорогах, а в девятом восстание в Сибирской и Осинской дорогах. В этих разделах наиболее серьёзные изменения по сравнению с довоенными работами Устюгова были связаны с привлечением материалов из фондов Правительствующего Сената. Их использование позволило установить факт принесения повинной башкирами Осинской дороги весной 1664 г[329].

Кроме того, материалы данного фонда позволили Устюгову сделать вывод о правительственных уступках при подавлении восстания 1662–1664 гг., который

[328]Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1662–1664 гг... С. 91–92.
[329] Там же. С. 101.

впервые прозвучал в докладе на уфимской сессии 1947 г. Устюгов выяснил, что послы от башкир Ногайской дороги согласились принести повинную в Приказе Казанского дворца с условием, что с участников восстания не будут требовать возврата захваченного имущества, не имевшегося у них в наличии. В дальнейшем это условие было распространено и на башкир остальных дорог. Также он установил, что прекращению сопротивления башкир Сибирской дороги предшествовало не только их поражение от московских войск, но и посольство от Казанского воеводы кн. Г. С. Куракина. Вернувшись в Казань, послы доложили, что башкиры готовы принести повинную, если к ним пришлют для переговоров стольника Ф. И. Сомова, являвшегося уфимским воеводой в 1660/1661–1662 гг. Сомов был вновь назначен уфимским воеводой и 15 мая 1664 г. ему был дан наказ, в котором содержались пункты, которые должны были смягчить недовольство башкир и способствовать умиротворению края. Право на покупку и получение в аренду башкирских земель сохраняли только башкиры, русским и представителям народов Поволжья покупать и арендовать башкирские земли запрещалось. Также в наказе подтверждался запрет на насилия при сборе ясака и содержалось распоряжение удовлетворить претензии башкир по старым земельным спорам[330]. Вместе с тем, Устюгов отмечал, что, делая уступки восставшим, правительство, одновременно, заботилось о военном усилении русского господства в Башкирии: Сомову было велено построить новые укрепления в Уфе, Соловарном городке и в селе Архангельском на реке Бири, и поселить служилых людей в Соловарный городок[331]. Событиями, связанными с изданием наказа Сомову, Устюгов завершал историю башкирского восстания шестидесятых годов XVII в. Как и в выступлении на совещании Башкирской комиссии в феврале 1946 г., он трактовал нападения Кучумовичей на русские поселения в 1664–1667 гг. как феодальные набеги, не имеющие отношения к восстанию башкир.

[330] Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1662–1664 гг… С. 106–107.
[331] Там же. С. 107.

Последний десятый раздел статьи носил название «Общий характер башкирского восстания 1662–1664 гг.» и представлял собой заключение к ней. В нём повторялись основные выводы доклада сделанного Устюговым на уфимской сессии летом 1947 г. Также, как и в докладе, восстание было названо широким движением башкирского народа, возглавленным феодалами, и получило двойственную оценку, связанную с наличием в нём прогрессивных и реакционных черт. Использование концепции «свободного вассалитета» позволило Устюгову в итоговых выводах глубже, чем в предыдущих работах охарактеризовать причины принесения повинной большинством башкир на рубеже 1663–1664 гг. В рукописи 1939 г. и докладе 1946 г. он называл в качестве одной из основных причин прекращения восстания разочарование в нём рядовых башкир[332]. Но эта причина в то время не соответствовала официальной идеологии, и в «Очерках по истории Башкирии» редакции 1943 г. он был вынужден назвать основной причиной прекращения восстания переход феодалов на сторону правительства, привлекавшего их различными льготами и обещаниями не наказывать участников восстания[333]. Теперь же Устюгов отмечал, что в восстании 1662–1664 гг. народные массы играли в основном пассивную роль и послушно следовали за своими феодалами. Но в качестве основной причины принесения повинной феодалами он называл не правительственные обещания, а их разочарование в своих новых сюзеренах (калмыках и Кучумовичах) и понимание того, что последние не в состоянии бороться с Московским государством[334].

Статья «Башкирское восстание 1662–1664 гг.» стала первой опубликованной работой, специально посвящённой данному движению, и представляла собой значительный вклад в отечественную историческую науку. Опираясь на широкий круг русских источников, и сохраняя объективность изложения, Устюгов смог выявить причины начала и прекращения восстания, проанализировать социальный состав его участников и установить характер участия в нём степных соседей башкир: Кучумовичей и калмыков. Кроме этого,

---

[332] АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 39. Лл. 88–90. АРАН. Ф. 1535. Оп. 3. Ед. хр. 84. Лл. 185–187.
[333] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Раздел «А». Оп. 1. Д. 50а. Л. 87.
[334] Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1662–1664 гг… С. 109.

как уже выше говорилось, в ней были впервые печатно изложены основные положения концепции «свободного вассалитета». Благодаря этому они стали известны не только в Советском Союзе, но и за его пределами, и оказали влияние на зарубежную историографию.

Они были восприняты одним из крупнейших французских славистов – Р. Порталем, активно использовавшим их во второй части своей диссертации на соискание степени доктора гуманитарных наук, которая была защищена им в декабре 1949 г. Диссертация была посвящена истории Урала XVII–XVIII вв., и в её второй части рассматривалась история башкир в указанные столетия. Несмотря на то, что многие черты социального устройства башкир не соответствовали выработанному во французской историографии определению феодализма, Порталь следовал выработанной Устюговым концепции «свободного вассалитета», согласно которой башкирское общество находилось на стадии феодальной раздробленности, и представители башкирской знати считали себя не подданными русских царей, а их вассалами, добровольно служащими своему сеньору. Добровольность службы подразумевала право отъезда и смены сеньора, если условия вассалитета казались вассалу неприемлемыми. Вслед за Устюговым, Порталь называл различия в понимании характера башкирского подданства одной из важнейших предпосылок башкирских восстаний XVII–XVIII вв[335]. Также ссылаясь на работу Устюгова, Порталь называл непосредственными причинами башкирского восстания 1662–1664 гг. рост налогов вследствие финансового кризиса в Московском государстве в шестидесятых годах XVII в. и запрет для башкир совершать набеги на калмыков, вызванные привлечением последних на военную службу[336]. При этом следует отметить, что Порталь иногда допускал довольно грубые фактические ошибки в истории кочевых народов, в частности, он писал, что в XVII в. калмыки были мусульманами[337].

Влияние Устюгова проявилось и в оценке Порталем русского господства в Башкирии. Ссылаясь на его статью, он писал, что русская экспансия привела к

[335] Порталь Р. Башкирия в XVII–XVIII вв. Уфа, 2000. С. 61–62.
[336] Там же. С. 67.
[337] Там же. С. 69.

политическому объединению башкир, находившихся до присоединения к России в составе различных татарских и ногайских ханств. Вслед за ним Порталь писал, что российская политика в отношении башкир была достаточно осторожной, т. к. русские власти опасались, что башкиры в любой момент откочуют из русских владений в степи. В последующих главах своей работы он также активно использовал труды советских историков, в частности, исследования В. И. Лебедева о башкирском восстании 1705–1711 гг. и А. П. Чулошникова о башкирском восстании 1755 г.

Разработка Устюговым концепции «свободного вассалитета» пришлась на период его участия в написании обобщающих трудов по истории СССР и отдельных советских регионов. Его занятия башкирской историей были непосредственно связаны с подготовкой не только «Очерков по истории Башкирии», но и многотомной «Истории СССР». В конце 1947 г. была готова новая редакция тома, посвящённого XVII в., одним из редакторов которого стал Устюгов. Также для этого тома им был написан ряд разделов, один из которых был посвящён башкирским восстаниям XVII в. В основе данного раздела лежала статья Устюгова «Башкирское восстание 1662–1664 гг.», к которой был добавлен текст о Сеитовском восстании. Как и в случае с движением 1662–1664 гг., история данного выступления была серьёзно переосмыслена Устюговым на основании документов, обнаруженных при изучении башкирского восстания 1737–1739 гг. В ЦГАДА в фонде Правительствующего Сената им была найдена «Татарская гистория» Мустафы Мухамметева. Позднее Ш. Ф. Мухамедьярову удалось установить, что данный источник представлял собой список татарской летописи, входящей в состав сказания о Чингиз-хане и Темир-Аксаке и содержащей изложение событий от разрушения Тамерланом города Булгара до начала XVIII в[338]. Привлечение данной летописи позволило установить, что поводом к восстанию стало издание в 1681 г. указа о лишении мусульманской знати земельных привилегий, связанного с попыткой христианизации народов

[338] АРАН. Ф. 1535. Оп. 3. Ед. хр. 95. Л. 50. Мухамедьяров Ш. Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства. Казань, 2012. С. 16–17.

Приуралья[339]. Установление данного факта позволило Устюгову окончательно отказаться от датировки Сеитовского восстания, использованной Фирсовым и Чулошниковым, и определить его хронологическими рамками 1681–1683 гг. Рассматривая ход данного восстания, он также использовал концепцию «свободного вассалитета» и трактовал его как «широкое движение башкирского народа, возглавленное феодалами». Подводя итоги и давая оценку башкирским восстаниям XVII в., Устюгов, также как и в статье в «Исторических записках», использовал двойственную формулу о сочетании в них прогрессивных и реакционных черт[340]. Но несмотря на соответствие официальному идеологическому курсу «История СССР» в редакции 1947 г. так и не вышла из печати и работа над ней была продолжена в последующие годы.

«История СССР» считались одним из важнейших проектов Института истории, и её подготовка являлась основной задачей Устюгова. Но параллельно с работой над ней, он должен был заниматься переработкой «Очерков по истории Башкирии», требовавшей значительных затрат времени и сил[341]. В это же время Устюгов принял участие в написании обобщающей работы по истории коми. Он стал членом авторского коллектива во главе с С. В. Бахрушиным, подготовившего в 1947 г. текст «Очерков по истории коми-народа».[342] Однако вследствие изменения идеологических оценок истории коренных народов данный труд так и не вышел из печати.

Занятия Устюгова башкирской историей были непосредственно связаны с подготовкой двух крупных обобщающих трудов – многотомной «Истории СССР» и «Очерков по истории Башкирии». Именно, занимаясь подготовкой «Очерков по истории Башкирии», Устюгов обратился к источникам по истории башкирского восстания 1737-1739 гг., знакомство с которыми позволило ему представить историю башкирских выступлений XVII в. в виде борьбы за смену сюзерена и

---

[339] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Раздел «А». Оп. 1. Д. 132. Ед. хр. 22. Лл. 67–70.
[340] Там же. Лл. 59, 84–85.
[341] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Раздел «А». Оп. 1. Д. 50 в. Л. 372.
[342] Филиппова Т. П., Чупрова Э. Г. Документальные источники по истории развития исторических исследований в Коми филиале АН СССР // Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия. М., 2013. С. 510.

создать концепцию «свободного вассалитета». Впервые основные положения данной концепции были представлены Устюговым научному сообществу в докладе на сессии в Уфе летом 1947 г., а публикация её тезисов в конце того же года в статье «Башкирское восстание 1662-1664 гг.», позволила ознакомиться с ней не только отечественным, но и зарубежным историкам.

2-3. Участие Н. В. Устюгова в подготовке второй редакции «Очерков по истории Башкирии»

Совмещая работу над двумя обобщающими трудами, Устюгов использовал раздел о Башкирии XVII в., написанный для многотомной «Истории СССР», в качестве основы для третьей главы новой редакции «Очерков по истории Башкирии», несколько расширив его текст. Данная глава была представлена Устюговым в комиссию в декабре 1947 г. и обсуждена на двух заседаниях: 19 декабря 1947 г. (под председательством Устюгова) и 9 января 1948 г (под председательством В. И. Лебедева). В целом она была встречена положительно, но, как и на совещании в феврале 1946 г. серьёзную критику вызвала реабилитация Устюговым политики царского правительства, проявлявшаяся в утверждениях о том, что оно стремилось не к разорению башкир, а к поддержанию их податной платёжеспособности и спокойствия в крае.

В частности, Р. М. Раимов утверждал, что московское правительство проводило политику колониального гнёта, направленную на то, чтобы «внешне обласкать башкирский народ, а по существу выжать из него всё, что возможно»[343]. Устюгов не принял этого замечания и, возражая Раимову заявил: «Историк обязан <…> рассматривать явления в их движении, в их развитии, а не статически. Нельзя элементы такого острого колониального гнёта, который наблюдается в XVIII веке переносить на более раннюю эпоху». Не отрицая колониального характера московской политики в XVII веке, он утверждал, что «той активной колониальной политики, какая имела место в XVIII веке, в XVII

[343] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Раздел «А». Оп. 1. Д. 50 г. Л. 164.

веке не наблюдалось; элементы активизации колониальной политики появляются только с конца XVII века»[344]. При этом он повторял тезис из статьи в «Исторических записках» о том, что относительно мягкая политика в отношении башкир объяснялась боязнью их отъезда к другим степным правителям. Кроме идеологической критики, Раимовым были высказаны и редакторские замечания, в частности, он предложил разбить главу на разделы для облегчения её восприятия читателем[345]. Это замечание было принято Устюговым, и он позднее разделил главу на параграфы.

На следующем заседании выступил Ш. И. Типеев, в замечаниях которого требования официальной идеологии, переплетались с представлениями школы Покровского и башкирским национализмом. Поскольку в годы Великой Отечественной войны официальная идеология стала требовать от историков демонстрации не вражды, а союза народов СССР, Типеев утверждал, что в главе необходимо подчеркнуть прогрессивное значение присоединения башкир к Московскому государству. Вместе с этим он утверждал, что насилия над башкирским народом шли от правительства, а сам русский народ также подвергался насилию. Также, он указывал, что именно тяжесть ясачного гнёта, а не злоупотребления отдельных должностных лиц вызвала недовольство башкир и становилась поводом для восстаний. Выражая недовольство демонстрацией в главе относительно низкого уровня развития башкир, Типеев отрицал смену башкирами сюзерена в ходе восстаний и утверждал, что калмыки и Кучумовичи являлись для них не сюзеренами, а союзниками. Также его недовольство вызвало то, что из текста главы возникало впечатление, что башкирами всё было заимствовано, «вплоть до плетения лаптей и заготовления сена на зиму», - что, по его мнению, лишало башкир всякой инициативы[346].

Вслед за Типеевым выступил Лебедев, занявший позицию близкую к предыдущему оратору и совпадавшую в основных чертах с идеями А. П. Чулошникова, высказанными в предисловии к первой части «Материалов по

[344]НА ИРИ РАН. Ф. 1. Раздел «А». Оп. 1. Д. 50 г. Л. 166.
[345] Там же. Л. 164 об.
[346] Там же. Лл. 168–169.

истории Башкирской АССР». Лебедев отметил, что по отношению к Башкирии не следует говорить о «фискальном нажиме», т. к. в ней имел место крепостнический нажим. Также он присоединился к мнению Типеева о наличии в Башкирии земледелия до прихода русских и заявил, что «Ермак застал у Кучумовичей земледелие. Земледелие, очевидно, было и у башкир». Наряду с этим, Лебедев не согласился с оценкой, данной Устюговым, Сеитовскому восстанию и указал, что приведённые в главе документы, говорят, что вместе с башкирами, чувашами, татарами и мордвой участие в восстании принимали и русские крестьяне. По его словам создавался как бы единый фронт борьбы закрепощаемого населения, боровшегося против русских и башкирских феодалов. Исходя из этого, Лебедев утверждал, что Сеитовское восстание носило более народный характер, чем движение 1662-1664 гг. Кроме этого он отметил, что разгром калмыками башкирских кочевий в 1683 г. представляет собой проявление политики царизма по натравливанию одного кочевого народа на другой, ярко проявившуюся во время восстания Батырши[347].

Отвечая на замечания выступавших, Устюгов безоговорочно согласился только с указанием Типеева о необходимости подчеркнуть прогрессивность присоединения Башкирии к России. Утверждения Типеева о политике разорения башкир, башкирском сенокошении и его отрицание вассальной зависимости башкир от степных правителей были встречены им возражениями. Устюгов отметил, что в документах имеются указания, что представители небашкирских народностей косили на башкир сено, говорящие о влиянии сельскохозяйственного народа на экономику и быт кочевого народа. Вслед за этим он подробно изложил аргументацию в пользу относительной мягкости ясака в XVII в., впервые высказанную им в докладе на совещании Башкирской комиссии в феврале 1946 г[348].

Также серьёзные возражения с его стороны вызвали замечания Лебедева. Говоря о земледелии в Башкирии, Устюгов подчеркнул, что говорить о влиянии

[347]НА ИРИ РАН. Ф. 1. Раздел «А». Оп. 1. Д. 50 г. Лл. 170–171.
[348] Там же. Лл. 171–172

сибирских татар на развитие земледелия в Башкирии невозможно, т. к. В. И. Шунков в монографии о колонизации Сибири убедительно показал, что земледелия у сибирских татар не было. Лишь в Осинской дороге существовало земледелие до прихода русских, но там его возникновение было связано, вероятно, с влиянием Волжской Булгарии. Устюгов не согласился и с замечаниями Лебедева о неуместности термина «фискальный нажим» и антифеодальном характере Сеитовского восстания. Он указал, что документы о данном выступлении не дают оснований говорить о его антифеодальном характере и подчеркнул, что при господстве патриархально-феодальных отношений, нельзя допустить, чтобы массы подняли восстание без участия феодалов.

То, что Устюгов смог вновь указать на наличие патриархальных пережитков в башкирском обществе было связано с выходом в 1947 г. пятого тома сочинений Сталина, содержавшего доклад о национальном вопросе на X съезде РКП (б) и тезисы к нему. В тезисах к докладу Сталин говорил о том, что в начале XX в. у башкир сохранялся патриархально-родовой быт[349]. Но поскольку данное сталинское утверждение противоречило закрепившемуся в годы формирования формационной схемы исторического процесса во второй половине 1930-х гг. представлению о том, что башкиры в эпоху присоединения к России находились на стадии кочевого феодализма, к башкирским общественным отношениям стал применяться эпитет «патриархально-феодальные», использованный Сталиным в вышеназванном докладе применительно к Азербайджану в начале XX в. Следует отметить, что, применяя термин «патриархально-феодальные отношения», Устюгов стремился придать ему конкретно-историческое содержание, соответствующее марксистской теории. Поскольку, согласно классикам марксизма, патриархально-родовое общество характеризовалось отсутствием классового антагонизма, Устюгов указывал, что башкирском обществе классовые противоречия проявлялись слабо и в ходе восстаний интересы феодалов и

[349] Сталин И. В. Об очередных задачах партии в национальном вопросе Тезисы к X съезду РКП(б), утвержденные ЦК партии // Сталин И. В. Сочинения. М., 1947. Т. 5. С. 25.

народных масс совпадали. Дискуссия Устюгова и Лебедева на совещании Башкирской комиссии показывает, что, говоря о патриархально-феодальных отношениях, Устюгов не просто использовал официальную терминологию, но и защищал своё представление о руководящей роли феодалов в башкирских восстаниях от идеологической критики, утверждавшей обязательность классовых противоречий между феодалами и народными массами и невозможность феодального лидерства в народных движениях.

Также Устюгов отметил, что натравливание одного кочевого народа на другой характерно для XVIII в. и нельзя распространять это явление на все эпохи и переносить его из XVIII в. в XVII в[350]. Несмотря на то, что Устюгов говорил о принципиальном сходстве восстаний 1660-х и 1680-х гг., взявший слово в конце заседания Раимов высказал точку зрения, близкую к той, которую представил Лебедев. Он заявил, что если в 1660-е гг. происходили в основном набеги, то в 1680-е гг. имелось народное массовое движение, и это различие между двумя восстаниями в XVII в. нужно подчеркнуть[351]. Следует отметить, что в протоколе заседания каких-либо комментариев и возражений Устюгова к этому выступлению Раимова не зафиксировано.

После этих заседаний работа по редактированию третьей главы была продолжена. Устюгов учёл замечания Раимова о необходимости её рубрикации и на заседании в феврале 1948 г. было установлено её разделение на шесть параграфов[352]. При этом характерной чертой подготовки «Очерков» было постоянное нарушение установленных сроков работы, завершение которой неоднократно откладывалось. После того, как не удалось завершить переработку «Очерков» к декабрю 1946 г., новым сроком окончания работы был назначен июнь 1948 г[353]. Но и к этому сроку завершить написание новой редакции «Очерков» не удалось. Параллельно с подготовкой глав для «Очерков» Устюгов занимался расширением источниковой базы по истории Башкирии. В 1948 г.

[350]НА ИРИ РАН. Ф. 1. Раздел «А». Оп. 1. Д. 50 г. Л. 173.
[351] Там же. Л. 173.
[352] Там же. Л. 192.
[353] Там же. Л. 191.

ученица Устюгова Н. Ф. Демидова, под его руководством, подготовила третий том Материалов по истории Башкирской АССР, посвящённый социально-экономическому развитию Башкирии в первой половине XVIII в. Но его публикация также затянулась, и он вышел из печати только в декабре 1949 г. Следует отметить, что его номер был обусловлен не последовательностью выпуска томов, а хронологическими рамками, представленных в нём документов. При этом второй том Материалов так никогда и не вышел из печати.

Полностью готовая третья глава была представлена Устюговым в комиссию в конце 1948 г., тогда же в неё поступили другие главы, написанные московскими авторами. После поступления в комиссию, данные главы были отредактированы Устюговым и в дальнейшем не подвергались серьёзной правке, вплоть до завершения работы над второй редакцией «Очерков по истории Башкирии»[354].

При подготовке второй редакции глава, посвящённая башкирской истории XVII в., подверглась существенным изменениям, связанным как с изменениями идеологического курса партии, так и с введением в научный оборот новых источников и созданием новых концепций. В соответствии с новыми идеологическими требованиями из названия данной главы исчезли указания на борьбу между русскими и башкирами. Если в первой редакции «Очерков» четвёртая глава называлась «Борьба башкирского народа за независимость в XVI–XVII вв.», то во второй редакции «Очерков» третья глава получила название «Башкирия в составе Московского государства в XVI и XVII вв.». Также изменилось структурирование материала по истории Башкирии в указанный период. Если в первой редакции четвёртая глава делилась на восемь параграфов, то во второй редакции третья глава была разбита на шесть параграфов.

Первый параграф третьей главы второй редакции «Очерков» носил название «Присоединение Башкирии к Московскому государству» и был написан Усмановым, защитившим в 1949 г. кандидатскую диссертацию по данной теме. В нём рассматривались те же вопросы, которые были затронуты Чулошниковым в третьей главе «Очерков» редакции 1943 г. Но если Чулошников подчёркивал

[354] АРАН. Ф. 1535. Оп. 3. Ед. хр. 101. Л. 1 об.

насильственный характер присоединения Башкирии к России, то в данном параграфе доказывался добровольный характер принятия башкирами русского подданства. Остальные параграфы третьей главы второй редакции были написаны Устюговым. Второй параграф был назван «Первые шаги московского правительства после приёма новых подданных». Третий параграф назывался «Экономика и социальные отношения в Башкирии и политика правительства после крестьянской войны начала XVII в. Соседние народы» и по своему содержанию был очень близок к трём первым разделам статьи Устюгова о башкирском восстании 1662–1664 гг. Основное различие между ними заключалось в том, что в «Очерках» делался акцент на патриархально-феодальном характере эксплуатации рядовых башкир, вызванный публикацией вышеназванного доклада Сталина. Четвёртый и пятый параграфы, носившие названия «Восстание 1662–1664 гг.» и «Политика Московского государства после восстания», также почти полностью совпадали с текстом статьи в «Исторических записках». Шестой параграф назывался «Восстание 1681–1683 гг.» и по своему содержанию был близок к тексту «Очерков истории СССР» в редакции 1947 г[355]. Башкирские восстания XVII в. трактовались в ней как попытки башкирских феодалов сменить своего сюзерена, а их идеологическая оценка носила двойственный характер. Также как в статье о башкирском восстании 1662–1664 гг. в главе говорилось, что восстания имели, как прогрессивные, так и реакционные черты.

Тогда же поступила в комиссию четвёртая глава второй редакции, посвящённая Башкирии в XVIII в., для которой Устюгов написал параграф о восстании 1737–1739 гг. Он также выступил редактором данной главы и в её тексте получили отражение его взгляды на характер башкирских восстаний 1734–1740 гг. Данные движения именовались широкими народными движениями, возглавленными башкирскими феодалами. Для объяснения руководящей роли в них феодалов использовалась категория патриархально-феодальных отношений, при которых феодалы опираются на родовые пережитки и классовая борьба почти

[355] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Раздел «А». Оп. 1. Д. 50 ж. Лл. 157–296.

отсутствует.[356] Также как и восстания XVII в. в предыдущей главе, выступления 1730-х гг. связывались с наличием у башкирской знати идеологии времён феодальной раздробленности и трактовались как попытки феодалов сменить своего сюзерена. При этом восстания 1730-х гг. также получили двойственную оценку, в которой сочетались прогрессивные и реакционные черты. Прогрессивной чертой восстаний объявлялось то, что они не позволили превратить Башкирию в колонию с закрепощённым населением, а реакционной чертой назывался отказ от русского подданства.

Чуть позже, в начале 1949 г. поступили разделы по истории культуры, подготовленные сотрудниками Башкирского института[357]. Однако качество этих разделов не удовлетворило комиссию. Так же крайне низким был признан уровень глав, посвящённых истории башкир в XIX – начале XX вв., которые были подготовлены Типеевым и Раимовым. В связи с этим, на заседании комиссии в мае 1949 г. было решено продолжить переработку «Очерков», которая должна была завершиться к 1 сентября того же года[358]. Но к началу сентября удалось полностью подготовить только первые четыре главы «Очерков», охватывавшие башкирскую историю до середины XVIII в. Почти готовая пятая глава, посвящённая Башкирии во второй половине XVIII в. была отправлена на дальнейшую доработку. Готовившиеся башкирскими авторами главы по истории XIX в. вновь были признаны комиссией неудовлетворительными. В этой ситуации осенью 1949 г., по инициативе Устюгова, было решено разделить первый том «Очерков» на две части, первая из которых была посвящена периоду с древнейших времён до конца XVIII в., а вторая XIX–XX вв. При этом первая часть должна была включать пять глав, что было связано с тем, что четвёртая глава была разбита на две: одна из которых охватывала период от начала XVIII в. до восстания Батырши (1755), а другая от восстания Батырши до введения в Башкирии кантонного управления в 1798 г. Тогда же было решено издать готовую

[356] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Раздел «А». Оп. 1. Д. 50 ж.. Лл. 402–403.
[357] АРАН. Ф. 1535. Оп. 3. Ед. хр. 101. Л. 1 об.
[358] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Раздел «А». Оп. 1. Д. 50 г. Л. 201.

первую часть, не дожидаясь окончания работ над главами второй части[359]. Была сформирована редакционная коллегия первой части, которую возглавил председатель Башкирской комиссии В. И. Лебедев. Кроме него в неё вошли выдающийся археолог А. П. Смирнов, готовивший разделы о древнейшей истории Башкирии, Усманов и Устюгов[360].

Вскоре после принятия данного решения Устюгову удалось включить первую часть первого тома «Очерков» в издательский план Института истории, согласно которому её сдача в печать намечалась на май 1950 г. Вслед за этим начался процесс подготовки её публикации. В сентябре 1949 г. первые четыре главы «Очерков» были отправлены в Башкирский институт в Уфу. Позднее туда же была отправлена пятая глава. Затем в начале 1950 г. первая часть прошла рецензирование в Институте истории, при этом в качестве рецензентов выступили ведущие специалисты по истории СССР до XIX в. – А. А. Новосельский и Л. В. Черепнин. После рецензирования она подверглась обсуждению на научной сессии в Уфе, которая состоялась 6–7 февраля 1950 г.

Сессию открыл доклад Усманова, по-прежнему сохранявшего пост директора Башкирского института. В своём выступлении Усманов кратко осветил ход работы над «Очерками по истории Башкирии» и раскритиковал авторов, виновных в затягивании работы над текстом: сотрудников Башкирского НИИ, Типеева и Раимова[361]. Вслед за Усмановым выступил Устюгов, представлявший на сессии Башкирскую комиссию. Следует отметить, что в отличие от речи Усманова, его выступление было свободно от любых славословий в адрес Сталина[362]. В своём докладе он кратко охарактеризовал основные дискуссионные проблемы в истории Башкирии: автохтонность башкир; структуру башкирского рода; влияние монголов на башкир; завершение процесса формирования башкирской народности; характер башкирского подданства, политики царского правительства и башкирских восстаний XVII–XVIII вв.;

[359] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Раздел «А». Оп. 1. Д. 50 в. Лл. 370, 383.
[360] Тихонов В. В. Историки, идеология, власть в России XX века: Очерки. М., 2014. С. 143.
[361] АРАН. Ф. 1535. Оп. 3. Ед. хр. 94. Л. 17.
[362] Там же. Лл. 23–45.

развитие производительных сил и углубление феодальных отношений в XVIII в. Говоря о вопросах башкирской истории XVII–XVIII вв., Устюгов изложил основные положения подготовленных им глав второй редакции «Очерков». Восприятие башкирами русского подданства трактовалось им как свободный вассалитет. Целью царской политики называлось сохранение податной платёжеспособности башкир. Отмечалось, что все башкирские восстания, включая и восстание Салавата Юлаева, возглавлялись феодалами, использовавшими возмущение народных масс. В восстаниях XVII–середины XVIII вв. отмечались как прогрессивные, так и реакционные черты. Основной реакционной чертой восстаний назывался отказ от русского подданства. Также в докладе подчёркивалось, что деятельность Оренбургской экспедиции, строившей в Башкирии заводы и переселявшей в неё крестьян, объективно способствовала развитию производительных сил края. Однако башкиры не понимали прогрессивности этих мероприятий, и видя только их отрицательную сторону, восставали[363].

Выступление Устюгова вызвало жаркую критику со стороны башкирских историков, выступавших против проводившейся им в своих трудах дегероизации башкирских восстаний. Кроме того их противодействие вызвала концепция «свободного вассалитета», т. к. утверждения о том, что башкиры отказывались от русского подданства, представлялись им противоречащими официальной идеологии, декларировавшей единство народов СССР. С. Н. Нигматуллин и Ш.И. Типеев выступили против концепции «свободного вассалитета», поскольку из неё следовало, что башкирские восстания 1662–1755 гг. были реакционны, т. к. возглавлявшие их феодалы стремились к отказу от русского подданства. Они обвиняли докладчика в том, что он показывает только позицию феодалов и не демонстрирует позицию народных масс. Типеев при этом ложно заявил, что идеи о «свободном вассалитете» башкир не приняты комиссией и являются личным мнением Устюгова. Однако, когда его попросили дать положительные тезисы о

[363] АРАН. Ф. 1535. Оп. 3. Ед. хр. 94. Лл. 29–41.

характере башкирского подданства в XVII–XVIII вв., он отказался это сделать[364]. Наиболее подробно аргументацию противников Устюгова изложил уфимский краевед П. Ф. Ищериков, утверждавший, что башкирские старшины были проводниками русской власти и являлись такими же феодалами как русские служилые дворяне. По его мнению, они и не мыслили о каком-то праве в любое время оставлять сюзерена. Как и всякий русский они признавали себя «холопами» великого государя. Также как и другие башкирские историки, Ищериков упрекал Устюгова в том, что тот не показал разделе о башкирских восстаниях XVII в. народные массы. По его словам: «Автор и сам не желал, а так вышло, что борьбу ведут как будто бы одни старшины, вырезавшие и грабившие русские селения и русских сторонников башкир»[365].

Методы работы Ищерикова наглядно демонстрировала его дискуссия с Устюговым по вопросу о дате основания Уфы. Устюгов, вслед за П. П. Пекарским утверждал, что Уфа основана в 1586 г. Эта дата была выведена Пекарским в 1872 г. на основании протестов ногайского князя Уруса, сохранившихся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел в фонде Ногайских дел. Позднее она была подтверждена найденным в 1941 г. М. Н. Тихомировым летописным отрывком о построении новых городов в Московском государстве, где говорилось о постройке Уфы в 1586 г. Ищериков не признавал эту датировку и следовал за П. И. Рычковым, утверждавшим на основании «достоверных архивных выправок», что Уфа основана в 1574 г. Возражая Устюгову Ищериков говорил: «Летописи не во всём заслуживают доверия и иногда писались может быть даже весьма «кривым» (по части совести) монахом. Почему же нельзя верить «выправкам» Рычкова о том, что Уфа основана в 1574 г.? Рычков, асессор в Уфе, до пожара Уфы и Кремля в 1759 г. изучал документы уфимских «архивных» чуланов и имел основания записать 1574 г. датой основания Уфы. Позднее, на основании

[364]АРАН. Ф. 1535. Оп. 3. Ед. хр. 94. Лл. 48–68.
[365] Там же. Лл. 86–87.

исследований эту же дату записал и Карамзин. Николай Владимирович ни Рычкову, ни Карамзину почему-то не верит?»[366].

После выступлений башкирских историков слово вновь взял Устюгов, ответивший на критику со стороны своих оппонентов. Он отметил, что «свободный вассалитет» был установившейся системой подданства, обусловленной разным уровнем развития Русского многонационального централизованного государства и государственных образований, вошедших в его состав. Аргументируя эту точку зрения, он привёл данные о подданстве ногайцев и калмыков, которое основывалось на тех же принципах, что и подданство башкир. Ногайские князья и калмыцкие тайши принимали на себя службу, а московский царь жаловал их своим жалованием. Устюгов указал, что Ищериков не обосновал своё мнение о том, что башкирские феодалы были такими же служилыми людьми, как русские дворяне, ссылками на документы. При этом Устюгов видел в документах примеры, подтверждающие его концепцию. В частности, при сборе пятины 1634 г. воеводам давался наказ вести себя так, чтобы не отогнать башкир от государевой милости. Отвечая на обвинения в том, что в «Очерках» широкие массы башкирского народа подменяются феодалами, Устюгов отметил, что патриархально-феодальный характер общественных отношений обусловил подчинение рядовых башкир своим феодалам. Именно народ был движущей силой башкирских восстаний, но господство указанных отношений вело к тому, что во главе восстаний вставали феодалы, придававшие ему понятную для себя форму – отказ от подданства. Вместе с тем, он заявил, что считает простым недоразумением слова Типеева, утверждающего, что в «Очерках» говорится о том, что целью восстаний был отказ от русского подданства. Он указал, что авторы «Очерков» при характеристике каждого крупного башкирского восстания подчёркивали, что оно является широким народным движением, направленным против того государства, которое угнетало

[366] АРАН. Ф. 1535. Оп. 3. Ед. хр. 94. Л. 88.

башкир. При этом Устюгов отметил, что авторы различают прогрессивное содержание и реакционную форму восстаний[367].

Несмотря на убедительность аргументов Устюгова, башкирские историки поначалу отказались их принимать, видя в них несоответствие с официальным курсом партии. Выступавший вслед за Устюговым Усманов заявил, что «случаев, когда башкирские феодалы угрожали уйти к Кучумовичам или калмыцким феодалам было очень мало. За ними шли отдельные лица, а не народ. И это не даёт оснований построить определённую концепцию. Мы не знаем в истории башкирского народа, чтобы башкирский народ изменил русскому государству, что ушёл к казакам, изменив русскому государству. Таких случаев не было. Это сильнее всяких архивных документов, сильнее отдельных феодалов, которые угрожали отходить или откочевали»[368]. Эти заявления Усманова не остались без ответа со стороны Устюгова. Вновь взяв слово, Устюгов указал, что Усманов высказал своё мнение, но не подкрепил его ссылкой на источники. Отвечая на заявления Усманова он говорил: «Каждое явление происходит в рамках определённой эпохи и нет оснований представления людей XX века приписывать людям XVI в. Моя концепция в каждой своей части подтверждена ссылками на источники, её отвергнуть просто нельзя, её нужно доказать или опровергнуть иными источниками, или иным их анализом, чего Усманов не делает. <…> За одними феодалами шло до восьми тысяч башкир, за другими шло пять тысяч, а для XVII в. эта цифра велика. Феодалы использовали протест, который нарастает в народе. Здесь я готов пойти на всякие уточнения. Но так сформулировать, как рекомендовал товарищ Усманов не могу, потому что это противоречит прямым указаниям источников»[369].

В результате этого обсуждения уфимская сессия одобрила рукопись первой части первого тома «Очерков по истории Башкирии», хотя и рекомендовала внести в неё коррективы. Через полтора месяца после уфимского совещания, 23 марта 1950 г. первая часть «Очерков» подверглась следующему обсуждению,

[367] АРАН. Ф. 1535. Оп. 3. Ед. хр. 94. Лл. 129–132.
[368] Там же. Л. 142.
[369] Там же. Л. 145.

которое прошло на заседании сектора истории СССР до XIX в. Института истории АН СССР. Заседание открыл Устюгов, кратко изложивший содержание подготовленной части. Вслед за ним выступил один из рецензентов «Очерков» – Л. В. Черепнин. Он дал положительный отзыв на рукопись, но сделал замечание идеологического характера по написанной Устюговым главе о башкирских восстаниях XVII в. Черепнин отметил, что в ней надо показать раздельно какие цели преследовали феодалы и какие цели преследовал народ, т. к. при чтении главы создаётся впечатление, что их цели совпадали, а этого быть не может[370].

После выступления Черепнина, своё мнение о подготовленной части «Очерков» изложили другие члены сектора, аспиранты, занимавшиеся башкирской и татарской проблематикой, а также работавший в секторе истории СССР XIX – начала XX вв. Типеев и приглашённые из Башкирского института Ищериков и Усманов. Сотрудники сектора, обсуждавшего очерки, – И. А. Голубцов и В. К. Яцунский сделали замечания по качеству представленного текста. Голубцов заявил о недопустимости публикации «Очерков» без историографического раздела, а Яцунский обратил внимание на непропорциональность подачи материала по отдельным темам истории Башкирии XVIII в. Он отметил, что восстаниям в главах, посвящённых XVIII в. отведена половина всего текста, в то время как изложение экономического развития Башкирии занимает в них лишь 1/6 часть. Устюгов возразил, что цифры, представленные Яцунским неверны, на что последний ответил, что Устюгов использует другой подсчёт. Отвечая Устюгову, Яцунский заявил: «Вы складываете политику с социальной историей, и говорите, что это всё одно и то же. Это не одно и то же. Поэтому у нас с Вами статистика расходится»[371]. Также вопросы статистического характера поднял башкирский аспирант З. И. Сираев, высказавший сомнения в достоверности приведённых Устюговым данных о населении Башкирии XVII в. Он указал, что эти цифры взяты из документов, созданных уфимским воеводой Волконским. Сочетая, подобно Типееву, подходы

[370] АРАН. Ф. 1535. Оп. 3. Ед. хр. 95. Л. 40.
[371] Там же. Лл. 59–65, 67–68.

историков школы Покровского с башкирским национализмом, он усомнился в достоверности этих цифр и заявил, что такая неосторожная трактовка вопроса о численности башкир может привести к серьёзным политическим последствиям. Он говорил: «Если утверждать, что во всей Башкирии в XVII в. было 25 тысяч населения, то, по-существу, это была пустая территория, и никакой колонизации, никакого захвата со стороны царских колонизаторов не было, а было только заселение пустой «дикой» территории. В действительности дело было не так»[372].

Кроме замечаний, касавшихся непосредственно текста «Очерков» на заседании был высказан ряд замечаний теоретического плана. Ищериков, Усманов и Типеев повторили высказанную на уфимском совещании критику концепции «свободного вассалитета», но новых аргументов против неё представить не смогли. Гораздо более глубокую теоретическую критику «Очерков» дали сотрудники сектора истории СССР до XIX в. Б. Б. Кафенгауз и В. И. Шунков и аспирант Устюгова – С. М. Васильев, занимавшийся историей припущенников на башкирских землях. Кафенгауз очень положительно оценил концепцию «свободного вассалитета» и двойственную оценку башкирских восстаний, указывавшую на наличие в них прогрессивных и реакционных черт. Вместе с тем, он обратил внимание на противоречия в трактовке вопроса о колониализме в Башкирии: с одной стороны в «Очерках» говорилось о колониальном режиме и колониальном угнетении в Башкирии, а с другой подчёркивалось, что восстания 1730-х гг. помешали превращению Башкирии в колонию с закрепощённым населением. При этом Кафенгауз отметил, что Ленин называл Башкирию экономической колонией Центрально-промышленного района, что ставило вопрос о том, когда она стала колонией? Также он отметил противоречие между тезисом о колонии с закрепощённым населением и утверждениями Н. М. Дружинина, писавшего в первом томе своей монографии «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселёва», что население Сибири не было закрепощено как раз потому, что Сибирь была колонией. При этом сам

[372]АРАН. Ф. 1535. Оп. 3. Ед. хр. 95. Лл. 97–98.

Кафенгауз не стал давать окончательную оценку поднятым им вопросам, ограничившись фразой о том, что нужно установить в них ясность[373].

Шунков отметил противоречия в характеристике взаимоотношений московского правительства и башкир. Он обратил внимание на то, что в написанном Усмановым параграфе о присоединении Башкирии к Русскому государству говорилось о заинтересованности правительства в башкирской службе по охране степных границ, а в написанных Устюговым параграфах о башкирских восстаниях XVII в. говорилось о том, что основной целью правительственной политики в отношении башкир был сбор ясака. Кроме этого, Шунков обратил внимание на коренное противоречие, лежавшее в основе концепции «свободного вассалитета». С одной стороны, осмысление башкирскими феодалами своего подданства как «свободного вассалитета» обосновывалось в ней тем, что их представления соответствовали стадии феодальной раздробленности, с другой, участие рядовых башкир в поднятых феодалами восстаниях для смены сюзерена, объяснялось господством в башкирском обществе патриархально-феодальных отношений. Выступая на заседании, Шунков поставил вопрос: «Если патриархально-феодальный характер, то можно ли говорить, что к моменту включения в состав Русского государства мы имеем феодальные отношения в их расцвете, что к моменту вхождения в состав Русского государства, общество знало феодальную раздробленность?»[374].

Выступавший вслед за Шунковым Васильев также указал на противоречия, возникающие в связи с применением к башкирскому обществу термина «феодализм». В своём выступлении он говорил: «Надо больше внимания обращать на пережитки родовых отношений, что последние сочетались с феодальными отношениями, приспосабливались к развитым феодальным отношениям. Я нигде не встречал источников, на основании которых можно утверждать, что в Башкирии было феодальное землевладение, такое, какое мы имеем у осёдлых народностей. Всё-таки земли представляли общинную

[373]АРАН. Ф. 1535. Оп. 3. Ед. хр. 95. Лл. 73–76.
[374] Там же. Л. 82.

собственность. Феодалы-тарханы не имели отдельных угодий в форме частной собственности, феодальной собственности. Я не знаю откуда авторы «Очерков» взяли, что у башкир в первой половине XVIII в. было феодальное землевладение». Также он указал, что в «Очерках» неверно показан характер тептяро-бобыльского оброка, плативщегося не хлебом, как написано в них, а мехом и деньгами[375].

В конце заседания Устюгов выступил с ответом на замечания, прозвучавшие в ходе обсуждения подготовленной части «Очерков». В начале своего выступления он подробно ответил на критику концепции «свободного вассалитета» со стороны башкирских авторов, повторив аргументацию, изложенную им на уфимском совещании. При этом на замечание Шункова он ответил несколько уклончиво, сказав, что утверждение о том, что башкиры не вышли из стадии феодальной раздробленности вызвано неточностью формулировок, и отметив, что патриархально-феодальный характер отношений не исключает перехода отдельных групп феодалов из одного подчинения в другое[376]. Следует отметить, что в то время, поднятый Шунковым и Васильевым вопрос о характере социальных отношений в Башкирии не мог получить удовлетворительного разрешения. Это было вызвано тем, что он демонстрировал фундаментальные проблемы всей советской историографии, связанные с канонизацией формационной схемы исторического процесса, подгонявшей все исторические явления под европейские формы общественного устройства, и зависимостью историков от текущего курса партии и высказываний классиков марксизма-ленинизма, получавших универсальное вневременное значение.

Также как и на заседаниях Башкирской комиссии, Устюгов использовал для защиты концепции «свободного вассалитета» от идеологических обвинений термин «патриархально-феодальные отношения», которым объяснял участие народных масс в движениях феодалов. Отвечая на замечание Черепнина о совпадении интересов феодалов и народа, Устюгов говорил: «Получается временное совпадение интересов и использование башкирскими феодалами

[375]АРАН. Ф. 1535. Оп. 3. Ед. хр. 95. Лл. 84–87.
[376] Там же. Л. 110.

готовности масс к активному сопротивлению. А отрицать возможность выступлений масс под руководством феодалов никто не может и не будет, потому что одни феодалы без масс не могут никогда поднять никакого восстания»[377]. Ответив на критику со стороны Черепнина, Устюгов перешёл к замечаниям Сираева о численности башкирского населения. Он указал, что в документах Волконского говорится о численности мужчин, а полная численность башкир была как минимум в два раза больше и составляла примерно 50 тысяч человек. Ответ Устюгова на данный вопрос, наглядно демонстрировал его отношение к источникам и процессу научного исследования. Устюгов указывал, что перепись 1739 г. показала 86 тысяч башкир обоего пола, в 1780-е гг. их насчитывалось 90 тысяч, а в 1800 г. их было около 100 тысяч. Он отмечал, что к этим цифрам нужно подходить критически, но нельзя просто отмахнуться от них и последовать за башкирским краеведом 1920-х гг. С. Мрясовым, находившим в то время свыше 2 миллионов башкир. Устюгов подчёркивал, что с этой цифрой он не может согласиться, т. к. она взята с потолка[378].

Выступление Устюгова завершило заседание сектора. По его итогам было решено рекомендовать первую часть первого тома «Очерков по истории Башкирии» в печать с отдельными доработками[379]. В частности, Устюговым были учтены критические замечания Кафенгауза, отметившего противоречие в утверждении авторов «Очерков» о том, что восстания 1730-х гг. не позволили превратить Башкирию в колонию с закрепощённым населением, и указавшего, что население колоний не знало крепостного права. В новой редакции «Очерков» прогрессивный результат восстаний 1735-1740 гг. был переформулирован. Теперь в них говорилось, что, благодаря им, Башкирия не была превращена во внутреннюю провинцию Российской империи, а её население не подверглось закрепощению[380].

[377]АРАН. Ф. 1535. Оп. 3. Ед. хр. 95. Л. 116.
[378] Там же. Л. 120.
[379] Там же. Л. 124.
[380]НА ИРИ РАН. Ф. 1. Раздел «А». Оп. 1. Д. 50 ж. Л. 440.

Исправленный по итогам обсуждений в Уфе и Москве текст «Очерков» был сдан в мае 1950 г. в Редакционно-издательский совет Академии наук. Эта дата обозначила завершение всех работ по подготовке первого варианта второй редакции «Очерков». Но также как и первая редакция, она не смогла выйти из печати из-за очередных изменений идеологического курса партии. В это время вышла на новый уровень наметившаяся ещё в середине 1930-х гг. идеологическая тенденция подчёркивания исторического единства народов СССР и осуждения их национальных движений, направленных против русского народа. В мае 1950 г. в журнале «Большевик» появилась статья М. Д. Багирова «К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля», объявлявшая национальное движение кавказских горцев реакционным. Одновременно с этим постановлением Совета министров СССР был лишён Сталинской премии азербайджанский философ Г. Н. Гусейнов, работа которого «Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане XIX века» содержала положительные оценки движения Шамиля.[381] Данные события стали сигналом для постепенной переоценки национальных движений всех коренных народов, которые с этого времени должны были получать исключительно негативные оценки. Также они создавали серьёзные идеологические проблемы для отстаивавшейся в «Очерках» концепции «свободного вассалитета», направленной, по мнению её противников против исторического единства русского и башкирского народов. Параллельно с переоценкой движения Шамиля, в мае 1950 г. на страницах газеты «Правда» началась дискуссия о языковом учении Н. Я. Марра, точку в которой поставила публикация в июне 1950 г. работы Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», содержавшей жёсткую критику взглядов Марра и его сторонников. Поскольку взгляды Марра до этого времени являлись господствующими, то первая глава «Очерков» была написана в соответствии с идеями его «нового учения о языке» и также требовала переработки. В этой ситуации, в июле 1950 г. руководство

[381] Тихонов В. В. Историки, идеология, власть в России XX века: Очерки. М., 2014. С. 143. Дубровский А. М. Указ. соч. С. 590.

Института истории приняло решение забрать подготовленную часть «Очерков» из Редакционно-издательского совета и подвергнуть её дальнейшей переработке[382].

Таким образом повторилась ситуация, возникшая при подготовке к печати первой редакции «Очерков по истории Башкирии». За время их написания произошла смена партийного курса и к моменту завершения работы над ними они оказались идеологически неуместными. Следует отметить, что «Очерки» разделили судьбу всех обобщающих трудов, над которыми в 1930–1940-е гг. работал Устюгов. Ни один из них так и не увидел свет к началу 1950-х гг. Причина этого заключалась в постоянной корректировке официального идеологического курса, заставлявшей историков заново перерабатывать уже готовые труды. Данное обстоятельство демонстрирует справедливость вывода Л. А. Сидоровой о том, что усиление во второй половине 1940-х гг. идеологического контроля над наукой, порождавшее постоянный пересмотр уже изданных и подготовленных трудов, сковывало развитие отечественной историографии[383].

2-4. Работа над монографией о башкирском восстании 1737–1739 гг.

Параллельно с завершением работы над первым вариантом второй редакции «Очерков по истории Башкирии» Устюгов занимался написанием монографии «Башкирское восстание 1737–1739 гг.», в основе которой также лежала концепция «свободного вассалитета». Он смог сдать её в печать в феврале 1950 г. и она была издана в апреле того же года, ещё до смены официальных оценок истории народов СССР, не позволившей опубликовать вышеназванный вариант «Очерков».

Монография открывалась «Предварительными замечаниями», игравшими роль введения к работе. В них Устюгов кратко излагал основные положения концепции «свободного вассалитета», отмечая сохранение у башкирских феодалов представлений эпохи феодальной раздробленности, их руководящую

[382] АРАН. Ф. 1535. Оп. 3. Ед. хр. 101. Л. 1 об.
[383] Сидорова Л. А. Советская историческая наука середины XX в.: синтез трёх поколений историков. М., 2008. С. 45.

роль в башкирских восстаниях и соединение в данных восстаниях реакционной формы и прогрессивного содержания. Устюгов указывал, что московское правительство не признавало за башкирским феодалами право на смену сюзерена, но при этом он подчёркивал относительную мягкость политики царизма в Башкирии до 1730-х гг. При этом, Устюгов отмечал, что жёсткие действия командиров карательных отрядов (казнь зачинщиков восстаний, взятие заложников) сочетались с уступками царского правительства, проявлявшимися в отмене распоряжений, послуживших непосредственным поводом к выступлению башкир. После восстания 1662–1664 гг. была отменена продажа башкирских земель и их сдача в аренду небашкирам, после восстания 1681–1683 гг. прекращено насильственное крещение башкир, а после восстания 1705–1711 гг. отменен набор башкирских лошадей для армии и другие новые поборы[384]. Данная характеристика царской политики заметно контрастировала с типичным для довоенной историографии подчёркиванием алчности царского правительства и жестокости русских карателей[385]. Несоменно, такое изменение оценок правительственной политики в Башкирии было связано со сменой идеологического курса и отказом от противопоставления народов СССР. Вместе с тем, следует отметить, что такая картина российской политики в Башкирии соответствовала данным источников и была близка собственным взглядам Устюгова, акцентировавшего положительную сторону деятельности правительства в Башкирии.

Вслед за «Предварительными замечаниями» шла первая глава монографии, посвящённая обзору источников по истории башкирского восстания 1737–1739 гг. Наряду с анализом источников в ней давался краткий обзор историографии по данной тематике. Устюгов отмечал отсутствие специальных работ по истории данного восстания и указывал, что о нём имеются лишь отдельные сведения в «Истории Оренбургской» П. И. Рычкова, девятнадцатом томе «Истории России с древнейших времён» С. М. Соловьёва и вступительной статье А. П. Чулошникова

[384] Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1737–1739 гг. М.; Л., 1950. С. 10.
[385] Чулошников А. П. Указ. соч. С. 30–31.

к первой части «Материалов по истории Башкирской АССР». При этом он избегал характерного для той эпохи навешивания на дореволюционных авторов ярлыков «буржуазных» или «дворянских» историков. Также, несмотря на свои принципиальные разногласия с Чулошниковым, он ограничился критикой фактических неточностей в его статье, и не стал упоминать о том, что его оценка башкирских восстаний не соответствовала текущему курсу партии[386]. После разбора историографии Устюгов переходил к рассмотрению источников своего исследования. В основе монографии лежали материалы переписки администраторов Оренбургского края с центральными учреждениями, сохранившиеся в двух фондах ЦГАДА: Делах Правительствующего Сената по Кабинету и Делах и приговорах Правительствующего Сената по Оренбургской губернии. Также Устюгов использовал копии допросов вождей восстания и копии их писем к оренбургской администрации, сохранившиеся в фонде Дел Правительствующего Сената по Кабинету. Он отмечал, что большинство этих документов впервые вводилось им в научный оборот, за исключением тех, которые были использованы в работе Соловьёва и опубликованы в первой части «Материалов по истории Башкирской АССР».

Последующие главы монографии была посвящены самому восстанию 1737–1739 гг. и связанным с ним событиям. При этом структура исследования в целом повторяла структуру статьи о восстании 1662–1664 гг., напечатанной в «Исторических записках» в 1947 г. Также как и в статье 1947 г. Устюгов последовательно описывал положение Башкирии накануне восстания, выявлял его причины и движущие силы, описывал действия повстанцев в первый год движения, рассматривал правительственные мероприятия по борьбе с восставшими, описывал действия повстанцев во второй год движения и подводил итоги. Характеризуя во второй главе положение Башкирии накануне восстания 1737–1739 гг., он давал краткое описание деятельности Оренбургской экспедиции по освоению Башкирии и подавлению восстания 1735–1736 гг. При этом он отходил от закрепившейся к этому времени в историографии периодизации

[386] Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1737–1739 гг. М.; Л., 1950. С. 11–12.

башкирских движений 1730-х гг., данной Чулошниковым. Последний выделял в этот период три отдельных восстания: 1735–1736 гг., 1737–1739 гг. и 1740 г[387]. Несмотря на то, что в самом заглавии монографии, Устюгов был вынужден следовать периодизации Чулошникова, в её второй главе он писал, что фактически башкирские выступления в период с 1735 по 1740 гг. представляли собой единое восстание, а события 1735–1736, 1737–1739 и 1740 гг. являлись не отдельными восстаниями, а этапами данного движения[388]. В целом в этой главе Устюгов повторял основные выводы, изложенные во второй редакции «Очерков по истории Башкирии». Он отмечал прогрессивную сторону в работе Оренбургской экспедиции и подчёркивал, что её мероприятия по развитию земледелия и горного дела в Башкирии способствовали подъёму производительных сил края. Вместе с тем он отмечал жестокость, с которой действовали при борьбе с повстанцами в 1735–1736 гг. руководители экспедиции и созданной для подавления восстания Комиссии башкирских дел[389].

В третьей главе монографии Устюгов классифицировал причины восстания 1737–1739 гг., выделяя причины постоянные и вновь возникшие. К постоянным он относил причины, обусловленные гнётом феодально-крепостнического государства и злоупотреблениями местной администрации. Как и в статье о восстании 1662–1664 гг., он указывал, что одни эти причины не могли вызвать выступление башкир, и для его начала требовалось действие вновь возникших причин. К последним Устюгов относил активизацию колониальной политики царизма и обострение борьбы между различными группами башкирских феодалов, связанное с их различным отношением к этой политике[390]. При этом он отмечал, что активизация колониальной политики, выразившаяся в постройке городов на башкирских землях, вызвала восстание 1735–1736 гг., а жестокость, проявленная представителями русской власти при подавлении данного восстания послужила непосредственной причиной башкирского восстания 1737–1739 гг.

---

[387] Чулошников А. П. Указ. соч. С. 56.
[388] Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1737–1739 гг. М.; Л., 1950. С. 17.
[389] Там же. С. 18–20.
[390] Там же. С. 31.

Четвёртая глава монографии была посвящена рассмотрению движущих сил восстания 1737–1739 гг. В ней Устюгов давал характеристику деятельности вождей восстания: абыза Бепени Трупбердина, и старшин Елдаша муллы Сюярымбетева, Мандара Карабаева и Тюлкучуры Алдагулова, показывая, что все они являлись башкирскими феодалами. Он указывал, что именно феодалы являлись главной движущей силой восстания и объяснял их поддержку рядовыми башкирами силой патриархально-феодальных отношений и тем, что карательные мероприятия царского правительства задевали всё башкирское население. Говоря о роли феодалов в организации восстания, Устюгов вновь излагал концепцию «свободного вассалитета» и приводил ряд документов, вышедших из лагеря восставших, в которых представители башкир заявляли о добровольном характере своего подданства и отстаивали своё право на смену сюзерена и отъезд к другим степным правителям. Наиболее ярко эти идеи были выражены в материалах, обнаруженных Устюговым в ЦГАДА в фонде Дел Канцелярии следственных комиссий Правительствующего Сената. Эти материалы были связаны с совещанием башкирских старшин Ногайской и Сибирской дорог, состоявшемся в октябре 1737 г. в Кубеляцкой волости Ногайской дороги. Выступая на нём старшины заявили, что «они башкирцы у Е. И. В-а люди вольные: хотят де – служат, хотят де – не служат, куды де они, башкирцы, служить захотят, туды де они и пойдут»[391]. При этом, как и в прежних работах, Устюгов подчёркивал, что подчинение башкир степным правителям было бы для них серьёзным шагом назад в экономическом и политическом отношениях.

В пятой главе Устюгов описывал подготовку башкир к продолжению борьбы после подавления восстания 1735–1736 гг. и рассматривал действия восставших башкир в 1737 г. Он писал, что восстание начали башкиры Ногайской дороги и приуральских волостей Сибирской дороги, одновременно приступившие к активным боевым действиям в июне 1737 г. При этом он отмечал, что первый отпор повстанцы получили со стороны «верных старшин» и служилых

[391] Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1737–1739 гг. М.; Л., 1950. С. 55.

мишарей[392]. Однако восстание разрасталось и к концу лета им оказались охвачены все дороги за исключением Казанской. Спокойствие башкир Казанской дороги Устюгов объяснял тем, что на её территории находилась ставка начальника Комиссии Башкирских дел, возглавлявшего подавление башкирского движения[393]. Описывая ход восстания, он возвращался, к рассмотренному в предыдущей главе сюжету о стремлении башкир перейти под власть казахских ханов, и писал о планах старшин Ногайской дороги откочевать в казахские степи[394].

Наиболее объёмной главой монографии была шестая, в которой Устюгов подробно рассматривал борьбу с повстанцами правительственных сил, во главе которых стояли В. Н. Татищев и Л.Я Соймонов, назначенные в 1737 г., соответственно, главным начальником Оренбургского края и начальником Комиссии башкирских дел. Следует отметить, что, не скрывая жестокостей карательных отрядов, Устюгов воздерживался от гневных обличений и негативных оценок деятельности Татищева и Соймонова[395]. Сохраняя нейтральность изложения, он подробно описывал различные правительственные меры по борьбе с повстанцами, включавшие военные экспедиции, разорение башкирских поселений, рассылку призывов о принесении повинной и попытку использовать казахского хана Абулхаира для влияния на башкир. Также он отмечал, что все эти меры не принесли желаемого результата и не позволили добиться повинной от вождей восстания к весне 1738 г.

Седьмая глава монографии была посвящена описанию хода восстания в 1738 г. В ней Устюгов показывал, что сочетая практику жёстких карательных экспедиций с помилованием повстанческих лидеров, принёсших повинную, царским властям удалось к концу лета 1738 г. добиться принесения повинной всеми вождями восстания, за исключением Бепени Трупбердина. Последний был схвачен «верными» старшинами в октябре того же года, когда стала ясна бесперспективность его попыток добиться казахской помощи. Следует отметить,

---

[392] Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1737–1739 гг. М.; Л., 1950. С. 70.
[393] Там же. С. 64–65.
[394] Там же. С. 74.
[395] Там же. С. 75–100.

что излагая события второго года восстания, Устюгов подчёркивал положительные черты в облике отдельных лидеров восстания. Так, описывая казнь одного из предводителей повстанцев – Кусяпа батыря, он писал: «Кусяп батырь умер мужественно и гордо. Он отказался давать какие бы то ни было показания перед казнью, хотя В. Н. Татищев и очень желал их получить»[396].

Деятельность Татищева после подавления башкирских выступлений в 1738 г. стала объектом рассмотрения в восьмой главе монографии, называвшейся «Итоги двух первых лет восстания». В основе этой главы лежали доношения Татищева в Кабинет и к императрице, в которых он подводил итоги своим действиям по подавлению восстания. Также в этой главе Устюгов рассматривал принятый Татищевым план проведения в Башкирии всеобщей переписи населения, решение о которой было принято ещё в 1736 г., и поданный им императрице проект преобразования социальной организации башкир по образцу казачьих войск. Вызванное проведением переписи сопротивление башкир, рассматривалось им в девятой главе, посвящённой попыткам возобновления восстания в 1739 г. Устюгов отмечал, что эти попытки закончились неудачей, но завершить работу переписчиков так и не удалось, т. к. в 1740 г. башкиры подняли новое крупное восстание под руководством Карасакала.

Последняя десятая глава носила название «Общий характер башкирского восстания 1737–1739 гг.» и представляла собой заключение к рассмотренной работе. В начале данной главы Устюгов вновь выступал против мнения Чулошникова о необходимости выделения отдельного восстания 1737–1739 гг., приводя доказанное на страницах монографии утверждение о том, что это восстание был поднято участниками восстания 1735–1736 гг. и представляло собой его непосредственное продолжение[397]. Вслед за этим он повторял сделанные в тексте монографии выводы о роли феодалов в восстании, их стремлении перейти в подданство казахских ханов, утопичности и реакционности данного стремления и сочетании в восстании прогрессивных и реакционных черт.

---

[396] Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1737–1739 гг. М.; Л., 1950. С. 116.
[397] Там же. С. 140. Чулошников А. П. Указ. соч. С. 58–60.

После издания монографии на неё вышло две рецензии. В сентябрьском номере журнала «Вопросы истории» за 1950 г. была напечатана рецензия В. И. Шункова, давно поддерживавшего дружеские отношения с Устюговым. Несмотря на то, что рецензируемая работа не соответствовала новым партийным решениям о реакционности национальных движений в дореволюционной России, Шунков дал ей положительную оценку. Он утверждал, что монография Устюгова стала серьёзным вкладом в дело изучения истории Башкирии, и писал, что кропотливый авторский труд увенчался несомненным успехом[398]. Вместе с тем, давая высокую оценку рассматриваемой работе, он делал ряд критических замечаний, носивших в основном научно-теоретический характер. В первую очередь он повторял своё требование уточнить характеристику социального строя башкир, впервые озвученное им в Институте истории на заседании сектора истории СССР до XIX в. при обсуждении первой части «Очерков по истории Башкирии». Как и в своём выступлении на заседании сектора, он доказывал противоречивость одновременного использования Устюговым терминов «феодальная раздробленность» и «патриархально-феодальные отношения» и утверждал, что в башкирском обществе существовали значительные пережитки патриархально-родового быта. По мнению Шункова, применительно к рассмотренному Устюговым периоду можно было говорить не о зрелых феодальных отношениях, а лишь об их формировании[399]. Поэтому он настаивал на уточнении вопроса о социальном строе башкир в XVII–XVIII вв. Также, по его мнению, требовал уточнения тезис Устюгова о сравнительной лёгкости податного обложения башкир. Отмечая, что сумма ясачного сбора с башкир в середине XVIII в. была почти в два раза меньше суммы подушной подати с помещичьих крестьян (40 и 74 коп. соответственно), он писал, что промысловое и скотоводческое хозяйство башкира было гораздо слабее земледельческого хозяйства русского крестьянина, поэтому даже столь небольшие суммы сборов представляли для него серьёзную тяжесть. Но наряду с вышеприведёнными научно-теоретическими замечаниями,

[398] Шунков В. И. Рец. на: Н. В. Устюгов «Башкирское восстание 1737–1739 гг.» // Вопросы истории. 1950. № 9. С. 144, 146.
[399] Там же. С. 145.

Шунков делал замечания и чисто идеологического характера. Противореча фактам, изложенным в рецензируемой монографии, он писал, что политическая ориентация феодалов на отделение от Русского государства была, несомненно, реакционна и чужда широким народным массам. Поэтому, по словам Шункова, прогрессивные и реакционные черты восстания были не просто сторонами единого движения, а представляли собой проявления двух течений, носителями которых были два разных слоя общества[400].

Вторая рецензия на монографию Устюгова вышла лишь через полтора года после публикации первой. В феврале 1952 г. был подписан в печать десятый номер «Вестника Ленинградского университета» за 1951 г., в котором была опубликована рецензия заместителя декана исторического факультета данного ВУЗа С. Л. Пештича, являвшегося известным специалистом по творчеству В. Н. Татищева. Уже само название статьи, вышедшей под заголовком «Об одной ошибочной книге и некритической рецензии», демонстрировало оценку Пештичем работы Устюгова и её направленность не только против рецензируемой книги, но и против рецензии Шункова. В отличие от замечаний последнего, критика Пештича носила не научно-теоретический, а сугубо идеологический характер. Отмечая, что книга Устюгова была подписана в печать ещё до выхода статьи Багирова, он подчёркивал, что положительная рецензия Шункова была опубликована уже после появления новых идеологических документов, демонстрировавших концептуальную неверность работы Устюгова.

Оговорив это обстоятельство, он приступал к обвинениям Устюгова в несоответствии идеологическим требованиям и непонимании постановления ЦК ВКП (б) «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандисткой работы в Башкирской партийной организации» и трудов Сталина по национальному вопросу. Пештич утверждал, что Устюгов, говоря о наличии прогрессивных черт в восстании 1737–1739 гг., идеализировал данное движение. Его основное обвинение заключалось в том, что Устюгов не отразил в своей монографии

[400] Шунков В. И. Рец. на: Н. В. Устюгов «Башкирское восстание 1737–1739 гг.» // Вопросы истории. 1950. № 9. С. С. 145.

стремления широких масс башкирского народа к дружбе с Россией и написал о поддержке рядовыми башкирами феодалов в их борьбе против России в тридцатые годы XVIII в[401]. Также Пештич утверждал, что концепция «свободного вассалитета» оправдывала политику отделения от России, проводившуюся башкирским феодалами. А в словах Устюгова о том, что кочевой феодал, перешедший к новому сюзерену, должен был явиться к нему с богатой добычей, он видел «объективистское оправдание феодального разбоя»[402]. Следует отметить, что критика Пештича строилась на использовании вырванных из контекста цитат из трудов Устюгова и утверждении, что материалы и выводы, сделанные автором работы противоречат её обобщающему заключению. Также для критики рецензируемой монографии им активно привлекалась диссертация Т. Б. Бельской, научным руководителем которой был Н. В. Устюгов. Завершая свою рецензию, Пештич обращался к критике рецензии Шункова. Поскольку Шунков, также утверждал, что широкие массы башкирского народа стремились к сближению с Россией, главное упрёк к нему со стороны Пештича заключался в том, что он дал положительную оценку работе Устюгова[403].

Подводя итоги, следует отметить, что монография Устюгова обладала значительной научной новизной. На страницах данной работы впервые были чётко выявлены причины восстания 1737–1739 гг. и его связь с предшествовавшими выступлениями башкир, установлен социальный состав его участников, обрисован фактический ход восстания и проанализированы карательные мероприятия, проводившиеся представителями царской администрации в Оренбургском крае.

Кроме этого особым достоинством монографии являлся отточенный стиль, отличавшийся лаконичностью, ясностью, точностью в подборе эпитетов и свободой от тяжеловесных грамматических конструкций. Благодаря этому на некоторых страницах её текст приобретал почти художественную

---

[401] Пештич С. Л. Об одной ошибочной книге и некритической рецензии // Вестник Ленинградского университета. 1951. № 10. С. 111–114.
[402] Там же. С. 112–113.
[403] Там же. С. 115.

выразительность, примером чего служит описание Устюговым ожидания Бепеней результатов башкирского посольства к одному из султанов Среднего жуза,[404]. Следует отметить, что внимание к художественной стороне исторических текстов являлось одной из характерных сторон творчества Устюгова. Наряду с вышеназванными страницами монографии, об этом говорит тот факт, что, выступая в 1946 г. на заседании Учёного совета Историко-архивного института, посвящённом памяти Ключевского, Устюгов указал на необходимость изучения художественного метода Ключевского, его стремления достигать чёткого соответствия слова и образа [405].

Вышеназванные достоинства монографии делали её значительным вкладом в советскую историографию, однако несоответствие данной работы новым идеологическим требованиям, сформировавшимся вскоре после её публикации, привело к тому, что она получила критические отклики со стороны коллег Устюгова по исторической науке.

2-5. Переработка «Очерков по истории Башкирии» в соответствии с идеологической формулой «абсолютного блага»

Издание в мае 1950 г. постановления Совета министров о лишении азербайджанского философа Г. Н. Гусейнова Сталинской премии за положительную оценку движения Шамиля в работе по истории философской мысли Азербайджана произвело огромное впечатление на советских историков. Крупный специалист по истории российской общественной мысли XIX в. С. С. Дмитриев, работавший в МГУ, писал о беспрецедентности данного события, так как работы, получившие Сталинскую премию, несколько раз подвергались серьёзной критике, но Гусейнов стал первым автором, который был лишён премии за идеологические ошибки[406]. Появившаяся одновременно с этим статья

[404] Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1737–1739 гг. М.; Л., 1950. С. 116–117.
[405] Мохначёва М. П. Источники по истории становления и развития историографии в МГИАИ – ИАИ РГГУ. Статья первая // Вестник РГГУ. 2009. № 4. С. 27.
[406] Дмитриев С. С. Из дневников // Отечественная история. 1999. № 3. С. 163.

Багирова об оценке мюридизма показала историкам необходимость отказа от положительной характеристики национальных движений народов СССР. Данные события послужили одним из решающих факторов, заставивших Институт истории забрать в июле 1950 г. полностью готовую первую часть «Очерков по истории Башкирии» из Редакционно-издательского совета Академии наук и подвергнуть её дальнейшей переработке.

Вместе с тем следует отметить, что одной из ключевых характеристик советской идеологической политики сталинского периода являлась её неопределённость, оставлявшая возможность для различных трактовок идеологических формул и обвинения любой концепции в отклонении от официальной линии партии[407]. В данном случае неопределённость идеологии проявлялась в том, что, несмотря на осуждение национальных движений, оставался неясным вопрос об оценке вхождения различных народов в состав России. Кроме этого постановление Совета министров и статью Багирова можно было истолковать в узком смысле, ограничив их действие лишь географическими рамками Северного Кавказа или хронологическими рамками XIX в. Свидетельством неопределённости, возникшей в исторической науке после появления вышеназванных руководящих текстов стала дискуссия о формуле «наименьшего зла», прошедшая по инициативе М. В. Нечкиной на страницах журнала «Вопросы истории» в 1951–1952 гг[408].

Данная неопределённость обусловила незначительность исправлений, внесённых в первую часть «Очерков» после её изъятия из Редакционно-издательского совета. Уже в начале 1951 г. её пересмотр был закончен и в июне того же года она подверглась обсуждению на совещании в Уфе в Институте истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР (с мая 1951 г. так стал называться Башкирский институт, вошедший в структуру АН СССР[409], далее ИИЯЛ). Однако большая часть изменений, внесённых в неё в ходе этих

[407] Юрганов А. Л. Русское национальное государство. М., 2011. С. 677.
[408] Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005. С. 592-593.
[409] Юсупов Р. Г. История становления и развития Башкирского филиала Академии наук СССР. Дисс… канд. ист. наук. М., 2004. С. 37.

переработок, носила чисто внешний характер. Из текста первой части были убраны термины и выражения, не соответствовавшие новому идеологическому курсу, и добавлены фразы, подчёркивавшие неизменность русско-башкирской дружбы. Однако её основное содержание осталось неизменным. В частности, в ней сохранились основные концептуальные положения Устюгова о восприятии башкирскими феодалами своего подданства как «свободного вассалитета», прогрессивном влиянии русской колонизации на развитие производительных сил Башкирии и сочетании в башкирских восстаниях прогрессивных и реакционных черт[410]. Вместе с тем, редактируя текст в соответствии с новыми идеологическими тенденциями, Устюгов смог полностью отказаться от положительных характеристик лидеров башкирских восстаний. Так, если в четвёртой главе варианта 1950 г. и монографии о башкирском восстании 1737–1739 гг. он говорил, что казнённый лидер башкирских повстанцев Кусяп батырь умер мужественно и гордо, не дав Татищеву показаний о ходе восстания, то в новой редакции «Очерков» смерть Кусяпа батыря была использована Устюговым в качесте иллюстрации к тезису о бесперспективности башкирских восстаний. Теперь в тексте «Очерков» предсмертные слова Кусяпа о том, что он умер из-за того, что народ его не послушал, сопровождались комментарием о массовом отходе рядовых башкир от антирусского восстания[411].

Приспособление «Очерков» к новому идеологическому курсу повлекло за собой изменение названий многих разделов готового текста. В частности, подверглась переименованию третья глава, носившая во второй редакции название «Башкирия в составе Московского государства XVI–XVII вв». Теперь она стала называться «Присоединение Башкирии к Русскому многонациональному государству. Развитие патриархально-феодальных отношений. Борьба башкир против колониальной политики царизма (XVI–XVII вв.)[412]. Новое название главы отражало в себе основные тенденции

[410] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Раздел «А». Оп. 1. Д. 50 к. Лл. 20–22. НА ИРИ РАН. Ф. 1. Раздел «А». Оп. 1. Д. 50 в. Л. 112. НА ИРИ РАН. Ф. 1. Раздел «А». Оп. 1. Д. 50 л. Лл. 72–73.
[411] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Раздел «А». Оп. 1. Д. 50 л. Л. 64.
[412] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Раздел «А». Оп. 1. Д. 50 з. Л. 4.

идеологического поворота начала 1950-х гг. В ходе него возвеличивание героического прошлого России сочеталось с акцентированием её исторической многонациональности. Следование данным идеологическим формулам заставляло историков отказываться от использования прежних терминов «Московское государство» и «Русское национальное государство», восходивших к трудам С. М. Соловьёва и лекциям В. О. Ключевского. Однако обозначение России XVI–XVII вв. как «Русского многонационального государства» обладало внутренними несоответствиями, связанными с сочетанием в нём двух противоречивых идеологических тенденций: возвеличивания русского народа (эпитет «русское») и представления о Советском Союзе как о семье братских народов (эпитет «многонациональное»). Вероятно, именно из-за своей внутренней противоречивости данный термин не прижился и был вытеснен другими терминами: «Русское централизованное государство» и «Русское единое государство». Другое противоречие нового идеологического курса проявлялось в том, что абсолютно положительная оценка присоединения к России коренных народов сочеталась в нём с подчёркиванием их совместной борьбы против царизма, получавшего крайне негативные характеристики угнетателя народов. Отражением этой идеологической тенденции послужило включение в название главы указания на борьбу башкир против колониальной политики царизма.

Помимо переименования одной главы новый идеологический курс проявился в переименовании ряда параграфов. Почти во всех названиях параграфов третьей главы эпитет «московский» был заменён эпитетом «русский». В связи с этим были переименованы первый, второй и пятый параграфы, ранее носившие названия «Присоединение Башкирии к Московскому государству», «Первые шаги московского правительства в Башкирии после приёма новых подданных» и «Политика Московского государства после восстания 1662–1664 гг»[413]. Теперь они, соответственно, получили названия «Присоединение Башкирии к русскому государству», «Политика русского правительства в Башкирии в первое время после её присоединения» и «Политика русского

[413] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Раздел «А». Оп. 1. Д. 50 г. Л. 192.

государства в Башкирии после ликвидации восстания 1662–1664 гг»[414]. Кроме этого, игравшее важную роль в новой идеологической политике подчёркивание борьбы против царизма нашло своё отражение в переименовании первого параграфа пятой главы, посвящённого истории башкир между восстаниями Батырши и Салавата Юлаева. Если во второй редакции «Очерков» он назывался «Башкирия в третьей четверти XVIII в.», то теперь он получил название «Башкирия накануне крестьянской войны 1773–1774 гг»[415].

Но наряду с продиктованными извне идеологическими изменениями при подготовке нового варианта «Очерков» происходили изменения, вызванные внутринаучными факторами. Так пятая глава «Очерков» в новой редакции получила название «Изменения в экономике и социальных отношениях в Башкирии в период развития капиталистического уклада в Российской империи. Крестьянская война 1773–1774 гг.» В это время в связи с дискуссией о периодизации истории СССР внимание историков было привлечено к вопросу генезиса капитализма в России. Новое название пятой главы свидетельствовало о том, что редакция «Очерков» солидаризировалась с точкой зрения Н. Л. Рубинштейна, доказывавшего формирование капиталистического уклада в России в 1740-е–1750-е гг[416]. Кроме этого первый параграф пятой главы, готовившийся во второй редакции А. П. Николаенко, был переписан заново Устюговым. Следует отметить, по сравнению с параграфами третьей и четвёртой глав, над которыми Устюгов работал непрерывно с 1946 г., данный параграф был проработан относительно поверхностно. В частности, большая часть ссылок в нём была дана на литературу и опубликованные материалы академических экспедиций. На 26 страницах параграфа содержалось лишь несколько ссылок на архивные материалы, которые привлекались исключительно иллюстративно[417].

В новом варианте второй редакции параграф был разбит на две части. В соответствии с марксистской теорией, первый раздел параграфа был посвящён

---

[414] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Раздел «А». Оп. 1. Д. 50 к. Л. 111.
[415] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Раздел «А». Оп. 1. Д. 50 ж. Л. 3. НА ИРИ РАН. Ф. 1. Раздел «А». Оп. 1. Д. 50 з. Л. 5.
[416] Данилова Л. В., Клокман Ю. Р. Изучение истории России в период позднего феодализма // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1985. Т. V. С. 187–188.
[417] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Раздел «А». Оп. 1. Д. 50 в. Лл. 105–106,112–115.

экономике и социальным отношениям. В начале него Устюгов отмечал, что башкирам удалось сравнительно быстро восстановить скотоводческое хозяйство после карательных экспедиций 1735–1740 гг., благодаря феодальным набегам на казахов. При этом он указывал, что для восстановления земледелия потребовалось длительное время. Используя для характеристики башкирского земледелия материалы участников академических экспедиций П. С. Палласа и И. И. Лепёхина, Устюгов давал общую картину развития сельского хозяйства башкир. Следуя идеологическим требованиям демонстрации дружбы народов, он писал, что русская помощь особенно часто проявлялась при переходе башкир к земледелию, когда они брали у русских сохи, косы и другие сельскохозяйственные орудия[418].

Также основываясь на материалах Палласа и Лепёхина, Устюгов характеризовал развитие металлургии в Башкирии. Он указывал, что крупнейшие южноуральские заводчики Я. Б. Твердышев и И. С. Мясников иногда прибегали к вольнонаёмному труду. Вместе с тем, опираясь на «Дневные записки», Лепёхина он указывал, что это труд мог быть назван «вольным» только в кавычках, т. к. на заводы нанимались должники заводчиков, обязанные отработать свой долг работой на производстве. Приводя пример с работой на Симском заводе чувашей деревни Илек, являвшихся должниками Твердышева и Мясникова, Устюгов восклицал: «Трудно найти более яркую иллюстрацию для понятия «вольный наём» на уральских заводах XVIII в.»[419]. Рассмотрение вопроса о развитии южноуральской металлургии заставляло Устюгова обратиться к теме «расхищения башкирских земель», восходившей к публицистике конца XIX в. Отмечая, что по указу 1761 г. покупка башкирских земель должна была сопровождаться письменным договором, он повторял устоявшееся в историографии мнение о том, что даже продажа по договорам осуществлялась по заниженным ценам и представляла собой неприкрытый обман и грабёж башкир. Основываясь на статье народнического публициста И. С. Сигова «Народ и

[418] Там же. Л. 92 об.
[419] Там же. Лл. 94–95.

посессионное владение на Урале», опубликованной в 1899 г. в журнале «Русское Богатство», Устюгов писал, что в 1754 г. при покупке земель под строительство Нязепетровского завода стоимость одной десятины составляла 1/25 копейки, а в 1762 г. при покупке земель под строительство Белорецкого завода стоимсть одной десятины составляла 1/3 копейки[420].

Рассмотрение вопроса о башкирской собственности на землю позволяло Устюгову перейти к характеристике социально-экономического устройства башкирского общества. Для этого им активно использовались материалы наказов башкирским депутатам Уложенной комиссии 1767 г., описанных в первом выпуске работы С. Ф. Ташкина «Инородцы Поволжско-Приуральского края и Сибири по материалам Екатерининской законодательной комиссии», написанной ещё до революции и опубликованной в Оренбурге в 1921 г. Опираясь на работу Ташкина, Устюгов писал, что в середине XVIII в. наблюдался постепенный переход башкир от родовой организации населения к территориальной, чему способствовала реформа башкирского самоуправления, проведённая в 1736 г. В. Н. Татищевым, по которой вводилась выборность старшин[421]. Кроме этого, Устюгов отмечал, что в рассматриваемый период в Башкирии происходило углубление феодальных отношений, и наблюдался рост зависимости обедневших башкир от разбогатевших соплеменников и старшин.

Охарактеризовав социально-экономическое устройство башкирского общества, он переходил ко второму разделу параграфа, посвящённому правительственной политике в Башкирии. Следуя требованиям официальной идеологии, он писал, что правительственная политика в рассматриваемый период характеризовалась стремлением взять под административный контроль всю жизнь местного населения и служила усилению национально-колониального гнёта. Но, отдавая дань официальному идеологическому курсу, Устюгов не отказывался от своих идей о прогрессивном значении правительственной деятельности для развития производительных сил южного Урала. В текст параграфа им был

[420] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Раздел «А». Оп. 1. Д. 50 в. Л. 96.
[421] Там же. Лл. 103–106.

включён отрывок из раздела о башкирах, готовившегося в довоенный период для пятого тома «Истории СССР», в котором говорилось о проектах Д. В. Волкова и И. А. Рейнсдорпа по поощрению хлебопашества у башкир[422]. При этом признание прогрессивности отдельных мероприятий царизма было включено им не только в текст параграфа, но и вошло в абзац, содержавший итоговые выводы[423].

Также изменения, продиктованные внутринаучными факторами, отразились в третьей и четвёртой главах «Очерков». В третью главу Устюговым был включён материал о хозяйственной специфике отдельных районов Башкирии, взятый из кандидатской диссертации его ученицы Т. Б. Бельской «Земельные отношения в Башкирии в XVII в.», защищённой в Институте истории в 1950 г. Используя широкий круг источников, Бельская показывала, что в хозяйственном отношении башкирские земли делились на две области: земледельческо-скотоводческую, включавшую северо-западную и западную Башкирию, и скотоводческую, включавшую восточную и южную Башкирию. Она отмечала, что северо-западная часть Башкирии, включавшая земли Осинской дороги издавна представляла собой район оседлого земледелия. Значительную роль играло земледелие и в хозяйстве башкир Казанской дороги, где оно совмещалось с полукочевым скотоводством. В хозяйстве башкир южной и восточной Башкирии, напротив, доминировало кочевое скотоводство.

В новом варианте четвёртой главы Устюгов отказался от датировок Чулошникова, насчитывавшего в указанные годы три башкирских восстаниях: 1735–1736, 1737–1739 и 1740 гг. Критика данной схемы была высказана им ещё в монографии о восстании 1737–1739 гг., хотя в то время он ещё был вынужден следовать ей. В новом варианте материал об этих движениях был объединен в один параграф, посвящённый единому башкирскому восстанию 1735–1740 гг., делившемуся на три этапа, которые соответствовали трём восстаниям, выделявшимся Чулошниковым[424]. В его состав вошли тексты Е. И. Каменцевой, готовившей в первом варианте второй редакции «Очерков» параграф о восстании

[422]НА ИРИ РАН. Ф. 1. Раздел «А». Оп. 1. Д. 50 в. Лл. 106–112.
[423] Там же. Л. 112.
[424] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Раздел «А». Оп. 1. Д. 50 л. Л. 29.

1735–1736 гг. и Устюгова, готовившего в первом варианте параграфы о восстании 1737–1739 и 1740 гг.

После обсуждения на совещании в Уфе переработка первой части «Очерков» продолжилась лишь в феврале-марте 1952 г., когда она была отредактирована Устюговым.[425] Внося в основном исправления стилистического характера, он также был вынужден убирать ряд оценок и формулировок, не соответствовавших новой идеологической ситуации. В частности, в пятой главе, в параграфе о восстании Салавата Юлаева, текст которого был написан Николаенко, им были исключены упоминания о том, что данное восстание, как и предыдущие башкирские движения, возглавлялось феодалами. Вместо этого им была вставлена осторожная фраза о том, что к призывам Пугачёва не остались глухи и некоторые из башкирских старшин[426].

Работа по подготовке второго варианта второй редакции «Очерков по истории Башкирии» завершилась в 1952 г., поэтому в дальнейшем мы будем называть вторую редакцию – редакцией 1950–1952 гг. Однако внесённые изменения были приняты не всеми историками, что проявилось на обсуждении подготовленного текста, состоявшемся 19 апреля 1952 г. в Институте истории под председательством Л. В. Черепнин[427]. В первую очередь, на нём выявились противоречия в вопросе об оценке башкирских восстаний. Новый идеологический курс предписывал однозначно негативную характеристику выступлений всех антирусских выступлений коренных народов. Эту точку зрения отстаивали А. А. Новосельский и Черепнин[428]. Также её отстаивал Устюгов, пытавшийся использовать идеологические изменения для продвижения своих взглядов на характер восстаний. Как и на совещании в феврале 1946 г. он доказывал, что все башкирские движения 1660-х–1730-х гг. были реакционными и утверждал, что прогрессивные черты впервые прослеживаются лишь в тептяро-бобыльском выступлении 1747 г. Однако, как и в 1946 г., негативную оценку башкирских

[425] АРАН. Ф. 1535. Оп. 3. Ед. хр. 101. Л. 1 об.
[426] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Раздел «А». Оп. 1. Д. 50 в. Лл. 125, 150, 187.
[427] АРАН. Ф. 1535. Оп. 3. Ед. хр. 101. Л. 1 об. Тихонов В. В. Историки, идеология, власть в России XX века: Очерки. М., 2014. С. 143.
[428] АРАН. Ф. 1535. Оп. 3. Ед. хр. 102. Л. 23.

восстаний не могли принять башкирские авторы и историки, становление которых проходило под влиянием идей М. Н. Покровского. Представители Башкирского филиала Академии наук и председатель Башкирской комиссии В. И. Лебедев в своих выступлениях на обсуждении продолжали утверждать наличие прогрессивных черт в башкирских восстаниях и отстаивать их двойственную оценку[429]. Тем не менее при обсуждении этого вопроса победила точка зрения Устюгова, и за башкирскими восстаниями закрепилась характеристика «реакционных».

Но, добившись успеха в вопросе об оценке восстаний, Устюгов потерпел неудачу в вопросе о характере башкирского подданства. Созданная им концепция «свободного вассалитета» вызывала резкое неприятие со стороны башкирских историков, опасавшихся, что её принятие послужит поводом для обвинений в стремлении оторвать башкирский народ от России. Выступая на обсуждении, директор ИИЯЛ М. Я. Янгирова заявил, что концепция «свободного вассалитета» наводит тень на прогрессивный характер присоединения башкир к русскому государству[430]. В результате Устюгов был вынужден отказаться от данной концепции.

По итогам московского обсуждения было решено отправить текст «Очерков» на дальнейшую переработку. Тогда же Устюгов предложил ликвидировать Башкирскую комиссию как выполнившую свою задачу и передать всю работу по подготовке «Очерков» Башкирскому институту. По замыслу Устюгова за Институтом истории должно было остаться лишь консультирование и рецензирование текстов, подготовленных башкирскими авторами. Следует отметить, что данное предложение выдвигалось им с учётом того обстоятельства, что работа московских историков по написанию «Очерков» осуществлялась по договорам с Башкирским институтом и была оплачена лишь на 60 %[431]. Но поначалу оно не было принято, и Устюгов продолжил заниматься переработкой «Очерков».

---

[429] Тихонов В. В. Указ. соч. С. 143–144.
[430] Там же. С.145.
[431] АРАН. Ф. 1535. Оп. 3. Ед. хр. 101. Лл. 1 об–2 об.

В июле 1952 г. Устюгов вновь отредактировал текст первой части. Большая часть внесённых в него изменений носила сугубо идеологический характер. В первую очередь было дано более идеологизированное название всей книге: если раньше она носила название «Очерки по истории Башкирии», то теперь она стала называться «Очерки по истории Башкирской АССР». Кроме того была пересмотрена оценка всех башкирских восстаний в период с 1662 по 1740 гг. Если в предыдущем варианте «Очерков» говорилось о сочетании в них прогрессивных и реакционных черт, то теперь, они были однозначно названы реакционными[432]. Соответственно, в переработанном тексте подчёркивалось участие в них феодалов и акцентировался их антинародный характер. В частности, в новом варианте «Очерков» подробно описывалось разорение повстанцами русских поселений в ходе восстания 1662–1664 гг. и говорилось, что большая часть башкир не поддержала восстание 1735–1740 гг[433]. Также, исполняя решения московского обсуждения, Устюгов был вынужден убрать из текста упоминания о концепции «свободного вассалитета». Однако, отказавшись от использования этого термина при характеристике башкирского подданства, он не собирался полностью отказываться от её основных положений. В переработанном варианте третьей главы говорилось, что идеология феодалов, поднявших восстание 1662–1664 гг., являлась идеологией свободных вассалов периода феодальной раздробленности. Устюгов указывал, что если такой вассал недоволен своим сюзереном, он вправе покинуть его, переменив подданство. Давая негативную характеристику данной идеологии он писал, что она являлась реакционной, и возводил её корни ко временам Золотой орды. Вместе с тем он отмечал, что пережитки такой идеологии сохранялись среди феодалов Ногайской и Сибирской дорог, продолжавших вести кочевое хозяйство, ещё в первой половине XVIII в. и переходил к цитированию писем Бепени Трупбердина, служивших источниковой базой для концепции «свободного вассалитета»[434].

[432] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Раздел «А». Оп. 1. Д. 50 м. Л. 95. НА ИРИ РАН. Ф. 1. Раздел «А». Оп. 1. Д. 50 н. Лл. 76–77, 140–142.
[433] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Раздел «А». Оп. 1. Д. 50 м. Л. 87. НА ИРИ РАН. Ф. 1. Раздел «А». Оп. 1. Д. 50 н. Л. 105.
[434] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Раздел «А». Оп. 1. Д. 50 м. Л. 76.

Наряду с идеологической правкой в «Очерки» продолжали вноситься и научные изменения. Так, редактируя четвёртую главу, Устюгов развил выводы диссертации Бельской и добавил в неё положения о связи между хозяйственными занятиями знатных башкир и их отношением к восстанию 1735–1740 гг. Он писал, что к категории «верных старшин» принадлежали феодалы Казанской и Осинской дорог, где процветало земледелие и полукочевое скотоводство. Они имели большие земельные участки в личном пользовании, и на их хозяйство не влияли запрет набегов и изъятие родовых земель. Соответственно, они выступали в ходе восстания на стороне правительства. Феодалы Ногайской и Сибирской дорог являлись кочевниками, и для них изъятие земель и запрещение набегов означали подрыв хозяйства. Соответственно, они выступили лидерами восстания[435]. Следует отметить, что акцентирование влияния географической среды на экономическое и политическое развитие башкирского общества являлось одной из черт позитивистской методологии, сохранявшихся в творчестве Устюгова и после внешнего принятия им марксизма-ленинизма в 1930-х гг.

После завершения редактуры переработанные главы были направлены в Уфу в ИИЯЛ, где 6 сентября 1952 г. состоялось их обсуждение. Однако оно свелось к обвинительным речам в адрес Устюгова, а внесённые изменения в ходе него не были рассмотрены. Заведующий сектором истории института С. З. Туктаров заявил о том, что в вопросе о башкирских восстаниях Устюгов занимает политически вредную позицию. Грубо искажая факты, Туктаров утверждал, что в работах 1947–1950 гг. Устюгов давал башкирским выступлениям однозначно положительную оценку и стал говорить об их двойственном характере лишь под влиянием критики весной 1952 г[436]. Выступавший вслед за Туктаровым Янгиров заявил, что, переработав текст, Устюгов просто переменил вывеску, отказавшись от термина «свободный вассалитет», и назвав восстания реакционными. При этом он в целом, верно заметил, что в содержание параграфов Устюговым не было внесено серьёзных изменений. Завершая своё выступление, Янгиров обвинил

[435] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Раздел «А». Оп. 1. Д. 50 н. Лл. 102–103.
[436] АРАН. Ф. 1535. Оп. 3. Ед. хр. 102. Л. 22.

Устюгова в клевете на башкирский народ, так как, по его словам, в «Очерках» утверждалось, что грабил, изменял и убивал весь башкирский народ[437]. Аспирант Устюгова Васильев заявил, что теория свободного вассалитета принижает значение добровольного присоединения Башкирии к России. По его словам, отъезды феодалов во время восстаний были вызваны усилением колониального гнёта и опасением серьёзного наказания для их участников. Выступая на обсуждении, он утверждал, что Устюгов постоянно подчёркивал наличие в Башкирии XVII–XVIII вв. национальной розни, совершенно не учитывая того, что подобные утверждения не могут иметь воспитательного значения и способствовать укреплению дружбы между народами[438]. Завершило обсуждение выступление Типеева, ставшего в июле 1952 г. исполняющим обязанности директора ИИЯЛ, который заявил, что «концепция Устюгова о башкирских восстаниях является чисто буржуазно-объективистской»[439].

По итогам обсуждения были сделаны общие замечания по тексту. Несмотря на то, что в нём говорилось о реакционном характере восстаний, отсутствовали упоминания о «свободном вассалитете», и приводились факты сотрудничества русских и башкир, в замечаниях утверждалось, что в «Очерках» обойдены истоки дружбы и необоснованно подчёркнута вражда русского и башкирского народов, не дана правильная марксистско-ленинская оценка восстаний, а так называемая теория «свободного вассалитета» принижает значение добровольного присоединения башкир к России[440].

Кроме этого, по итогам обсуждения были сделаны постраничные замечания. Следует отметить, что огромное недовольство со стороны башкирских авторов вызывало то, что из них упоминались в тексте первой части лишь Ищериков, называвшийся сторонником теории о насильственном присоединении Башкирии к России, и Бельская, выводы которой о хозяйственной специфике отдельных районов Башкирии были использованы в третьей главе диссертации.

---

[437]Там же. Лл. 23–25.
[438] Там же. Лл. 26–27.
[439] Там же. Л. 33.
[440] Там же. Лл. 19–20.

Ещё в ходе обсуждения Туктаров заявлял, что Устюгов, пользуясь монопольным положением в редакции, незаслуженно рекламирует Ищерикова, Бельскую и других, принижая тем самым достоинства труда, подготовленного к академическому изданию. В постраничных замечаниях указывалась неправомерность упоминания Ищерикова среди авторов, говорящих о завоевании Башкирии Россией. Данный тезис аргументировался тем, что Ищериков не является историком, и говорилось, что «в таком случае будут обижены наши маститые историки Раимов, Типеев», также являвшиеся противниками концепции добровольного присоединения Башкирии к России. Также в постраничных замечаниях утверждалось, что ссылки на Бельскую нужно снять, так как её доводы ошибочны, а выводы общеизвестны[441].

За исключением замечаний, продиктованных личными мотивами, остальные замечания носили идеологический характер. Авторы «Очерков» обвинялись в объективистском отношении к документам, исходящим от представителей царского правительства и нарушении принципа партийности в науки. Цитирование документов о связях восставших башкир с Турцией и Крымом называлось политической ошибкой и сопровождалось комментарием: «Автор, по-видимому, не задумывался над тем, чему научат наши «Очерки» широкого круга читателей, если будут пестреть подобными выдержками»[442]. Кроме того называлось ошибочным указание в названии пятой главы на период развития капиталистического уклада в России. В постраничных замечаниях говорилось, что капиталистический уклад не мог существовать до победы капитализма в середине XIX в., и третья четверть XVIII в., которой была посвящена данная глава, являлась периодом расцвета крепостничества.[443].

Отсутствие конструктивного сотрудничества между Институтом истории и Башкирским институтом способствовало тому, что предложения Устюгова были приняты, и в ноябре 1952 г. Башкирская комиссия была ликвидирована[444].

---

[441] АРАН. Ф. 1535. Оп. 3. Ед. хр. 102. Лл. 32, 34–36.
[442] Там же. Лл.39, 43.
[443] АРАН. Ф. 1535. Оп. 3. Ед. хр. 102. Л. 45.
[444] Тихонов В. В. Указ. соч. С. 146.

После ликвидации Башкирской комиссии руководство подготовкой «Очерков» было возложено на ИИЯЛ, однако Устюгов не прекратил своё участие в этой работе. Решением Президиума Башкирского филиала АН СССР он был включён в состав рабочей редакции первого тома «Очерков», вместе с Типеевым, Васильевым и Туктаровым. В декабре 1952 г. Устюгов писал Туктарову, что, по его мнению, уфимские авторы должны были при необходимости посылать ему на согласование готовые тексты, переработанные так, как они считают нужным. В свою очередь он должен был внести в них исправления в свете сделанных башкирскими коллегами замечаний и, главным образом, в свете последних работ Сталина. Затем, по замыслу Устюгова оба варианта текста (уфимский и московский) должны были подвергнуться окончательному согласованию[445].

Окончательная подготовка первого варианта третьей редакции «Очерков по истории Башкирской АССР» затянулась до весны 1953 г. После его окончания в Уфе состоялась научная сессия, посвящённая феодальным отношениям и характеру башкирских восстаний, которая проходила с 16 по 20 июня 1953 г. Доклад о характере башкирских восстаний сделал Типеев, подвергший резкой критике работы Устюгова. Изображая колебания партийной линии личными заблуждениями Устюгова, и игнорируя его выступление в 1946 г. с реакционной оценкой башкирских восстаний, Типеев обвинял Устюгова в том, что тот исходил из позиции буржуазных историографов и выдавал буржуазно-монархические движения за национально-освободительные. Затем, по словам Типеева, Устюгов встал на эклектичную позицию, утверждая наличие в башкирских восстаниях одновременно прогрессивных и реакционных черт. Но, несмотря на критику со стороны Типеева, результаты сессии выглядели для Устюгова в целом положительно. Её итоговый вывод совпал с его взглядами и гласил, что башкирские восстания являлись реакционными феодально-монархическими движениями[446].

---

[445] АРАН. Ф. 1535. Оп. 3. Ед. хр. 91. Л. 6.

[446] Чемерис В. П. Несколько лет из прошлого: время, события, люди // URL: http://posredi.ru/blog08_20_BFAN_1951-1954.html (дата обращения: 31 июля 2015 г.)

В это же время деятельность Типеева в качестве директора института стала вызывать критику со стороны руководства Академии наук. Параллельно с участием в сессии Устюгов и младший научный сотрудник Института истории Н. И. Павленко должны были заниматься проверкой деятельности института. Их отчёт был подготовлен в конце июня и содержал негативную оценку работы ИИЯЛ по подготовке «Очерков» и указание на низкий уровень прошедшей научной сессии[447]. Данный отчёт был оглашён на заседании учёного совета института 30 октября 1953 г. По инициативе Типеева учёный совет выразил своё несогласие с высказанными в нём критическими замечаниями и выступил с резким осуждением отдельных выводов отчёта[448]. Однако такие действия Типеева лишь усугубили недовольство им со стороны академического начальства и 1 января 1954 г. он был отстранён от должности директора института. Новым руководителем ИИЯЛ стал литературовед А. И. Харисов. 23 января 1954 г. Устюгову было отправлено письмо от учёного секретаря Президиума Башкирского филиала АН СССР Рустема Кузеева, в котором сообщалось, что 22 января того же года Президиум филиала отменил решение учёного совета ИИЯЛ об осуждении отчёта Устюгова и Павленко, т. к. оно было вынесено в отсутствие кворума, и не затрагивало положений отчёта, а было посвящено вопросам, получившим единогласную оценку в ходе научной сессии 1953 г. В завершении письма Кузеев говорилось: «Мы очень сожалеем, что самочинные действия бывшего директора института нанесли Вам неприятности. Типеев получил строгое предупреждение. Теперь, когда это выяснилось, просим Вас великодушно изменить отношение к институту и отдельным сотрудникам, введённым Типеевым в заблуждение»[449]. Таким образом сотрудничество Устюгова с ИИЯЛ, прерванное после выступления Типеева, было восстановлено.

Первая половина 1950-х гг. стала в официальной идеологии временем прославления государственного величия Советского Союза и неразрывного единства советских народов. В историографии отражением этого стала негативная

[447] Там же
[448] Там же.
[449] АРАН. Ф. 1535. Оп. 3. Ед. хр. 91. Лл. 20–20 об.

переоценка всех национальных движений и провозглашение абсолютно положительного характера присоединения коренных народов к России. Эти идеологические формулы совпадали со взглядами Устюгова, неизменно подчёркивавшего прогрессивность русской колонизации Башкирии и негативную роль башкирских восстаний. Благодаря совпадению своих взглядов с официальной идеологической линией Устюгов смог включить свои оценки башкирских восстаний и русской колонизации в новую редакцию «Очерков по истории Башкирии». Но влияние партийной идеологии на историческую науку было противоречивым. Оборотной стороной переработки «Очерков» под воздействием нового идеологического курса стал внешний отказ Устюгова от концепции «свободного вассалитета», т. к., по мнению его оппонентов, эта концепция противоречила господствующим идеям неразрывной дружбы русских и башкир.

2-6. Завершение работы над «Очерками истории СССР» и создание итоговой редакции «Очерков по истории Башкирской АССР»

Переоценка национальных движений серьёзно задержала публикацию главного труда Института истории того времени – капитальной «Истории СССР». Её новая редакция была готова к началу 1950-х гг., но провозглашение присоединения к России «абсолютным благом» для коренных народов заставила авторский коллектив приступить к новой переработке текста в соответствии с изменениями в официальной идеологии[450].

В итоге было решено отказаться от подготовки томов, посвящённых истории СССР в XIX–XX вв., и обозначить итоговый текст как «Очерки истории СССР. Период феодализма». Первый том «Очерков», охватывавший период с IX по XV вв., вышел только в 1953 г. Он был издан в двух частях, вышедших отдельными книгами, первая из которых была посвящена периоду с IX по XIII вв., а вторая с XIV по XV вв. При работе над первой частью первого тома Устюгов

[450] Павленко Н. И. Воспоминания историка // Родина. 2010. № 8. С. 34.

принял участие в написании параграфа о народах Среднего Поволжья и Приуралья, куда был включён его текст о башкирах в IX – первой четверти XIII вв. Во второй части тома Устюговым и профессором А. А. Савичем был написан фрагмент параграфа о народах Поволжья и Приуралья, посвящённый чувашам, марийцам и удмуртам. В дальнейшем в 1954–1958 гг. вышло ещё семь томов «Очерков», которые охватывали историю государств и народов, существовавших на территории СССР с древнейших времён до конца XVIII в.

Поскольку в центре научных интересов Устюгова находился XVII в., он принял наиболее активное участие в подготовке тома «Очерков истории СССР», посвящённого данному столетию, который вышел в 1955 г. Этот том охватывал период с 1618 по 1689 гг. и делился на две части. Первая часть, охватывавшая главы с первой по пятую, была посвящена истории России, вторая, охватывавшая главы с шестой по тринадцатую, – истории народов СССР. Устюгов являлся наряду с профессором А. А. Новосельским одним из двух редакторов тома и занимался редактированием части, посвящённой народам СССР. Следует отметить, что в работе над томом ему помогала его супруга, осуществлявшая составление именного и географического указателей[451].

Устюгов выступил не только редактором, но и автором нескольких параграфов в данном томе. В девятой главе, посвящённой народам Севера, им были написаны параграфы о саамах и коми. Параграф, посвящённый саамам, почти не подвергался изменениям при редакционной переработке «Очерков», и сохранил характерный для конца 1930-х гг. акцент на эксплуатации коренных народов со стороны царского правительства[452]. Следует отметить, что в рецензии на данный том «Очерков истории СССР», написанной ленинградскими историками К. Н. Сербиной, А. И. Копаневым и А. Г. Маньковым, выделение отдельного параграфа о саамах получило негативную оценку. Рецензенты отмечали, что раздел о саамах занимает слишком много места, тогда как их

[451] Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. М., 1955. С. 27.
[452] Устюгов Н. В. Саамы // Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 771–775.

численность в XVII в. составляла всего лишь 383 человека[453]. Однако, давая такую оценку, рецензенты игнорировали тот факт, что до вплоть XX в. саамы населяли большую часть территории Кольского полуострова. В параграфе, посвящённом народу коми, Устюгов уделял основное внимание социально-экономическому развитию населённого им края[454].

В десятой главе, посвящённой народам Поволжья и Приуралья, Устюгов написал параграф о башкирах, представлявший собой сокращённый вариант соответствующего раздела «Очерков по истории Башкирии» в редакции 1953 г.В нём он последовательно рассматривал экономическое развитие башкир; их социальное устройство; взаимоотношения с представителями других народов, переселявшихся на башкирские земли; правительственную политику в отношении башкир; их взаимоотношения со степными соседями и башкирские восстания. Разделы параграфа, посвящённые взаимоотношениям башкир с другими народами и башкирским восстаниям, отличались значительной идеологизированностью. В соответствии с партийным курсом последних лет сталинского правления в них подчёркивались добрососедские отношениях русских и башкир и их совместная борьба со степными кочевникам, а башкирские восстания получали негативную оценку[455]. Повторяя характеристику восстаний, данную в «Очерках по истории Башкирии» 1953 г., Устюгов называл восстания реакционными, а участие в них народных масс объяснял силой патриархально-феодальных пережитков[456]. Однако в отличие от «Очерков по истории Башкирии» в тексте параграфа полностью отсутствовали все упоминания о восприятии башкирами своего подданства как «свободного вассалитета». Вероятно, полный отказ Устюгова от данной концепции был связан не только с идеологическим давлением, но и с отмеченным его коллегами противоречием между подразумевавшимся данной концепцией высоким уровнем феодальных отношений в башкирском обществе и подчёркиванием Устюговым

[453] Сербина К. Н. и др. Рец. на: Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. // Вопросы истории. 1956. № 11. С. 169.
[454] Устюгов Н. В. Коми // Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. М., 1955. С. 775–786.
[455]Устюгов Н. В. Башкирия // Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. М., 1955. С. 803, 807.
[456] Там же. С. 809–811.

патриархальных пережитков у башкир. В результате в «Очерках истории СССР» Устюгов сохранил лишь упоминания об отъезде башкирских феодалов к другим степным правителям и указания на то, что целями восстаний являлся отказ от русского подданства и поиск новых государей в лице степных ханов[457]. Следует отметить, что параграф о башкирах, получил высокую оценку в рецензии Сербиной, Копанева и А. Г. Манькова. Рецензенты отметили, что данный параграф, также как и параграф по истории народа коми носит исследовательский характер и опирается на большой документальный материал[458].

В остальных томах «Очерков» Устюговым также было написано несколько параграфов, посвящённых истории народов СССР. Также в 1955 г. том, посвящённый XVI в., для которого Устюгов написал совместно с Усмановым статью о башкирах. В 1956 г. вышел том «Очерков», посвящённый России во второй половине XVIII в., для которого им был написан параграф о народах Севера. В 1957 г. вышел том, посвящённый России во второй четверти XVIII в. и народам СССР в первой половине данного столетия, для которого Устюговым был написан параграф о саамах. Также для этого тома им был написан совместно с С. М. Васильевым параграф о Башкирии, в котором Васильев являлся автором страниц о социально-экономическом развитии и культуре башкир, а Устюговым был написан текст о башкирских восстаниях. Как и в «Очерках по истории Башкирской АССР» башкирские социальные отношения рассматривались в нём как патриархально-феодальные, а башкирские выступления первой половины XVIII в. оценивались как реакционные[459].

Следует отметить, что открывшаяся с началом оттепели возможность идейного разномыслия избавила историков от страха совершить непоправимую идеологическую ошибку и позволила опубликовать в середине 1950-х гг. целый ряд обобщающих работ, готовившихся в предыдущие десятилетия. Так в 1955 г. под редакцией профессора К. В. Сивкова был опубликован первый том «Очерков

[457]Устюгов Н. В. Башкирия // Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. М., 1955. С. 807, 809, 811.
[458] Сербина К. Н. и др. Указ. соч. С. 167.
[459] Устюгов Н. В., Васильев С. М. Башкирия // Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. М., 1957. С. 641, 647.

по истории Коми АССР», посвящённый истории Коми в досоветский период. Для этого издания Устюгов написал раздел «Коми край в период усиления феодально-крепостнического гнёта и складывания всероссийского рынка в XVII в».

Тогда же завершилась работа над «Очерками по истории Башкирии». Вскоре после отстранения Типеева от должности директора ИИЯЛ была создана новая редколлегия первой части «Очерков». Единственным членом прежней редколлегии, сохранившим своё место в её новом составе был Устюгов. Вместо Типеева, Туктарова и Васильева в её состав вошли Харисов, заместитель председателя Президиума БФ АН СССР Г. Ф. Шафиков и этнограф Раиль Гумерович Кузеев (брат Рустема Кузеева). Также в ёе состав вновь вошёл крупнейший специалист по археологии Поволжья А. П. Смирнов. Новая редколлегия работала над текстом чуть больше года и в 1955 г. первая часть готового труда была направлена для публикации в Башкирское книжное издательство.

Однако в то время, когда первая часть «Очерков» находилась в печати, в советской идеологии вновь стали происходить перемены. Начавшийся после смерти Сталина постепенный отказ от его политики отразился и на идеологической сфере, где стал наблюдаться отход от прежнего курса, характеризовавшегося культом государства, возвеличиванием русского народа и провозглашением реакционности всех национальных движений. Открытым проявлением новых идеологических тенденций стало выступление на XX съезде КПСС главного редактора журнала «Вопросы истории» А. М. Панкратовой, заявившей, что в ряде книг не уделяется внимание разоблачению колониальной политики самодержавия и политики царизма как тюрьмы народов. Вскоре после этого, в третьем номере «Вопросов истории» за 1956 г. была опубликован статья А. М. Пикмана «О борьбе кавказских горцев с царскими колонизаторами», переоценивавшая деятельность Шамиля и рассматривавшая движение горцев как прогрессивное явление. В связи с этим директор Башкирского издательства И. Минигалеев и главный редактор того же издательства Г. Ишбулатов направили 7 мая 1956 г. Устюгову письмо, в котором настаивали на пересмотре в «Очерках»

разделов о политике царизма и характере башкирских восстаний 1705–1711 и 1735–1740 гг[460]. Устюгов отреагировал на это письмо достаточно жёстко, написав в своём ответе, что оснований для пересмотра «Очерков» не существует[461]. Очевидно, негативная реакция Устюгова на письмо Минигалеева и Ишбулатова была вызвана тем, что предлагавшиеся ими изменения в «Очерках» шли вразрез с его взглядами на правительственную политику в Башкирии в XVIII в. и характер башкирских восстаний. Кроме этого переработка «Очерков» в соответствии с новыми идеологическими требованиями означала дальнейшее затягивание работы над ними, продолжавшейся уже около пятнадцати лет. В результате итоговый текст первой части первого тома «Очерков по истории Башкирской АССР» вышел из печати в 1956 г. Вышедший из печати текст представлял собой второй вариант третьей редакции «Очерков».

Также как при подготовке двух предшествующих вариантов, большая часть внесённых в «Очерки» изменений относилась к переструктурированию и переименованию ряда разделов готового текста. В первую очередь из «Очерков» убирались термины «патриархально-феодальные отношения» и «Русское многонациональное государство», представлявшие собой результат приспособления историков к требованиям послевоенной идеологии. Так из названия второй главы «Очерков», исчезло содержавшееся в редакции 1950–1952 и варианте 1953 гг. упоминание о патриархально-феодальных отношениях. Вместо этого в нём стало говориться о зарождении феодальных отношений[462]. Кроме того, в данную главу был включён написанный А. Н. Усмановым параграф о присоединение башкир к России, входивший во всех послевоенных редакциях в состав третьей главы. Данный параграф также подвергся переименованию. Если в вариантах 1952 и 1953 гг. в его названии звучал термин «Русское многонациональное государство», то теперь он стал называться «Присоединение Башкирии к Русскому государству». Указанный термин сохранился только в последнем абзаце параграфа, а во всех остальных местах он был заменён

[460] АРАН. Ф. 1535. Оп. 3. Ед. хр. 109. Л. 3.
[461] Там же. Л. 7.
[462] Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1956. Т. 1. Ч.1. С. 38.

терминами «Русское государство» и «Русское централизованное государство». Но изменения в терминологии не затронули идеологическую оценку присоединения башкир к России, которое также как и в варианте 1953 г. трактовалось как абсолютно прогрессивное явление. При этом Усманов прислушался к критике своих коллег по ИИЯЛ и убрал из текста параграфа не только фамилию Ищерикова, но и все упоминания о противниках такой оценки присоединения башкир в советской историографии[463].

Третья глава «Очерков» также подверглась переименованию в русле вышеназванных тенденций. Из её названия исчезло упоминание о «патриархально-феодальных отношениях» и она стала называться «Социально-экономические отношения в Башкирии во второй половине XVI и в XVII вв. Политика царизма. Феодальные движения»[464]. Новые идеологические тенденции проявились и в переименовании входивших в неё параграфов. Если в вариантах 1952 и 1953 гг. в названиях параграфов употреблялся термин «Русское правительство», то теперь он был заменён термином «царское правительство», что, с одной стороны, должно было подчеркнуть ненациональный характер царской власти, а с другой должно было исключить ассоциацию эпитета «русский» с эксплуатацией и угнетением коренных народов.[465].

Вместе с тем, редактируя главу, Устюгов не стал отказываться от термина «патриархально-феодальные отношения», хотя его внедрение в историографию было связано с приспособлением историков к высказываниям Сталина, и отказ от него являлся одним из проявлений десталинизации в исторической науке. Убрав его из названия главы, Устюгов сохранил его в тексте параграфов, характеризовавших социальное устройство башкир, и по-прежнему утверждал, что патриархально-феодальные отношения господствовали в башкирском обществе, особенно в районах кочевого скотоводства[466]. Очевидно, такой

---

[463] Усманов А. Н. Присоединение Башкирии к Русскому государству // Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1956. Т.1. Ч.1. С. 56–66.

[464] Устюгов Н. В. Социально-экономические отношения в Башкирии во второй половине XVI и в XVII веке. Политика царизма. Феодальные движения // Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1956. Т.1. Ч. 1. С. 81.

[465] Устюгов Н. В. Социально-экономические отношения в Башкирии во второй половине XVI и в XVII веке. Политика царизма. Феодальные движения // Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1956. Т.1. Ч. 1. С.81, 98.

[466] Там же. С. 92, 95.

консерватизм Устюгова был обусловлен тем, что данный термин позволял примирить наличие в башкирском обществе многих черт родового строя (родовой характер башкирских волостей, наличие у них коллективной собственности на землю, сохранение обычаев угощения сородичей и т. д.) с признанием феодального характера башкирских общественных отношений. Кроме этого, господство патриархально-феодальных отношений помогало совместить в рамках марксистско-ленинской теории отстаивавшийся Устюговым тезис о реакционном и феодальном характере башкирских восстаний с массовым участием в них рядовых башкир.

Но, сохранив указание на патриархально-феодальные отношения у башкир, Устюгов убрал из текста третьей главы основные положения концепции «свободного вассалитета». Как и в «Очерках истории СССР» он сохранил лишь упоминания об отъездах «наиболее реакционной части башкирских феодалов» к сибирским царевичам и указания на то, что целью восстаний являлась замена русского подданства властью степных правителей[467]. При этом следует отметить, что, уступив башкирским авторам в вопросе о концепции «свободного вассалитета», Устюгов не стал следовать их замечаниям, продиктованным личными мотивами, и сохранил в тексте главы все ссылки на диссертацию Т. Б. Бельской[468].

Кроме того, текст третьей главы, посвящённый XVII в., в очередной раз был переструктурирован. Если в предшествующих вариантах данной главы основное внимание уделялось башкирским восстаниям, которым было посвящено два параграфа, то теперь акцент на восстаниях был снят и всем башкирским движениям этого столетия был посвящён лишь один параграф. Напротив, вопросы экономического и политического развития башкир получили более подробное освещение: если раньше материал о них давался в одном общем параграфе, то теперь были выделены отдельные параграфы о хозяйстве и

[467] Там же. С. 105–106.

[468]. Устюгов Н. В. Социально-экономические отношения в Башкирии во второй половине XVI и в XVII веке. Политика царизма. Феодальные движения // Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1956. Т.1. Ч. 1. С. 88, 92, 109.

социальных отношениях башкир и правительственной политике и взаимоотношениях башкир с соседями[469].

Четвёртая глава при подготовке нового варианта также подверглась отдельным исправлениям идеологического характера. Наиболее заметным из них стало усиление акцентов на отсталости башкирского хозяйства и прогрессивности русской колонизации для развития производительных сил края. Теперь в «Очерках» говорилось, что при господстве полукочевого хозяйства природные богатства Башкирии использовались недостаточно, и подчёркивалось, что главной целью Оренбургской экспедиции было развитие производительных сил Башкирии, являвшееся задачей общегосударственного значения. При этом проведение колониальной политики, акцентировавшееся в предыдущих редакциях при характеристике Оренбургской экспедиции, в новой редакции объявлялось второстепенным элементом её деятельности[470]. Вместе с тем в «Очерки» продолжали вноситься дополнения научного характера. Так в параграфе о восстании 1735–1740 гг., написанном Устюговым и Каменцевой, была проанализирована эволюция программы восставших. В итоговом варианте параграфа говорилось, что на первом этапе восстания в 1735–1736 гг. его участники не выдвинули никакой положительной программы, а старая программа отказа от русского подданства была выдвинута только на втором этапе восстания в 1737–1739 гг., когда его возглавили феодалы Сибирской дороги[471].

В ходе подготовки нового варианта «Очерков» изменения были внесены и в пятую главу. Так же, как и третья глава, она была переименована, и из её названия исчез дискуссионный вопрос о времени развития капиталистического уклада в России. В окончательной редакции «Очерков» она получила нейтральное название «Социально-экономические отношения и политическое положение Башкирии во второй половине XVIII в. Крестьянская война 1773–1775 гг.»[472]. При

---

[469] Там же. С. 106.
[470] Аполлова Н. Г. Хозяйство, социальные отношения и политика царизма в Башкирии в первой половине XVIII в. // Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1956. Т. 1. Ч.1. С. 144–145.
[471] Устюгов Н. В., Каменцева Е. И. Башкирское восстание 1735–1740 гг. // Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1956. Т.1.Ч.1. С. 171.
[472] Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1956. Т.1.Ч.1. С. 204.

этом содержательные изменения в ней, как и в других главах, были минимальны. Наиболее заметным из них стало включение в текст её первого параграфа, написанного Устюговым, материала о поданном в Уложенную комиссию 1767 г. проекте оренбургского губернатора А. А. Путятина о масштабном переселении в Башкирию русских крестьян и распространении в ней земледелия[473].

После выхода из печати «Очерков по истории Башкирской АССР» на них было написано две рецензии, которые были вместе опубликованы в журнале «Вопросы истории». Автором первой рецензии была ученица Устюгова – Н. Ф. Демидова, а второй – башкирский краевед Р. Б. Ахмеров. Оба рецензента дали положительную оценку «Очеркам» и выразили согласие с их важнейшими концептуальными положениями. В своей рецензии Демидова повторила основные выводы Устюгова и отметила длительность сохранения патриархально-феодальных отношений у башкир, реакционный характер башкирских восстаний XVII – первой половины XVIII вв. и прогрессивное влияние русской колонизации на развитие производительных сил края. При этом она критически оценила отнесение на страницах «Очерков», написанных Раилем Кузеевым, зарождения феодальных отношений в Башкирии к концу XII – началу XIII вв. По её мнению, этот процесс произошёл у башкир позднее, о чём свидетельствовала длительность сохранения у них пережитков родового общества[474]. Таким образом, она разделяла точку зрения Устюгова, выступавшего против преувеличения зрелости башкирского феодализма и подчёркивавшего наличие патриархальных пережитков в башкирском обществе. Большая часть её остальных замечаний носила частный характер и была связана с неиспользованием авторами «Очерков» ряда ценных архивных материалов. Рецензия Ахмерова представляла собой краткий пересказ содержания «Очерков», и его замечания были посвящены в основном древнейшему прошлому Башкирии[475].

---

[473] Устюгов Н. В. Башкирия в третьей четверти XVIII в. // Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1956. Т. 1. Ч. 1. С. 211–212.
[474] Демидова Н. Ф., Ахмеров Р. Б. Рец. на: Очерки по истории Башкирской АССР // Вопросы истории. 1957. № 6. С. 172.
[475] Там же. С. 174–178.

Подводя итоги, следует отметить, что участие в написании обобщающих трудов по истории СССР являлась одним из основных направлений деятельности Устюгова. Вместе с тем подготовка и публикация данных трудов в сталинские годы встречала серьёзные затруднения из-за постоянной смены идеологических оценок прошлого. Из множества обобщающих трудов по отечественной и всемирной истории, готовившихся Институтом истории с конца 1930-х гг., до 1953 г. были выпущены из печати только первый том «Истории Москвы» и первый том «Истории Молдавии». В связи с этим нам представляется верным вывод В. В. Тихонова о том, что советским историкам в сталинский период приходилось работать в ситуации, когда «правила игры» менялись очень быстро, что делало каждого историка потенциальной жертвой идеологических кампаний и тормозило развитие исторической науки[476]. Произошедшее с началом «оттепели» относительное смягчение идеологического контроля позволило выпустить в середине 1950-х гг. почти одновременно целый ряд обобщающих трудов, подготовка которых велась в предшествующие десятилетия. Однако продолжавшиеся изменения советской идеологии привели к тому, что уже в 1960-е гг. многие их оценки были пересмотрены.

2-7. Изучение истории кочевых народов в конце 1950-х–начале 1960-х гг.

Завершение работы над первой частью первого тома «Очерков по истории Башкирской АССР» стало итогом многолетних исследований Устюговым данной тематики. Незадолго до окончания работы над ней, в 1954 г. им была подготовлена статья «К вопросу о характере башкирских восстаний XVII–первой половины XVIII веков», содержавшая краткое изложение его взглядов на историю Башкирии[477]. Однако в тот момент её опубликовать не удалось, и она была впервые обнародована спустя три года в виде доклада «О характере башкирских восстаний XVII–первой половины XVIII веков». Данный доклад был сделан

[476] Тихонов В. В. Из истории идеологических кампаний в советской исторической науке: сборник «Петр Великий» и судьба его авторов // История и историки. 2009–2010. М., 2012. С. 118–133.
[477] АРАН. Ф. 1535. Оп. 4. Ед. хр. 228. Л. 48.

Устюговым на научной сессии, посвящённой 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству, которая проходила в Уфе 12–13 июня 1957 г. В нём он излагал основные положения своего подхода к истории башкирских восстаний, в том виде, в котором они отразилась в «Очерках истории СССР» и последней редакции «Очерков по истории Башкирии». Устюгов утверждал, что все башкирские восстания в указанный период являлись феодальными движениями, их программой являлся отказ от русского подданства, а участие народных масс в них объяснялось патриархальными пережитками и прямым принуждением со стороны феодалов. Давая оценку башкирским восстаниям XVII–первой половины XVIII веков, он называл их реакционными движениями. Обосновывая эту оценку, Устюгов утверждал, что башкирская знать боролась за сохранение отсталых форм хозяйства, и писал, что отрыв башкир от Русского государства и подчинение их степным правителям являлся для них шагом назад в экономическом, политическом и культурном отношениях[478].

Следует отметить, что после XX съезда КПСС оценка национальных движений как реакционных уже не являлась обязательной, и её использование Устюговым показывает, что она соответствовала его личным взглядам на характер башкирских восстаний. Доклад Устюгова вызвал горячую полемику, характерной чертой которой являлось использование в качестве аргументов, не данных источников, а общих идеологических соображений. В ходе неё противоположные позиции заняли русские историки и историки, представлявшие коренные народы. Р. Б. Ахмеров и сотрудник ИИЯЛ, историк Б. Х. Юлдашбаев отказались признавать реакционный характер восстаний первой половины XVIII в. Ахмеров аргументировал свою точку зрения утверждением о том, что в восстаниях участвовали феодалы всех четырёх дорог, что, по его мнению, означало за ними стояла вся масса башкирского народа. Следует отметить, что в своей рецензии на первую часть «Очерков» он не выражал прямо своего несогласия с позицией авторов по этому вопросу. Наоборот, пересказывая их

[478] Научная сессия, посвящённая 400-летию добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству // Вопросы истории. 1957. № 6. С. 187.

точку зрения, он подчёркивал, что участие в восстаниях приняла лишь часть башкирских феодалов[479]. Ахмеров заявлял, что причиной для массовых восстаний башкир являлся колониальный гнёт царизма, а целью восстаний являлось освобождение от этого гнёта[480]. Юлдашбаев аргументов в пользу своей точки зрения не приводил, но утверждал, что необходимо более тщательно исследовать источники, чтобы объяснить, почему трудящиеся массы шли за феодалами. З. И. Сираев также заявил, что нужно более серьёзное изучение источников по данной проблеме, которое позволит либо подтвердить точку зрения Устюгова, либо аргументированно её опровергнуть. Против признания реакционности башкирских восстаний также выступили геолог и публицист Д. Н. Буракаев, заявивший, что они являлись прогрессивными движениями, направленными против гнёта царизма, и татарский историк Х. Г. Гимади, отметивший, что в башкирских восстаниях участвовали и представители соседних народов, в частности, татары. По мнению Гимади, участие в восстаниях представителей других народов не позволяло однозначно характеризовать их как реакционные движения феодальной знати[481].

Напротив, московские историки, участвовавшие в сессии, поддержали Устюгова. Его ученица Н. Ф. Демидова указала, что участие в восстаниях народных масс может объясняться тем, что башкирские феодалы имели в своём подчинении дружины, состоявшие из башкир-общинников. Используя их, они могли привлекать к восстанию рядовых башкир. Известный археолог Б. А. Рыбаков заявил, что нельзя давать движениям оценку прогрессивных только потому, что они были направлены против царизма. При этом исследователей не должна смущать демагогические заявление, встречающиеся в челобитных башкирских феодалов, в которых они изображали себя защитниками трудящихся

[479] Демидова Н. Ф., Ахмеров Р. Б. Указ. соч. С. 178.
[480] Научная сессия, посвящённая 400-летию добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству // Вопроы истории. 1957. № 6. С. 190.
[481] Там же. С. 190.

масс. Рыбаков заявлял, что этой демагогией они прикрывали собственные классовые интересы[482].

Начиная свой ответ на замечания оппонентов, Устюгов рассказал, что первое его выступление, в котором давалась реакционная оценка восстаний, состоялось на совещании башкирской комиссии в 1946 г. Однако тогда его никто не поддержал, и он стал искать прогрессивные моменты в башкирских феодальных движениях, что нашло отражение в статье о восстании 1662–1664 гг. и монографии о восстании 1737–1739 гг., содержавших двойственную оценку восстаний. Но после более глубокого анализа источников он пришёл к убеждению, что все башкирские восстания XVII–первой половины XVIII вв. были реакционны. Очевидно, таким образом, Устюгов стремился отвести от себя обвинения в непоследовательности и подстраивании под партийную линию. Вслед за этим он ответил на замечания конкретных оппонентов. Наиболее подробная критика доклада Устюгова содержалась в выступлении Ахмерова, и именно ему Устюгов посвятил наиболее развёрнутый ответ. Он указал, что злоупотребления при сборе ясака, земельные захваты и другие негативные проявления политики царизма создавали благоприятную почву для выступлений башкирского народа, но не являлись непосредственными причинами восстаний. Приводя примеры для подтверждения своей позиции, Устюгов говорил, что известный указ 1736 г., разрешавший массовое изъятие башкирских земель, стал проводиться в жизнь уже после восстания 1735–1740 гг. и не мог вызвать данного выступления. При этом он указывал, что колониальная политика царизма в XVII в. была значительно мягче, чем в последующем столетии, и вновь приводил свой основной тезис, что никакого освобождения башкирские восстания не несли, и их победа означала подчинение башкир степным кочевникам[483].

В расширенном виде данный доклад Устюгова был опубликован в сборнике материалов вышеназванной сессии, который вышел в Уфе в 1958 г. под редакцией

---

[482] Научная сессия, посвящённая 400-летию добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству // Вопросы истории. 1957. № 6. С. 190.

[483] Научная сессия, посвящённая 400-летию добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству // Вопросы истории. 1957. № 6. С. 191.

Устюгова и Раиля Кузеева. Во введении к нему Устюгов делал краткий обзор оценок башкирских восстаний в советской историографии, в котором признавал ошибочность своих характеристик этих движений в работах 1947 и 1950 гг[484]. Вслед за этим он давал обширную характеристику социально-экономического развитии Башкирии в XVII–XVIII вв., содержание которого почти дословно совпадало с содержанием аналогичных разделов в итоговой редакции «Очерков по истории Башкирской АССР», написанных им и Аполловой.[485]. Охарактеризовав социально-экономическое развитие Башкирии, Устюгов переходил к краткому рассмотрению башкирских восстаний указанного периода, повторявшему основные положения его доклада на сессии.

Благодаря идеологической обстановке начала 1950-х гг. взгляды Устюгова на характер башкирских восстаний и русской колонизации Башкирии смогли утвердиться в исторической науке, несмотря на то, что они вызывали неприятие у многих башкирских историков. Однако постепенный отход партийного курса от характерного для послевоенной идеологии прославления Русского государства и осуждения национальных движений привёл к тому, что уже в конце 1950-х гг. в трудах башкирских авторов вновь стали наблюдаться расхождения со взглядами Устюгова. В 1959 г. из печати вышла вторая часть первого тома «Очерков по истории Башкирской АССР», подготовленная коллективом башкирских авторов под редакцией Васильева. Её выводы и оценки вызвали целый ряд серьёзных замечаний со стороны Устюгова, которые, однако, остались неопубликованными.

Активная критика взглядов Устюгова в башкирской историографии началась в 1960-х гг. На состоявшейся в 1961 г. в Уфе научной сессии башкирские восстания были названы борьбой трудящихся масс против колониального и социального гнёта и были охарактеризованы как положительное событие в истории края[486]. В 1963 г. З. И. Сираев и С. Н. Нигматуллин подвергли резкой критике взгляды Устюгова и заявили, что его работам свойственны

---

[484] Устюгов Н. В. О характере башкирских восстаний XVII – первой половины XVIII вв. // Материалы научной сессии, посвящённой 400-летию присоединения Башкирии к русскому государству. Уфа, 1958. С. 88.
[485] Там же. С. 92, 110–111.
[486] Акманов И. Г., Гвоздикова И. М. Изучение истории башкир второй половины XVI–XVIII вв. // История башкирского народа. Уфа, 2011. Том III. С.12.

методологические ошибки, связанные с недооценкой роли народных масс в истории[487]. Следует отметить, что не все башкирские историки выступили с критикой взглядов Устюгова. Раиль Кузеев в 1960 г. направил ему письмо, в котором сообщал, что он выступил против планов Сираева по переоценке башкирских восстаний, и писал: «Я… попросил поставить этот вопрос на обсуждение Учёного совета, причём настаивал не на обсуждении «характера башкирских восстаний» (сейчас нет каких-либо оснований возвращаться к этому), а на обсуждении вопроса: можно ли, руководствуясь лишь чувством противоречия, застарелой интуицией, отбрасывать с плеча утвердившуюся точку зрения»[488]. Кроме некоторых башкирских авторов позицию Устюгова по основным вопросам башкирской истории отстаивали его ученики, московские историки. В частности, И. А. Булыгин подчеркнул реакционных характер башкирских восстаний в одноимённой статье, написанной им в 1962 г. для тома Советской исторической энциклопедии. Однако постепенно в советской историографии закрепилась точка зрения башкирских исследователей, утверждавших прогрессивный характер башкирских восстаний[489]. Дополнительным фактором смены оценок стал постепенный перенос исследований по истории коренных народов в научные центры союзных и автономных республик, вызванный формированием к этому времени относительно многочисленных кадров национальных исследователей.

Статья о характере башкирских восстаний XVII–первой половины XVIII веков стала последней работой Устюгова по истории Башкирии. Но завершив исследования по истории башкир, Устюгов не прекратил изучение истории кочевых народов. Ослабление идеологического контроля в период «оттепели» привело к возобновлению в 1954 г. дискуссии о формационной природе кочевых обществ, прерванной в середине 1930-х гг., в связи с официальным утверждением

---

[487] Нигматуллин С. Н. О характере башкирского восстания 1735–1740 гг. // Из истории Башкирии. Ч. 2. Уфа, 1963. С. 44–58. Сираев З.И. О характере башкирских восстаний XVII - первой половины XVIII вв. // Из истории Башкирии. Ч. 2. Уфа, 1963. С. 5–23.

[488] АРАН. Ф. 1535. Оп. 3. Ед. хр. 91. Лл. 62–63 об.

[489] Булыгин И. А. Башкирские восстания 2-й пол. 17 в. – 1-й пол. 18 в. // Советская историческая энциклопедия. М., 1962. Т. Баал – Вашингтон. Стб. 188–190.

концепции «кочевого феодализма». В ходе неё подвергались обсуждению вопросы о степени зрелости феодальных отношений в кочевом обществе и о том, что являлось основным средством производства в кочевом хозяйстве: земля или скот. Устюгов изложил свою точку зрения на эти вопросы в рецензии на труды казахского правоведа С. З. Зиманова «Общественный строй казахов первой половины XIX в.» и «Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX в.», которая была опубликована в «Вопросах истории» в 1962 г. Взгляды Зиманова на формационную природу казахского социума совпадали с устюговской характеристикой башкирского общества, изложенной в «Очерках по истории Башкирской АССР». Зиманов также полагал, что в кочевых обществах сохранялись патриархально-феодальные отношения, экономической основой которых являлось право феодалов распоряжаться участками для кочевий рядовых членов общины. Поэтому данные выводы Зиманова встретили полную поддержку со стороны Устюгова[490].

Однако ряд других выводов Зиманова вызвал критику со стороны Устюгова, при этом основное внимание им было уделено зимановской характеристике правительственной политики в Казахстане. Зиманов утверждал, что политика царизма в Казахстане была в своей основе реакционна, т. к. её конечной целью являлось экономическое и политическое закабаление казахов. Вместе с тем он отмечал, что данная политика объективно способствовала распространению среди казахов таких прогрессивных явлений, как оседлое хозяйство и земледелие. Не оспаривая данных оценок Зиманова, Устюгов утверждал, что работы казахского автора не дают цельного представления о характере колониальной политики в Казахстане в XVIII–XIX вв.

Устюгов писал, что правительственная политика в Казахстане в XVIII в. определялась двумя задачами: организацией менового торга с казахами и обеспечение безопасного следования через степь караванов, направлявшихся в среднеазиатские государства. Следует отметить, что в таком определении задач,

[490] Устюгов Н. В. Спорные вопросы истории Казахстана конца XVIII – первой половины XIX века // Вопросы истории. 1962. № 11. С. 144–145.

стоявших перед политикой царизма в Казахстане, проявилось представление Устюгова о надклассовой роли государства, унаследованное им от дореволюционной историографии. Этими задачами, по словам Устюгова, определялось и отношение правительственных администраторов к ханской власти. Он приводил большое количество фактов из истории Среднего и Младшего жузов, а также Букеевской орды, опровергавших тезис Зиманова о слабости ханов – ставленников царизма и силе ханов, выдвинутых знатью без влияния царских властей. Он писал, что обеспечение вышеназванных задач требовало наличия в казахских ханствах сильной власти, которая смогла бы побудить казахских феодалов пригонять скот на меновые дворы и обеспечить безопасность караванов в степи. Вместе с тем Устюгов отмечал, что чрезмерное усиление ханов также было невыгодно царской власти, и писал, что в XVIII в. правительственные администраторы придерживались «теории баланса» и поддерживали одновременно двух сильных казахских ханов, соперничавших друг с другом[491].

Лишь невозможность поддержания в конце XVIII в. баланса в казахской степи заставила царское правительство изменить свою политику и взять курс на ликвидацию ханской власти у казахов и превращение Казахстана во внутреннюю провинцию России, подчинённую управлению царских чиновников. В сфере экономики новая политика была направлена на распространение земледелия и переход казахов к оседлости, а в социальной сфере на ликвидацию привилегий местной знати и постепенное приравнивание местного населения к государственным крестьянам[492]. Одним из проявлений политики превращения Казахстана во внутреннюю провинцию России стала проводившаяся в Младшем жузе административная реформа, итогом которой стало «Положение об управлении оренбургскими киргизами», изданное в 1844 г. Данная реформа получила резко негативную оценку в работе Зиманова, утверждавшего, что

[491] Устюгов Н. В. Спорные вопросы истории Казахстана конца XVIII – первой половины XIX века // Вопросы истории. 1962. № 11. С. 145.
[492] Устюгов Н. В. Спорные вопросы истории Казахстана конца XVIII – первой половины XIX века // Вопросы истории. 1962. № 11. С. 147–148.

суровость её мероприятий была связана с преобладанием среди оренбургских администраторов сторонников жёсткой политики по отношению к местному населению. Не возражая против негативной оценки Зиманова, Устюгов не принимал его объяснения неудовлетворительного проведения данной реформы. Он писал, что негативные стороны данной реформы были связаны с тем, что она строилась на принципах «попечительного абсолютизма», сущностью которого, по словам Устюгова, являлась мелочная административная опека над населением. Он писал, что принципы «попечительного абсолютизма» нашли наиболее яркое выражение в реформе графа П. Д. Киселёва, и указывал, что изданное в ходе неё «Учреждение о управлении государственными имуществами в губерниях» легло в основу положений об управлении нерусскими народностями[493]. Подводя итоги, Устюгов давал общую периодизацию политики царизма в отношении нерусских народностей и утверждал, что эта политика проходила в своём развитии три этапа: опоры на местную социальную верхушку, постепенного ограничения её привилегий и ликвидации последних[494].

Система бюрократического управления кочевыми народами, введённая в первой половине XIX в., была подробно рассмотрена Устюговым в работах по истории Калмыкии. После восстановления в 1957 г. Калмыцкой АО и преобразования её в 1958 г. в Калмыцкую АССР ЦК КПСС поручил Институту истории срочно подготовить обобщающие «Очерки истории Калмыцкой АССР». При этом Устюгов был назначен главным редактором первого тома данного издания, посвящённого истории Калмыкии до 1917 г[495]. Он привлёк к написанию обобщающего труда по истории Калмыкии целый ряд крупных историков и монголоведов. Активное участие в подготовке нескольких глав «Очерков» приняла ученица Устюгова П. С. Преображенская, написавшая под его руководством диссертацию по теме «Калмыки в первой половине XVII в. Принятие калмыками (торгоутами и дербетами) русского подданства» и успешно защитившая её в 1963 г. Сам Устюгов выступил соавтором нескольких глав в

[493] Там же. С. 147–148.
[494] Там же. С. 149.
[495] Кушева Е. Н. Воспоминания // Отечественная история. 1993. № 4. С. 147.

данной работе. Вместе с калмыцкими историками М. Л. Кичиковым и Т. И. Беликовым он подготовил четвёртую главу первого тома «Очерков», посвящённую внутреннему положению Калмыцкого ханства и его вассальной зависимости от России во второй половине XVII – начале XVIII вв. В соавторстве с М. Я. Поповым он написал пятую главу «Очерков», посвящённую истории калмыков в середине и второй половине XVIII в., и ликвидации Калмыцого ханства после откочёвки большинства калмыков в империю Цин.

Наибольший вклад Устюгов внёс в написание шестой главы «Очерков», охватывавшей историю Калмыкии в первой половине XIX в. В данной главе им было написано два параграфа, первый из которых был посвящён экономике и социальному строю калмыков, а второй правительственной политике в Калмыкии в рассматриваемый период. В параграфе о социальном строе калмыков Устюгов, характеризовал калмыцкое общество как феодальное, подчёркивая при этом наличие в нём патриархальных пережитков. В параграфе о правительственной политике, он давал подробную характеристику административной системе «попечительства», введённой в 1825–1847 гг. и передававшей управление Калмыкией главному попечителю калмыцкого народа и подчинённым ему русским чиновникам. При этом он уделял значительное внимание проводившимся в ходе введения данной системы мероприятиям по ограничению власти калмыцкой элиты над податным населением, переходу калмыков к оседлости, распространению среди них образования и организации медицинской помощи. Вместе с тем в итоговых выводах Устюгов утверждал, что система «попечительства» стесняла инициативу калмыцкого народа и почти не способствовала улучшению его хозяйства и быта[496].

Завершить до своей смерти работу над «Очерками истории Калмыцкой АССР» Устюгов не успел. Его коллега по Институту истории Е. Н. Кушева по просьбе вдовы учёного – А. Н. Устюгововой и Л. В. Черепнина завершила работу по редактированию первого тома «Очерков». Она согласилась выполнить эту

[496] Устюгов Н. В., Кичиков М. Л. Изменения в хозяйственном и социальном строе калмыков в конце XVIII–первой половине XIX в. Политика царизма в Калмыкии // Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967. С. 241–248.

просьбу при условии приглашения вторым редактором известного монголоведа, специалиста по Джунгарскому ханству И. Я. Златкина. Златкин осуществлял редактирование разделов, охватывавших период до конца XVIII столетия, а Кушева редактировала главы, посвящённые XIX в. Большую помощь Кушевой в работе над томом оказал В. И. Шунков, организовавшей привлечение ведущих специалистов к обсуждению дискуссионных вопросов истории Калмыкии[497]. Работа над обобщающим трудом по калмыцкой истории завершилась сравнительно быстро, и первый том «Очерков истории Калмыцкой АССР» вышел из печати в 1967 г.

Рассмотрение послевоенных работ Устюгова, посвящённых истории народов СССР подтверждает вывод С. С. Алымова о том, что следование официальной идеологии сочеталось у советских учёных с наличием глубоко фундированных и по-своему последовательных научных убеждений[498]. Так во взглядах Устюгова на башкирскую историю можно выделить инвариантную часть, связанную с тезисами о наличии значительных пережитков родового строя в башкирских общественных отношениях и лидирующей роли представителей башкирской знати (т. н. феодалов) в башкирских восстаниях. Оба эти тезиса были подкреплены сведениями многочисленных русских источников XVII – XVIII вв. Кроме них к инвариантной части его взглядов принадлежали положительная оценка русской колонизации Башкирии, способствовавшей развитию производительных сил края, и акцентирование негативных сторон башкирских восстаний, выливавшихся в разорение русских поселений. При этом следует отметить, что указание на патриархальные пережитки в общественном строе кочевых народов и акцентирование правительственных мероприятий по модернизации кочевых обществ было характерно не только для трудов Устюгова по истории Башкирии, но и для его работ по истории Казахстана и Калмыкии.

---

[497] Кушева Е. Н. Воспоминания // Отечественная история. 1993. № 4. С. 147.

[498] Алымов С. С. Космополитизм, марризм и прочие «грехи»: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940-х – 1950-х гг. // Новое литературное обозрение. 2009. № 97. С. 7-36.

Глава 3. Изучение Н. В. Устюговым истории России раннего Нового времени и вспомогательных исторических дисциплин.

3-1. Возникновение научной школы Н. В. Устюгова и его работа в области вспомогательных исторических дисциплин.

После возвращения из армии в 1945 г., Устюгов вновь приступил к работе в Историко-архивном институте, продолжив преподавание курса вспомогательных исторических дисциплин. Тогда же он начал сочетать преподавание данных дисциплин с проведением исследований по этой тематике. Ещё в годы войны он писал Каменцевой, что его любимой вспомогательной дисциплиной является метрология[499]. В 1946 г. в качестве приложения к 19-му тому «Исторических записок» был опубликован его обобщающий труд по русским мерам XI–XVII вв., озаглавленный «Очерк древнерусской метрологии». Очерк открывался введением, в котором Устюгов кратко характеризовал источники и литературу по данной тематике. Он писал, что источники по метрологии можно разделить на две группы: общие и специальные. Специальные источники посвящены описанию различных мер и их соотношения друг с другом. Общие источники, будучи посвящены другим вопросам, приводят метрологические сведения в качестве косвенной информации. Среди общих источников Устюгов выделял таможенные книги, где сведения о количестве товаров позволяли проследить местное разнообразие и повседневное применение мер. Среди специальных источников, он выделял так называемые «торговые книги», которые служили руководствами по обучению торговому делу и содержали подробное описание использовавшихся мер и их соотношения[500].

Вслед за введением шли разделы, выделенные по хронологическому признаку и посвящённые развитию системы мер в различные периоды русской истории: метрология Киевского государства, метрология периода феодальной раздробленности, метрология централизованного Русского государства. Внутри

[499] Каменцева Е. И. Письма историка с фронта // Советская историография отечественной истории. М., 1988. С. 91.
[500] Устюгов Н. В. Очерк древнерусской метрологии // Исторические записки. М.,1946. Т. 19. С. 295–296.

каждого раздела давалось последовательное описание мер в следующем порядке: меры длины и поверхности, меры сыпучих и жидких тел, меры веса.

Самым крупным разделом в работе Устюгова являлся раздел о мерах Русского централизованного государства, занимавший по своему объёму свыше половины от всего текста очерка. Содержавшийся в этом разделе параграф о мерах сыпучих тел, представлял собой наиболее оригинальную часть очерка Устюгова, написанную преимущественно по архивным источникам. Устюгов писал, что в XVII столетии кадь, являвшаяся до этого самой крупной мерой сыпучих тел, ушла в прошлое и самой крупной мерой стала четверть, делившаяся на две осьмины. На основании приказной документации, он подтверждал вывод А. И. Никитинского о том, что четверть, введённая в 1624 г., была по своему объёму в 1,2 раза больше древней четверти и вмещала 6 пудов ржаной муки. Вследствие такого большого объёма четверть была только счётной единицей и на практике не использовалась. В повседневной жизни в качестве меры использовались полосьмины и четверики, составлявшие, соответственно, 1/4 и 1/8 четверти. При этом объём в 6 пудов ржи имела только так называемая торговая или приимочная четверть, которой измерялся объём хлеба, поступавшего в казну в виде различных натуральных сборов. Кроме неё существовала ещё раздаточная четверть, которой выплачивалось натуральное жалование служилым людям. Обычно раздаточная четверть равнялась половине приимочной, однако это соотношение соблюдалось не строго. Так в Кольском остроге в 1657 г. раздаточная четверть равнялась 0,75 приимочной, а в Новгороде в 1659 г. объём раздаточной четверти составлял только 0, 37 приимочной[501].

Устюгов отмечал, что, несмотря на определённую объединительную метрологическую политику московского правительства, в течение всего XVII в. на местах продолжали существовать местные меры сыпучих тел. Вслед за этим он выделял две разновидности локальных мер: меры, иные по названию и содержанию; и меры, совпадавшие с общегосударственными по названию, но

[501] Устюгов Н. В. Очерк древнерусской метрологии // Исторические записки. М.,1946. Т. 19.С. 329–330.

различавшиеся по объёму[502]. В качестве локальных мерах, отличных от общегосударственных и по названию и по содержанию, Устюгов приводил вятскую хлебную меру – куницу; равную примерно трём московским четвертям; пермскую хлебную и соляную меру – сапцу, равную московской осьмине; двинскую хлебную и соляную меру – пуз, равную московской полуосьмине и старорусскую соляную меру – луб, равную пяти пудам соли[503]. В качестве локальных мер, совпадавших с общегосударственными по названию, но отличавшихся от них по объёму, Устюгов приводил псковскую четверть, которая была вчетверо больше казённой раздаточной четверти и вдвое больше приимочной; романовскую четверть, вчетверо превосходившую московскую; тотемскую четверть, равную в отличие от общегосударственной не восьми, а четырём четверикам; и трубчевский четверик, равный московской осьмине.[504].

В конце своего очерка Устюгов рассматривал меры веса и орудия взвешивания, существовавшие в XVI–XVII вв. Подводя итоги рассмотрению древнерусской метрологии, он писал, что политика московских государей, направленная на создание единых общегосударственных мер была связана с ростом и укреплением централизованного государства и расширением всероссийского рынка. Однако достичь полного единообразия в области мер в тот период не удалось, и оно было достигнуто только в середине XVIII в. после отмены внутренних таможен[505].

В 1947 г. Устюгов покинул кафедру вспомогательных исторических дисциплин и перешёл на кафедру истории СССР, на которой преподавал общеисторические курсы[506]. Поступившая в Историко-архивный институт в 1945 г. Т. В. Батаева позднее вспоминала, что в первые послевоенные годы он вёл семинары по истории России до XIX в[507]. По мнению Устюгова, основной целью семинарских занятий являлось обучение студентов навыкам исследовательской

[502] Устюгов Н. В. Очерк древнерусской метрологии // Исторические записки. М.,1946. Т. 19. С. 331.
[503] Там же. С. 335–336, 339.
[504] Там же. С. 337–338.
[505] Там же. С. 348.
[506] Зимин А. А. Храм науки // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века. М., 2015. С. 258.
[507] Батаева Т. В. "Наш набор 1945 г. был первым послевоенным…" // Отечественные архивы. 2005. № 1. С. 97.

работы с источниками. Он полагал, что при определении тематики семинарских занятий следует избегать обширных списков литературы, так как обилие литературы мешает самостоятельной работе студентов. Готовя семинары, Устюгов старался концентировать внимание студентов на одном или нескольких источниках. При этом им привлекались источники широкого профиля (в частности Соборное уложение 1649 г.), и каждому студенту давался их небольшой раздел, по которому он должен был написать доклад. Устюгов очень внимательно подходил к подготовке студентами семинарских докладов, помогая им консультациями и обстоятельными замечаниями на готовые работы[508].

На старших курсах он вёл спецсеминары, для которых им выбирались темы, дававшие возможность всему семинару решить определённую научную проблему. В частности, он вёл спецсеминар о положении экономических крестьян в 70-х гг. XVIII в. При проведении данного семинара каждый студент писал доклад о положении экономических крестьян в определённом районе: Центральном Черноземье, Казанском крае, и др. Большинство докладов на спецсеминарах писалось по архивным источникам, при этом Устюгов нередко приходил в архивы и помогал студентам решать сложные вопросы, возникавшие при работе с документами XVII–XVIII вв[509]. Следует отметить, что Устюгов уделял особое внимание семинарским занятиям, так как, по его мнению, они наилучшим образом отвечали цели высшего образования – подготовке студентов к самостоятельной работе[510].

Кроме спецсеминаров Устюгов вёл спецкурсы, тематика которых была связана с его научной работой. Занимаясь во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. подготовкой «Истории Москвы» и «Очерков истории СССР», он начал читать студентам МГИАИ спецкурсы по проблемам, рассматривавшимся им в данных трудах. Одной из таких проблем являлось формирование всероссийского рынка. Весной 1949 г. Устюгов впервые прочитал студентам третьего курса

---

[508] Михайлова Н. Г. Н. В. Устюгов как педагог // Устюгов Н. В. Научное наследие. М.,1974. С. 13.
[509] Там же. С. 14.
[510] Каменцева Е. И. Письма историка с фронта // Советская историография отечественной истории. М., 1988. С. 96–97.

спецкурс «Экономическая и социальная история Московского государства в XVII в.», позднее получивший название «Экономическое развитие Русского государства в XVII в. и проблема складывания всероссийского рынка»[511]. Наряду с развитием торговли, в этом спецкурсе рассматривалось развитие сельского хозяйства, промышленности и финансов в указанное столетие. Одним из первых слушателей данного спецкурса был будущий доктор исторических наук А. А. Преображенский, который, вспоминая лекции Устюгова, писал: «Особая манера преподнесения материала – простая, лаконичная, предельно ясная, без расчёта на внешний эффект – привлекала слушателей и увлекала их. Он говорил, негромко, неторопливо, почти без жестов, чуть откинув назад голову <…> Я бы сказал, что его речь была внутренне эмоциональна. <…> Теоретически глубоко осмысленный материал Николай Владимирович излагал, можно сказать в лицах. Десятки имён крестьян, посадских, торговых людей, представителей господствующего класса феодалов он называл, не заглядывая в конспекты, по памяти. Это были, как он любил говорить, его «личные знакомые»»[512].

Работая над обобщающими трудами, Устюгов также активно занимался изучением развития русской культуры. Весной 1950 г., Устюгов начал читать четверокурсникам, прослушавшим за год до этого курс об экономическом развитии России в XVII в., спецкурс о русской культуре данного столетия. Первоначально данный курс делился на два раздела: материальная и духовная культура. Раздел о материальной культуре содержал подробный очерк техники земледелия, металлургии, добывающей промышленности, строительного дела и других технологий России того времени. В 1953–1954 гг. данный спецкурс был значительно перестроен, при этом основной упор в нём был сделан на явления духовной культуры, а краткий обзор материальной культуры был включён в раздел о научной и технической мысли[513].

---

[511] Демидова Н. Ф. Предисловие // Устюгов Н. В. Научное наследие. М.,1974. С. 7.
[512] Преображенский А. А. Из воспоминаний об учителе // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 53.
[513] Демидова Н. Ф. Предисловие // Устюгов Н. В. Научное наследие. М.,1974. С. 8.

Развитию научной и преподавательской работы в Историко-архивном институте способствовала его передача в 1947 г. из ведения МВД в ведение Министерства высшего образования СССР и присвоение ему государственного статуса. Отныне он стал официально именоваться Московским государственным историко-архивным институтом (далее МГИАИ). Вместе с тем в это время серьёзным препятствием для нормальной работы МГИАИ стали проработочные кампании, направление на укрепление идеологического единомыслия, пошатнувшегося в годы Великой Отечественной войны. Продолжением начатого в конце войны идеологического наступления стали послевоенные кампании по борьбе с буржуазным объективизмом и «низкопоклонством перед Западом», переросшие в кампанию по борьбе с космополитизмом. В результате кампании по борьбе с космополитизмом в 1949 г. Историко-Архивный институт покинули Л. В. Черепнин и А. И. Андреев, заведовавший кафедрой вспомогательных исторических дисциплин[514]. Новым заведующим кафедрой стал В. И. Самойлов. Однако его руководство кафедрой продолжалось недолго, и уже через три года, в 1952 г., он ушёл с поста заведующего. Незадолго до ухода Самойлова его занятия посетил Устюгов и нашёл их неудовлетворительными[515].

Следует отметить, что кампания по борьбе с космополитизмом затронула не только вузы, но и научно-исследовательские учреждения, в частности Институт истории. 8 сентября 1948 г. в “Литературной газете» была опубликована статья А. Кротова «Примиренчество и самоуспокоенность», содержавшая разгромную критику работы Института истории в духе борьбы с объективизмом и космополитизмом. Своими обвинениями автор затрагивал А. И. Андреева, И. У. Будовница, С. Б. Веселовского и М. Н. Тихомирова – сотрудников сектора истории СССР до XIX в., где работал Устюгов. Уже на следующий день, 9 сентября, состоялось заседание данного сектора, на котором единственным пунктом повестки дня являлось обсуждение статьи Кротова. Выступая на нём, Устюгов заявил, что в статье Кротова, наряду с «бесспорными элементами

[514] Простоволосова Л. Н., Станиславский А. Л. Указ. соч. С. 20–33. Назаров В. Д. Лев Владимирович Черепнин // Портреты историков: время и судьбы. М.; Иерусалим, 2000. Т. 1. Отечественная история. С. 294.
[515] Простоволосова Л. Н., Станиславский А. Л. Указ. соч. С. 37.

правды», есть передержки[516]. При этом он отказался, вместе с остальными сотрудниками, от критики конкретных лиц и заявил, что вина за идеологические промахи лежит на всём коллективе сектора. Поскольку выдвинутые обвинения были направлены против всего Института истории, сотрудники сектора провели заседание в духе самокритики, и не приняли конкретных обвинительных решений.

Вскоре после этого руководство сектора было вынуждено провести заседания, посвящённые проработке конкретных историков, ставших жертвами кампании по борьбе с буржуазным объективизмом и космополитизмом. 14 октября 1948 г. состоялось заседание сектора, посвящённое критике М. Н. Тихомирова и С. С. Дмитриева, авторов учебника по истории СССР для неисторических ВУЗов, обвинённых в буржуазном объективизме. Большинство коллег Тихомирова, выступавших на этом заседании, называло главным недостатком учебника невнимание авторов к социально-экономическим вопросам. В том же ключе было построено и выступление Устюгова, сделавшего акцент на данной в учебнике периодизации отечественной истории. Первый раздел учебника был озаглавлен «Первобытнообщинный строй и рабовладельческий строй», второй – «Развитие феодальных отношений и период феодальной раздробленности», третий – «Создание русского централизованного государства и установление самодержавия», четвёртый – «Образование Российской империи и зарождение капиталистических отношений в России», пятый – «Разложение крепостничества и рост капиталистических отношений в России». Выступая на заседании, Устюгов отметил, что данная в учебнике периодизация не имеет единого критерия и сочетает деление по общественно-экономическим формациям с делением по этапам государственного развития[517]. Он критически оценил третий и четвёртый разделы учебника, выделенные без строгого соблюдения формационного принципа, и отметил, что в их содержании политические события заслоняют социально-экономические процессы. Будучи

[516] Сидорова Л. А. Советская историческая наука середины XX в… С. 37.
[517] Там же. С. 49.

вынужден следовать идеологическим обвинениям в адрес авторов учебника, Устюгов называл их главным упущением несоблюдение основного требования марксистко-ленинской методологии и рассмотрение надстроечных явлений раньше базиса. Вместе с тем, не оспаривая заключений партийных критиков о методологических просчётах издания, он пытался оправдать Тихомирова и говорил: «Я не думаю, что автор сознательно хотел дать немарксистский учбеник <…>, но полагаю, что Михаил Николаевич недостаточно продумал эти вопросы и не посоветовался с товарищами, и учебник вышел немарксистским»[518]. Подводя итоги заседания, заведующий сектором С. В. Бахрушин заявил, что учебники истории нуждаются в идеологическом заострении, а оба прорабатываемых автора полностью признали свои ошибки и поблагодарили коллег за «большевисткую критику».

На послевоенный период работы Устюгова в МГИАИ пришлось формирование его научной школы, сложившейся вокруг созданного им студенческого научного кружка. Работу кружка, организованного Сперанским и Устюговым в 1939 г. на кафедре вспомогательных исторических дисциплин, прервала Великая Отечественная война. После окончания войны в 1945 г. в институте был организован кружок под руководством профессора П. П. Смирнова. Однако кончина Смирнова в апреле 1947 г. прервала его работу. Но уже в мае 1947 г. в институте заработал новый кружок, инициаторами создания которого стали А. А. Новосельский и Устюгов. Его заседания проходили под председательством Устюгова, остававшегося его бессменным руководителем вплоть до своей смерти в 1963 г[519]. Занятия кружка проходили 2-4 раза в месяц и прерывались только экзаменами и каникулами.

Вероятно, при организации данного кружка Устюгов использовал в качестве образца кружок Бахрушина, в котором он занимался в 1920-е гг. Как и участники кружка Бахрушина, члены устюговского кружка читали доклады по

---

[518] Сидорова Л. А. Советская историческая наука середины XX в… С. 50.

[519] Комиссаренко А. И. Формирование и развитие научной школы Николая Владимировича Устюгова в историко-архивном институте Российского государственного гуманитарного университета // Историческая наука на рубеже веков. Екатеринбург, 2000. С. 244.

темам своих научных исследований и обсуждали вышедшие книги с участием крупнейших историков. Также как и Бахрушин, Устюгов организовывал для участников своего кружка посещения научных заседаний в Институте истории[520]. Критический разбор прочитанной литературы осуществлялся в кружке на очень высоком уровне. В нём обсуждались все значительные работы, посвящённые истории России периода феодализма. В 1948 г. на заседании кружка обсуждался учебник по истории СССР М. Н. Тихомирова и С. С. Дмитриева, при этом в центр обсуждения были поставлены не идеологические вопросы, а научные достоинства и недостатки данной работы. В 1953–1954 гг. в кружке обсуждались первые тома «Истории Москвы», а в 1953–1956 гг. многотомные «Очерки истории СССР. Период феодализма». При этом в обсуждениях принимали участие авторы и редакторы реферируемых изданий: председатель главной редакции «Очерков истории СССР» академик Н. М. Дружинин, профессора А. А. Новосельский, Б. Б. Кафенгауз, Л. В. Черепнин, В. И. Шунков и другие ведущие историки.

И при формальном и при неформальном общении Устюгов стремился прививать студентам культуру научного исследования. Один из его учеников – А. А. Преображенский позднее вспоминал, как Устюгов и Новосельский вместе ругали его за разгромную критику буржуазной историографии и ориентировали на спокойный, деловой разбор исторических сочинений[521]. Напряжённые занятия в кружке стали для его участников серьёзным заделом для дальнейших исследований. В 1950 г. одной из первых среди участников кружка защитила кандидатскую диссертацию Е. И. Каменцева. Её работа была написана под руководством Устюгова и посвящена новгородским порядным записям XVII в., как источнику по истории крестьянского закрепощения. Спустя десять лет после начала работы кружка двенадцать его участников защитили кандидатские диссертации[522].

---

[520] Черепнин Л. В. С. В. Бахрушин как учитель // Черепнин Л. В. Отечественные историки XVIII–XX вв. М.,1984. С. 290. Комиссаренко А. И. Формирование и развитие научной школы Николая Владимировича Устюгова… С. 244–245.

[521] Преображенский А. А. Историк об историках России XX столетия. М.,2000. С. 304.

[522] Комиссаренко А. И. Формирование и развитие научной школы Николая Владимировича Устюгова… С. 245–246.

Устюгов занимался педагогической работой не только в Историко-архивном институте, но и в ЦГАДА, где им был организован научный кружок из бывших студентов – сотрудников архива. По его мнению, научная работа являлась одной из важнейших сфер архивной деятельности. Выступая в 1949 г. на Научном совете ЦГАДА Устюгов указывал, что даже в центральных архивах отсутствует научное руководство и хорошо организованная научная работа. В связи с этим он предлагал передать исторические архивы из ведомства МВД в ведение Академии наук СССР и приравнять их в правовом и материальном отношениях к научным институтам. Он утверждал, что это позволило бы обеспечить научное руководство работой архивов и подбор квалифицированных кадров для них[523]. Следует отметить, что предложения Устюгова были частично осуществлены лишь в 1960–1962 гг., когда архивы были изъяты из ведения МВД. Но при этом исторические архивы не вошли в систему Академии наук, а вместе с прочими архивными учреждениями были подчинены Главному архивному управлению при Совете министров СССР.

Наряду с МГИАИ и ЦГАДА Устюгов вёл педагогическую работу и в Институте истории. Именно в заочной аспирантуре Института истории под руководством Устюгова занимался в 1951–1957 гг. выдающийся историк – учитель из Устюжны П. А. Колесников, позднее ставший доктором исторических наук и профессором Вологодского государственного педагогического института[524].

В 1956 г. Устюгов защитил докторскую диссертацию, а в 1959 г. ему было присвоено учёное звание профессора[525]. При этом он не останавливался на достигнутых научно-педагогических результатах, а продолжал разработку новых учебных курсов. Осенью 1957 г. Устюгов прочитал на пятом курсе МГИАИ спецкурс «Народы Средней Азии и Приуралья в XIII–XVIII вв.» Однако в дальнейшем он не читал этот спецкурс, т. к. считал его неотработанным. Вместе с

[523] Устюгов Н. В. О научной работе в архивах // Устюгов Н. В. Научное наследие. М., 1974. С. 246–247.
[524] Саблин В. А. Пётр Андреевич Колесников. Этапы творческого пути // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2008. № 1. С. 112–121.
[525] НА ИРИ РАН. Ф. 10. Ед. хр. 45. Л. 61об.

тем он до последних дней проводил работу по его совершенствованию, внося в его конспект существенные изменения и пополняя его данными вновь вышедшей литературы[526]. Обратившись в эти годы к новой для себя тематике – истории Калмыкии, он привлек к её изучению своих учеников, а в 1963 г. одна из его учениц – П. С. Преображенская защитила кандидатскую диссертацию по теме «Калмыки в первой половине XVII в. Принятие калмыками (торгоутами и дербетами) русского подданства».

На рубеже 1950 –1960-х гг. продолжал свою работу и организованный Устюговым студенческий научный кружок, где в это время занимались такие крупные историки как Ю. А. Тихонов, А. И. Комиссаренко, Н. Е. Бекмаханова, Р. А. Киреева и др[527]. Осенью 1962 г. Устюгов впервые прочитал пятикурсникам МГИАИ новый спецкурс «Классы и классовая борьба в Русском государстве в XVII в». Однако прочитать часть спецкурса, посвящённую классовой борьбе ему не удалось, т. к. осенью того года студенты пятого курса были заняты на сельскохозяйственных работах[528]. Прочесть данный спецкурс в полном виде второй раз ему уже не удалось.

Продолжал Устюгов и занятия вспомогательными историческими дисциплинами. В начале 1960-х гг. его многолетние занятия данной тематикой переросли в подготовку учебников по этому предмету. Вместе со своей ученицей Е. И. Каменцевой он переработал и дополнил третью и четвёртую части учебного пособия по вспомогательным дисциплинам, подготовленного им в довоенные годы, и выпустил в 1963 г. учебное пособие для вузов «Русская сфрагистика и геральдика»[529]. В 1965 г. вышло второе учебное пособие для вузов, написанное им в соавторстве с Каменцевой – «Русская метрология». В данном пособии перу Устюгова принадлежали главы о русских мерах XI–XVII вв. (за исключением параграфов о мерах веса и денежном счёте в XI – конце XV вв. и параграфа о мерах длины в начале XII – конце XV вв., которые были написаны Каменцевой).

---

[526] Демидова Н. Ф. Предисловие // Устюгов Н. В. Научное наследие. М.,1974. С. 9.
[527] Комиссаренко А. И. Формирование и развитие научной школы Николая Владимировича Устюгова… С. 247.
[528] Демидова Н. Ф. Предисловие // Устюгов Н. В. Научное наследие. М.,1974. С. 8.
[529] Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская сфрагистика и геральдика. М., 1963. С. 3–4.

Основой для глав, написанных Устюговым, послужил его «Очерк древнерусской метрологии», опубликованный в «Исторических записках» в 1946 г. Перерабатывая его для учебного пособия, Устюгов дополнил его текст результатами своих новых исследований. В частности он включил в раздел о мерах сыпучих тел XVII в. свой вывод о повышении размера приимочной четверти в ходе введения подворного обложения в 1679 г. Опираясь на царские указы и приказную документацию, он показал, что в 1679 г. её размер был повышен в 1,3 раза и она стала включать не 6, а 8 пудов ржи[530].

Пособие по русской метрологии вышло уже после смерти Устюгова. В 1963 г. он скончался. После его смерти выпускница МГИАИ 1957 г., будущий доктор исторических наук, К. А. Заболотская писала его вдове: «Он был учителем в самом большом смысле этого слова, и мы все всегда будем гордиться тем, что нам выпало счастье учиться у Николая Владимировича и называться его учениками»[531]. Любовь и уважение, которыми было окружено имя Устюгова у его учеников, были связаны не только с его научными и педагогическими талантами, но и с его незаурядными личными качествами. А. А. Зимин, вспоминая Устюгова, писал, что тот самозабвенно любил своих учеников и прилагал огромные усилия для совершенствования их научных работ[532]. В свою очередь ученики Устюгова подчёркивали его внимательность, отзывчивость и постоянную готовность оказать помощь любому коллеге, студенту, архивисту и музейному работнику[533]. Эти черты способствовали установлению прочных связей между учениками и учителем и привели к возникновению научной школы Устюгова.

Активное применение термина «научная школа» по отношению к ученикам Устюгова началось ещё в 1960-е гг[534]. Тем не менее до настоящего времени остаётся до конца нерешённым вопрос о персональном составе школы Устюгова. Это связано с тем, что при его решении неприменим формальный критерий,

---

[530] Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. М., 1965. С. 93–97.
[531] АРАН. Ф.1535. Оп. 4. Ед. хр. 270. Л. 1.
[532] Зимин А. А. Храм науки // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века. М., 2015. С. 75.
[533] Михайлова Н. Г. Н. В. Устюгов как педагог // Устюгов Н. В. Научное наследие. М.,1974. С. 16–17.
[534] Троицкий С. М. Николай Владимирович Устюгов как историк Европейского Севера СССР // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 41.

связанный с защитой диссертаций под руководством основоположника школы. Далеко не все ученики Устюгова смогли защитить под его руководством кандидатские диссертации. Из-за вышедшего в начале 1950-х гг. требования обязательного наличия докторской степени у научных руководителей соискателей и аспирантов, одни из самых активных участников устюговского кружка: А. А. Преображенский и С. М. Троицкий защитили в 1953 и 1956 гг. кандидатские диссертации под руководством А. А. Новосельского. При этом именно Устюгов рекомендовал Преображенскому тему его диссертации – крестьянская колонизация Кунгурского края в XVII – начале XVIII вв. Кроме того, скоропостижная кончина Устюгова привела к тому, что многие его ученики также были вынуждены защищать кандидатские диссертации под руководством других научных руководителей. В частности, А. И. Комиссаренко, занимавшийся в аспирантуре под руководством Устюгова, был вынужден защищать кандидатскую диссертацию в 1966 г. также под руководством А. А. Новосельского. Не могут служить однозначным критерием отнесения исследователя к научной школе Устюгова и его занятия в устюговском научном кружке. Одним из наиболее активных участников кружка был В. И. Буганов, учившийся у М. Н. Тихомирова. А. А. Преображенский позднее вспоминал, что иногда Устюгов садил Буганова за председательский стол и просил его руководить кружком, заботливо исправляя его ошибки и просчёты[535]. Тем не менее пока можно составить предварительный список представителей научной школы Устюгова. К ней можно отнести Е. И. Каменцеву, выступившую продолжательницей исследований Устюгова в области вспомогательных исторических дисциплин; Т. Б. Бельскую, В. Л. Бушуеву и П. С. Преображенскую, продолжавших исследования Устюгова по истории народов СССР; Н. Ф. Демидову, продолжавшую не только исследования Устюгова по истории народов СССР, но и его работу по изучению приказного строя Русского государства; А. А. Преображенского, И. А. Булыгина, Ю. А. Тихонова, С. М. Троицкого, П. А. Колесникова, А. Н. Копылова и А. И. Комиссаренко,

[535] Преображенский А. А. Историк об историках России XX столетия… С. 59-60.

развивавших взгляды Устюгова на проблемы социально-экономического развития России XVII–XVIII вв.

Данный предварительный список позволяет говорить, что научное сообщество, сформировавшееся вокруг Устюгова, в полной мере соответствует признакам научной школы. На наш взгляд, отличительные признаки научной школы были наиболее чётко сформулированы С. И. Михальченко, предложившим 4 основных критерия для её определения: 1) педагогическое общение между основателем школы и его учениками, 2) общность методов и принципов обработки источников, 3) общность теоретико-методологических подходов, 4) сходство тематики исследований[536]. В случае школы Устюгова общность методов исследования проявлялась в использовании в качестве основных источников актов, материалов делопроизводства и учёта, а общность методологии проявлялась в приоритетном внимании к вопросам социально-экономической истории (в том числе, в работах по истории народов СССР и вспомогательным историческим дисциплинам) и построении теоретических обобщений только на основании изучения широкого круга источников. Данные черты были свойственны не только исследованиям Устюгова и его учеников, но и творчеству устюговских учителей (В. И. Пичеты, С. В. Бахрушина, А. И. Яковлева), принадлежавших к младшему поколению московской исторической школы[537]. Эту особенность творчества Устюгова и его учеников отметил в своих воспоминаниях А. А. Зимин, подчеркнувший близость их работ к трудам учеников В. О. Ключевского: С. Б. Веселовского, А. И. Яковлева и других. По мнению Зимина, их работы сближали приоритетное внимание к социально-экономической истории и насыщенность конкретным фактическим материалом[538]. Указанные методологические особенности устюговской научной школы позволяют сделать вывод, что она продолжала в советской исторической науке традиции московской школы историков конца XIX – начала XX веков.

---

[536] Михальченко С. И. О школах и направлениях в исторической науке // XXI век: актуальные проблемы исторической науки. Минск, 2004. С. 38–39.

[537] Тихонов В. В. Московские историки первой половины XX века. М., 2012. С. 322–323.

[538] Зимин А. А. Храм науки // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века. М., 2015. С. 60, 62.

3-2. Изучение истории русского ремесла и торговли XVII в.

Вернувшись с фронта, Устюгов продолжил изучение истории русского ремесла XVII в., начатое им ещё в 1930-е гг. в ходе работы над сборником документов по истории труда на Русском Севере. При этом он расширил тематику своих исследований и обратился в послевоенные годы также к истории русской торговли указанного столетия. В 1947 г. им была написана рецензия на монографию В. И. Шункова «Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII века», в которой он показал превращение вятского хлебного рынка во второй половине XVII в. в основной хлебный рынок Русского Севера. Устюгов указывал, что развитие вятского хлебного рынка было связано с тем, что он стал основным источником казённых хлебных поставок в период экономического кризиса в Московском государстве в начале 1660-х гг. Объясняя причины победы вятского рынка над конкурентами, Устюгов отводил большую роль природно-географическому фактору и писал, что она была связана с тем, что вятские почвы были более плодородны и менее выпаханы, чем почвы Вологодского края и северного Замосковья, являвшихся ранее основными источниками товарного хлеба на Русском Севере[539].

Продолжая изучение истории русского ремесла, Устюгов опубликовал в 1950 г. статью «Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII в.» Данная статья стала одной из первых работ, в которых термин «Московское государство» был заменён термином «Русское государство». Данное изменение было связано с произошедшим весной этого года провозглашением присоединения коренных народов к России «абсолютным благом». Одним из последствий этого идеологического поворота стал отказ историков от термина «Московское государство», служившего для обозначения России XV–XVII вв. и восходившего к трудам С. М. Соловьёва, и замена его термином «Русское государство».

---

[539] Устюгов Н. В. Рец. на: Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII–начале XVIII века // Вопросы истории. 1947. № 6. С. 133–134.

Статья Устюгова открывалась теоретическим введением, в котором автор утверждал, что XVII в. являлся началом нового периода русской истории. Используя идеологическую аргументацию для подтверждения данного тезиса, он приводил цитату из работы Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», в которой говорилось, что характерной чертой этого нового периода являлось слияние областных рынков в единый всероссийский рынок[540]. При этом Устюгов опускал ту часть ленинской фразы, в которой говорилось о том, что возникновение всероссийского рынка означало создание буржуазных связей между различными областями России. Также во введении он приводил определения ремесла, как работы на заказ, и товарного производства, как работы на рынок, взятые из ленинского труда «Развитие капитализма в России»[541].

Вслед за этим он намечал классификацию российского ремесла XVII в., строившуюся на основании правовой принадлежности ремесленников. При этом им выделялось четыре основные категории ремесла: дворцовое, казённое, записное и тяглое. Устюгов писал, что дворцовые и казённые ремесленники по своему социальному положению приближались к служилым людям по прибору: они напрямую подчинялись приказам, получали денежное и хлебное жалование и в основном занимались выполнением заказов, обеспечивавших нужды казны и государева двора. При этом он указывал, что иногда казённое и дворцовое ремесло превращалось в мануфактуру, и приводил в качестве примера мануфактур Оружейную палату, Хамовные слободы и сёла, Пушкарский и Денежный дворы. Говоря о пополнении данных категорий ремесленников, Устюгов делал акцент на практике вызовов посадских ремесленников в Москву на постоянную или временную работу. Подкрепляя данный тезис, он приводил обширный материал из фонда Приказных дел старых лет в ЦГАДА о вызовах в

[540] Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов // Ленин В. И Полное собрание сочинений в 55 томах. М., 1967. Т. 1. С. 153–154.
[541] Устюгов Н. В. Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII в. // Исторические записки. 1950. Т. 34. С. 166–167.

столицу ремесленников с Русского Севера[542]. Дав характеристику первых двух категорий ремесла Устюгов переходил к подробному рассмотрению записного ремесла, представителями которого он называл каменщиков и кирпичников, освобождавшихся от тягла и обязанных являться на строительные работы Приказа каменных дел. Основываясь на монографии А. Н. Сперанского о деятельности данного приказа, Устюгов подробно описывал специальности записных ремесленников, организацию и оплату их труда. При этом он делал особый акцент на выводе Сперанского о том, что в последней четверти XVII в. социальная группа записных ремесленников исчезла, и правительство начало поручать проведение строительных работ частным подрядчикам, что, по мнению Сперанского, было связано с развитием товарно-денежных отношений и возникновением рынка труда[543].

Рассмотрев записное ремесло, Устюгов переходил к характеристике тяглого ремесла, охватывавшего ремесленное население московских чёрных сотен, слобод, деревень и посадов. Он указывал, что это была самая крупная категория ремесла, на материале которой наиболее ярко прослеживался переход ремесла в мелкое товарное производство, так как, в отличие от представителей первых трёх категорий, тяглые ремесленники активно работали на рынок, и в течение семнадцатого столетия объём их работы на рынок неуклонно возрастал[544]. При этом Устюгов отмечал, что процесс превращения ремесла в мелкое товарное производство происходил в различных отраслях неравномерно. Исходя из этого, он давал обзор развития основных отраслей тяглого ремесла XVII в., выделяя крупные центры ремесленного производства.

Вначале он давал обзор металлургии и металлообработки, уделяя основное внимание центрам чёрной металлургии, из которых наиболее подробную характеристику получили железоделательные промыслы Русского Севера. Кроме чёрной металлургии, Устюгов кратко рассматривал работу ремесленников

---

[542] Устюгов Н. В. Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII в. // Исторические записки. 1950. Т. 34. С. 167–170, 175.
[543] Там же. С. 174–175.
[544] Там же. С. 175.

Москвы и Русского Севера, занимавшихся изготовлением изделий из благородных металлов[545]. Рассмотрев развитие металлургии, Устюгов переходил к деревообработке, также уделяя при этом основное внимание работе плотников Поморья и Прикамья. Дав обзор деревообработки, он переходил к рассмотрению промышленности по переработке растительного сырья, к которой он относил изготовление изделий из льна и пеньки. Охарактеризовав льняную и пеньковую промышленность, Устюгов переходил к рассмотрению отраслей, занимавшихся переработкой животного сырья, среди которых выделял изготовление изделий из кожи, меха и шерсти. Говоря о скорняжном деле, Устюгов отмечал, что изготовление изделий из меха было сосредоточено в основном в Москве. Он указывал, что, вероятно, сосредоточение скорняков в Москве носило искусственный характер, так как правительство постоянно направляло в посады требования высылать в столицу всех скорняков для обработки казённых мехов[546]. При этом он отмечал, что в одном из дел, разбиравшихся в Новгородской четверти в 1678 г, говорилось, что посадские скорняки, вызванные на работу в Москву, использовали наёмный труд[547]. Говоря о развитии шерстяной промышленности, Устюгов выделял два её промысла: суконный и валяльный. При этом, рассматривая производство суконных изделий, он говорил о вотчинном ремесле, отсутствовавшем в классификации ремесла, данной им в начале статьи[548]. В конце статьи Устюгов давал краткую характеристику ещё двух отраслей, перерабатывавших животное сырьё: мыловаренного и свечного производства.

В конце обзора каждой отрасли Устюгов делал выводы о степени превращения её в товарное производство. Он писал, что в XVII в. были сделаны крупные шаги по пути превращения в товарное производство металлургии и в меньшей степени деревообработки. Утверждая, что для изучения процесса развития мелкотоварного производства, важно изучить не только городское, но и

[545]Устюгов Н. В. Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII в. // Исторические записки. 1950. Т. 34. С.175–181.
[546] Там же. С. 192–193.
[547] Там же. С. 195.
[548] Там же. С. 195.

сельское ремесло, он писал, что благодаря деятельности скупщиков изготовление льна и пеньки в крестьянских хозяйствах вышло на широкий рынок и в значительной мере превратилось к концу XVII в. в товарное производство. Рассматривая отрасли, занимавшиеся переработкой животного сырья, он писал, что работа ремесленников на рынок ярко прослеживалась в свечном, мыловаренном и валяльном производстве. Также процесс превращения в товарное производство в XVII в. был очень заметен в кожевенном деле, хотя он был ещё далёк от своего завершения. Слабее всего работа на рынок прослеживалась в скорняжном деле, но наличие в скорняжных мастерских наёмных рабочих свидетельствовало о превращении ремесленника в предпринимателя[549]. Делая в конце статьи итоговый вывод, Устюгов писал, что в русском народном хозяйстве XVII в. отчётливо прослеживается процесс перерождения ремесла в товарное производство. В основном русские ремесленники того времени работали и на заказ и на рынок, и их работа для рынка усилилась во второй половине семнадцатого столетия, особенно в его конце. При этом значительную роль начали играть скупщики, втягивавшие в рыночные отношения не только город, но и деревню. По словам Устюгова, втягивание непосредственных производителей в рыночные отношения, создание областных рынков и тесные связи между ними заложили в XVII в. прочные основы всероссийского рынка, естественным центром которого стала столица государства – Москва[550].

Следует отметить, что господство в советской историографии 1940–1950-х гг. ленинского определения ремесла как работы на заказ вело к тому, что любая работа ремесленников на рынок рассматривалась как товарное производство. Вместе с тем вывод о перерастании ремесла в товарное производство в России XVII в. был сделан Устюговым на основании относительно узкого круга источников. При написании статьи им были привлечены материалы из фондов ЦГАДА, изученных им в период работы над докторской диссертацией и публикацией по истории труда в России XVII в. Это были фонды: Приказных дел

[549]Устюгов Н. В. Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII в. // Исторические записки. 1950. Т. 34. С. 181, 189, 195, 197.
[550]Там же. С. 197.

старых лет, Приказных дел новой разборки, городовых книг по Новгороду Великому и грамот Коллегии Экономии по Соли Камской. Основным источниками статьи служили материалы фонда Приказных дел старых лет. Устюговым было привлечено 47 дел из данного фонда, охватывавших период с 1627 по 1695 гг., на которые была сделана треть всех ссылок, содержавшихся в статье (54 из 163). Однако большая часть содержащихся в них сведений свидетельствовала о работе посадских ремесленников на заказ и о вызове их на работу в Москву. О работе ремесленников на рынок, упоминалось лишь в двух делах из данного фонда. В одном деле содержались сведения о привозе тяглецом московской Мясницкой полусотни Фёдором Щепоткиным 10500 рогож на продажу в Архангельск в 1660 г. В другом упоминались покупки целовальника Великорецкого стана Хлыновского уезда Петра Вилегжанина, приобретшего в 1666 г. гвозди и скобы у хлыновского кузнеца и лодку с пятью парами вёсел у местного крестьянина. Кроме того, косвенные свидетельства работы ремесленников на рынок содержались в росписи Московской большой таможни 1667 г., в которой приводились данные об объёмах пеньки, отправленной русскими людьми и иностранцами к Архангельску, являвшемуся основным центром российской экспортной торговли[551].

Основная часть сведений о работе ремесленников на рынок была взята Устюговым из приходно-расходных книг Преображенского Пыскорского монастыря за 1689–1700 гг., сохранившихся в ЦГАДА в фонде грамот Коллегии экономии по Соли камской. Основываясь на вышеназванных книгах, он приводил сведения о приобретении монастырём крупных партий холста, варовых снастей (канатов), изделий олонецких, устюжских, галичских и солигаличских кузнецов, прикамских плотников и суконников[552]. При этом он указывал на резкий контраст между данными приходно-расходных книг и мировой записью того же монастыря с посадом Соли Камской о совместном владении мельницей на реке Усолке, датированной 1593 г. В мировой записи договаривающиеся стороны брали на

[551] Устюгов Н. В. Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII в. // Исторические записки. 1950. Т. 34. С. 178, 183, 184, 188.
[552] Там же. С.177, 181, 183–184, 188–189,196.

себя обязательство ковать и чинить железную снасть для мельницы пополам, при этом в отличие от вышеназванных книг в ней отсутствовали упоминания о покупке готовых железных изделий. Ещё одним источником сведений о работе кузнецов на рынок явились таможенные книги Устюга Великого и Соли Вычегодской, изученные Устюговым в ходе работы над его кандидатской диссертацией. Опираясь на них, он приводил данные о годовом объёме продажи кричного железа и сох на рынках данных посадов в 1630-х гг[553].

Вывод о развитии товарного производства в валяльном деле был сделан Устюговым на основании сведений о закладчиках угличских монастырей и светских вотчинников, включённых в посадское тягло по сыску 1649 г., которые сохранились в ЦГАДА в фонде приказных дел новой разборки. Согласно им, 58 закладчиков занимались валяльным промыслом, при этом 43 их них не имели лавок, а 12 имели и лавку и мастерскую[554]. Кроме отечественных источников, Устюгов использовал при работе над статьёй сочинения трёх иностранных авторов, посетивших Россию в XVII в.: Павла Алеппского, Иоганна Кильбургера и Адама Олеария. Однако сведения о работе ремесленников на рынок, содержались лишь в сочинении Олеария, отметившего продажу в Москве готовых срубов для домов. Также косвенное свидетельство о товарном производстве в России содержалось в труде Кильбургера о русской торговле, в котором указывался объём холста и крашенины, ежегодно вывозившихся через архангельский порт[555].

Помимо источников Устюгов активно использовал научную литературу по социально-экономическому развитию России XVII в. Он указывал, что данные о работе ремесленников на рынок содержатся в трудах К. Н. Сербиной, изучавшей торговлю в Тихвинском посаде; К. В. Базилевича, исследовавшего рынок Устюга Великого; Н. А. Баклановой, изучавшей торги и промыслы Нижнего Новгорода; и

[553] Устюгов Н. В. Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII в. // Исторические записки. 1950. Т. 34. С. 178.
[554] Там же. С. 196–197.
[555] Там же. С. 183, 188.

К. Г. Митяева, исследовавшего смоленский рынок[556]. Говоря о работе Устюгова с литературой, следует отметить активное использование им сведений о развитии торговли и распространении вольнонаёмного труда из сочинений участников кружка Бахрушина (кроме вышеназванных работ Сперанского и Базилевича, он привлекал статьи самого Бахрушина и И. С. Макарова о пушной торговле на Русском Севере). Данное обстоятельство позволяет сделать предположение, что, обращение Устюгова к вопросам развития товарного производства в России XVII в. было вызвано не столько внешними идеологическими факторами, сколько внутренней логикой развития науки. Занимаясь данными проблемами, он не просто приспосабливал фактический материал к ленинским фразам о всероссийском рынке, а развивал исследования Бахрушина и его коллег о ремесле и торговли допетровской России. Следует отметить, что сам Устюгов подчёркивал вклад Бахрушина в разработку проблем всероссийского рынка и мелкотоварного производства в XVII в. В своём спецкурсе об экономическом развитии России XVII в. он указывал, что именно Бахрушину принадлежит научный приоритет в правильной постановке вопроса о складывании всероссийского рынка в XVII в. Если в своих довоенных статьях Бахрушин уделял основное внимание развитию рыночных связей и недооценивал производственную основу рынка, то в статье «Предпосылки всероссийского рынка в XVI в.», вышедшей в 1946 г., и незаконченной монографии, он первым попытался рассмотреть проблему возникновения всероссийского рынка как проблему производства[557].

Смена терминологии, отразившаяся в работе Устюгова над статьёй о ремесле и мелкотоварном производстве, была лишь одним из проявлений постоянной переоценки прошлого в интересах текущего политического момента, серьёзно тормозившей работу над подавляющим большинством исторических работ. К числу обобщающих трудов, испытывавших задержки при публикации в

---

[556] Устюгов Н. В. Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII в. // Исторические записки. 1950. Т. 34. С. 176, 180,186–187, 189, 191

[557] Устюгов Н. В. Экономическое развитие Русского государства в XVII в. и проблема складывания всероссийского рынка // Устюгов Н. В. Научное наследие. М.: Наука, 1974. С. 19–21.

сталинское время принадлежала и шеститомная «История Москвы». Работа над ней началась ещё в годы Великой Отечественной войны и должна была завершиться к 800-летнему юбилею столицы в 1947 г[558]. Однако её первый том, охватывавший период с XII по XVII вв., вышел под редакцией С. В. Бахрушина, А. А. Новосельского, А. А. Зимина и Н. В. Устюгова только в 1952 г. Для данного тома Устюгов написал параграф о ремесле и мелком товарном производстве, в целом повторявший выводы его статьи в «Исторических записках»[559]. Также им были написаны небольшие разделы о денежных дворах и золотописцах Посольского приказа в XVII в.

Статья Устюгова о ремесле и мелком товарном производстве в России XVII в. вышла вскоре после завершения дискуссии о социальной природе русской мануфактуры, проходившей в 1946–1949 гг. В ходе ней известный специалист по социально-экономической истории России XVIII в. Н. Л. Рубинштейн выдвинул тезис, что капиталистический уклад зародился в России внутри феодальной формации в 1740–1750-х гг. При этом он связывал возникновение капитализма с изменениями в мануфактурной промышленности, в частности, с применением на мануфактурах вольнонаёмного труда[560]. Однако большая часть участников дискуссии отнеслась к выводам Рубинштейна критически. С одной стороны Е. И. Заозёрская, изучавшая историю русской промышленности XVIII в., утверждала, что явления, отмеченные Рубинштейном, обнаруживаются и на мануфактурах первой четверти XVIII в. С другой известный историк-экономист, член-корреспондент АН СССР К. А. Пажитнов отмечал, что вывод о зарождении капиталистического уклада невозможен без выяснения удельного веса мануфактурного производства в структуре экономики и характера отраслей, в которых оно развивалось[561]. В итоге дискуссия о социальной природе русской мануфактуры и возникновении капиталистического уклада в России постепенно

[558] Зимин А. А. Храм науки // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века. М., 2015. С. 91.
[559] Устюгов Н. В. Ремесло и мелкое товарное производство // История Москвы. М.. 1952. Т. 1. С. 366–394.
[560] Рубинштейн Н. Л. Крепостное хозяйство и зарождение капиталистических отношений в XVIII в. // Учёные записки. Московского университета. 1946. Вып. 87.
[561] Данилова Л. В., Клокман Ю. Р. Изучение истории России в период позднего феодализма // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1985. Т. V. С. 188–189.

угасла, не приведя к однозначным результатам. Вновь вопросы генезиса капитализма стали предметом активного обсуждения в советской исторической науке в 1953 г. в ходе дискуссии о товарном производстве при феодализме. В ходе неё Б. Б. Кафенгауз, Е. И. Заозёрская и историк-экономист В. Н. Яковцевский указывали, что начало генезиса капитализма связано с процессом перерастания ремесла в мелкотоварное производство и проникновением товарно-денежных отношений в деревню. Данный вывод делался ими во многом под влиянием статьи Устюгова о ремесле и мелкотоварном производстве, несмотря на то, что сам Устюгов нигде в ней не делал прямых утверждений о связи мелкотоварного производства с генезисом капитализма[562]. Однако серьёзные возражения против этого выдвинули Л. В. Данилова, В. Т. Пашуто и Н. М. Дружинин, которые доказывали подчинённую роль товарного производства при феодализме[563].

Следует отметить, что при решении вопроса о генезисе капитализма роль руководящей литературы для советских историков играл «Капитал» К. Маркса, в котором говорилось, что основной отличительной чертой капиталистического способа производства является отделение собственности на рабочих от собственности на средства производства. Согласно Марксу это отделение являлось результатом процесса первоначального накопления капитала, в ходе которого происходила экспроприация средств производства у непосредственных производителей. Основой данного процесса по Марксу было насильственное изъятие земли у крестьянства. Другой важной причиной вышеназванной экспроприации он называл налоговый гнёт, способствовавший разорению крестьян и ремесленников. В результате процесса первоначального накопления возникли классы пролетариев и капиталистов, и появилось мануфактурное производство, являвшееся, по Марксу, первой формой капиталистического производства. При этом он отмечал, что в период мануфактурного капитализма возникали и другие источники первоначального накопления капитала: неэквивалентный обмен с туземным населением колоний, государственный долг,

[562] Данилова Л. В., Клокман Ю. Р. Указ. соч. С. 190–191.
[563] Там же. С. 190.

система протекционизма и торговые войны[564]. Однако для историков, изучавших историю России, данная схема Маркса оказывалась неприменимой, так как в ней возникновение мануфактур происходило без экспроприации производителей.

Попытка решить данную проблему была предпринята в Институте истории, где прошла научно-теоретическая конференция, посвящённая вопросу о своеобразии процесса первоначального накопления в России. Её заседания состоялись 26–27 мая 1955 г. под председательством Л. В. Черепнина. Основные доклады на ней сделали Н. И. Павленко и Б. Б. Кафенгауз. Оба докладчика в своих выступлениях отмечали двойственную роль феодально-крепостничесих отношений в процессах первоначального накопления. С одной стороны сохранение крепостного права тормозило экспроприацию крестьянства и отделение производителей от средств производства. С другой, феодально-крепостническая эксплуатация способствовала накоплению капиталов и созданию мануфактурного производства. Определяя хронологические рамки процесса первоначального накопления и Кафенгауз и Павленко называли его начальной точкой XVII в. и отмечали его активизацию в первой половине XVIII в. При этом они расходились в определении хронологического рубежа данного процесса: Павленко утверждал, что процесс первоначального накопления завершился во второй половине XVIII в., а Кафенгауз связывал его завершение с отменой крепостного права[565].

После выступлений докладчиков началось обсуждение, на котором первым выступил Устюгов. Он упрекнул обоих докладчиков за то, что они незаслуженно мало внимания уделили внутренней торговле и особенно неэквивалентной сибирской торговле, которая позволила накопить значительные денежные средства в сфере обращения. Используя данные, собранные им во время работы над докторской диссертацией, он назвал около двадцати крупных торговых фамилий, представители которых, накопив средства в сфере обмена, вложили их в

[564] Маркс К. Капитал // Маркс. К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1960. Т. 23. С. 726–729, 767–768.
[565] Павленко Н. И. О некоторых сторонах первоначального накопления в России // Исторические записки. М., 1955. Т. 54. С. 417–419. Научно-теоретическая конференция о первоначальном накоплении в России // Исторические записки. М., 1955. Т. 54. С. 420–421.

солеваренную промышленность. Характеризуя другую сторону первоначального накопления – отрыв непосредственных производителей от средств производства, он также привёл материалы, связанные с солеваренной промышленностью. Он указывал, что по данным переписной книги 1678–1679 гг. по Соликамскому посаду на него переселялись лишь единицы из местных крестьян. Напротив, по данным дозорной книги 1707–1708 гг. уже 132 крестьянина Усольского уезда (9 % уездного населения) оставили свои дворы и переселились на посад в поисках заработка. При этом 68, 2 % населения посада были бедняками и платили минимальные оклады стрелецких денег, а 7, 4 % посадского населения являлись богачами и вносили большую часть стрелецкого оклада. Говоря о социальном расслоении на соликамском посаде, Устюгов утверждал, что представтели беднейших слоёв соликамского населения занимались главным образом работой по найму в солеварнях богатых соликамцев[566]. Выступавшие вслед за Устюговым другие участники обсуждения также приводили примеры из своей научной практики. Подводя итоги обсуждения, председательствовавший на нём Черепнин заявил, что научно-теоретическая конференция поставила много вопросов, которые будут решены в ходе последующих исследований.

Вскоре после проведения конференции по вопросу о своеобразии первоначального накопления в России вышел том «Очерков истории СССР», посвящённый XVII в., который был подписан в печать в октябре 1955 г. Во введении к нему один из редакторов тома – А. А. Новосельский повторял тезис Кафенгауза и Павленко о том, что процесс первоначального накопления начался в России в XVII в. Он утверждал, что в это столетие существовавшее на ранних стадиях феодализма имущественное расслоение превратилось в социальное. Причём этот процесс затронул и город и деревню. Новосельский указывал, что в это время отдельные крестьяне, занимаясь торговлей и промыслами, начали эксплуатировать наёмный труд и в качестве скупщиков подчинять мелких производителей. Одновременно с этим стал формироваться рынок рабочей силы,

[566] Научно-теоретическая конференция о первоначальном накоплении в России // Исторические записки. М., 1955. Т. 54. С. 422.

который составляли обедневшие крестьяне и посадские люди[567]. Следует отметить, что тезис о начале в России процесса первоначального накопления в XVII в. был поддержан ленинградскими историками, написавшими рецензию на данный том «Очерков истории СССР»[568].

Поскольку по Марксу результатом первоначального накопления являлось формирование капитализма, Новосельский во введении к тому писал, что в XVII в. в России начался процесс возникновения капиталистических отношений. Несмотря на то, что Маркс, говоря о первоначальном накоплении, делал акцент на развитии мануфактурного производства, Новосельский не упоминал в это контексте о мануфактурах, а писал, что возникновение капиталистических отношений было связано с формированием всероссийского рынка, в основе которого лежало развитие товарного производства[569]. Идеологическим обоснованием данного тезиса служило соединение ленинской фразы из работы «Развитие капитализма в России», гласившей, что степень развития внутреннего рынка есть степень развития капитализма в стране, с его же фразой о начале в XVII в. нового периода русской истории и возникновении всероссийского рынка. В соответствии с ленинскими словами о новом периоде русской истории первая часть тома, посвящённая событиям общероссийской истории, была озаглавлена «Начало складывания всероссийского рынка и буржуазных связей в России. Переход к абсолютизму».

Следует отметить, что статус фундаментального труда, призванного дать целостную марксистскую картину отечественного прошлого, делал многотомные «Очерки истории СССР» гораздо более идеологизированными, чем другие обобщающие труды и монографические работы. Одним из проявлений этой идеологизации было то, что все книги «Очерков» строилась по одной схеме, воплощавшей основные постулаты маркистско-ленинской методологии. Вначале давались разделы, посвящённые экономическому базису, в которых описывались

---

[567] Новосельский А. А. Введение // Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. М., 1955. С. 20.
[568] Сербина К. Н. и др. Рец. на: Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. // Вопросы истории. 1956. № 11. С. 166.
[569] Новосельский А. А. Введение // Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. М., 1955. С. 27.

производительные силы и основные общественные классы. Затем шёл раздел о классовой борьбе, считавшейся основным двигателем истории. Вслед за ним размещался раздел о государственном строе. После этого шли разделы о внешней политике и культуре. Завершали книгу разделы по истории народов СССР.

В соответствии с этой схемой в 1-й главе тома, посвящённого XVII в. рассматривались вопросы развития производительных сил и производственных отношений. В этой главе Устюговым было написано три параграфа: «Ремесло и мелкое товарное производство», «Мануфактура» (совместно с В. Г. Гейманом) и «Торговля» (совместно с К. В. Базилевичем), посвящённые проблемам складывания всероссийского рынка и генезиса капитализма в России.

Параграф о ремесле и мелком товарном производстве в целом повторял статью Устюгова 1950 г. Основные изменения внесённые автором в её текст касались вопросов классификации ремесленников и развития металлургии. Перерабатывая статью для «Очерков истории СССР» Устюгов усовершенствовал свою классификацию, добавив неё частновладельческих (вотчинных) ремесленников, упомянутых в статье 1950 г., но не попавших в ней в классификационную схему. При этом он указывал, что уже в XVI в. вотчинное ремесло перестало удовлетворять запросы своих владельцев, всё чаще обращавшихся к вольному ремеслу и к рынку. Говоря о причинах сокращения частновладельческого ремесла, Устюгов отмечал правительственную политику, направленную со времени образования централизованного государства на сосредоточение торгов в городах, и конкурентную борьбу вотчинных ремесленников с тяглым посадским ремеслом, представители которого упорно добивались в первой половине XVII в. включения частновладельческих слобод в состав посадских общин[570].

Характеризуя развитие металлургии, Устюгов включил в параграф выводы монографии К. Н. Сербиной о Тихвинском посаде в XVI–XVIII вв., вышедшей в 1951 г. и подтверждавшей тезис о развитии рыночных связей в России XVII в. В

[570] Устюгов Н. В, Ремесло и мелкое товарное производство // Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. М., 1955. С. 59.

своей работе Сербина показывала, что в XVII в. тихвинские кузнецы активно включились в процессы рыночной кооперации. Они начали покупать у местных крестьян необходимое для производства сырьё (уголь и кричное железо), изготавливать из него уклад (низкокачественную сталь) и продавать полученный уклад в Устюжну Железопольскую, где из него создавались готовые изделия. Включение в рыночные связи способствовало возникновению социального расслоения среди тихвинских кузнецов, из которых с одной стороны выделились скупщики и владельцы нескольких кузниц, а с другой стороны арендаторы и наёмные рабочие, не имевшие собственных средств производства[571].

Кроме параграфов 1-й главы, социально-экономические вопросы затрагивались в параграфе о финансах Русского государства, написанном Устюговым для 3-й главы указанного тома «Очерков». В нём он последовательно рассматривал основные статьи доходов Русского государства в XVII в: налоги, перечеканку денег и казённую промышленность. Говоря о вопросах налогообложения, Устюгов вначале рассматривал прямые налоги. Основываясь на работах С. Б. Веселовского: монографии о сборах запросных и пятинных денег в 1610-х гг. и фундаментальном труде о сошном письме, – он давал краткую характеристику основных разновидностей прямых налогов, отмечая рост их окладов в течение XVII в. и описывая их основные формы. Следуя за Веселовским в рассмотрении вопросов организации прямого обложения, он присоединялся к его мнению о характере так называемой живущей четверти, которая была введена в качестве единицы налогообложения в 1630-х гг., и включала в себя определённое количество крестьянских и бобыльских дворов. В этом вопросе московские историки (П. Н. Милюков и Веселовский) оспаривали точку зрения А. С. Лаппо-Данилевского, полагавшего, что введение живущей четверти являлось переходом к подворному обложению. По их мнению, её введение лишь являлось поправкой к сошному письму, облегчавшей его

[571] Устюгов Н. В, Ремесло и мелкое товарное производство // Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. М., 1955. С. 60–61, 67–68.

применение. Этот же тезис был повторён Устюговым на страницах «Очерков»[572]. Вслед за рассмотрением прямых налогов Устюгов переходил к рассмотрению косвенных налогов и давал краткую характеристику двум их основным видам: таможенным пошлинам и кабацким доходам. Также он рассматривал основные реформы в области косвенного налогообложения, проводившиеся в России в XVII в.: введение соляной пошлины, издание Таможенного и Новоторгового уставов и создание кружечных дворов.

Рассмотрев налогообложение в России XVII в. Устюгов переходил к следующей статье казённых доходов – перечеканке монеты. Опираясь на работу П. Н. Милюкова «Государственное хозяйство и реформы Петра Великого», он подчёркивал, что прибыль казны от перечеканки богемских иоахимсталеров в русские ефимки составляла лишь небольшую долю государственных доходов, и утверждал, что в XVII в. она не превышала 10 % от всех доходов русского бюджета[573]. Используя работу К. В. Базилевича о денежной реформе Алексея Михайловича, он также рассматривал попытку введения медных денег в 1654–1663 гг. Он указывал, что введение медных денег, сопровождавшееся правительственной политикой, направленной на изъятие серебряной монеты у населения, вызвало глубокое расстройство российского хозяйства в 1662–1663 гг. и привело к серьёзным социальным осложнениям. Вместе с тем, давая однозначно негативную характеристику введению соляной пошлины, он не давал полностью отрицательной оценки введению медных денег. Устюгов отмечал, что данная операция, позволила правительству в течение восьми лет не прибегать к чрезвычайным налогам, несмотря на огромные военные расходы, вызванные конфликтами с Польшей и Швецией. Введение в феврале 1662 г. казённой монополии на шесть важнейших экспортных товаров: пеньку, поташ, смольчуг, говяжье сало, юфти (сапожные кожи) и соболей, – позволило правительству пополнить запасы серебра и восстановить в 1663 г. серебряное денежное

[572] Устюгов Н. В. Финансы // Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. М., 1955. С. 419.
[573] Там же. С. 432-434.

обращение[574]. Данная оценка денежной реформы Алексея Михайловича заметно контрастировала с её оценками из размещённого в том же томе параграфа о Медном бунте, который был написан самим Базилевичем. В отличие от Устюгова, Базилевич оценивал и денежную реформу и казённую монополию на экспортные товары исключительно отрицательно и подчёркивал их значение в разорении низших слоёв посадского населения[575].

Рассмотрев перечеканку монеты, Устюгов переходил к характеристике последней статьи государственных доходов – казённой промышленности. Он посвятил ей лишь один раздел параграфа, где уделил основное внимание Зырянскому казённому соляному промыслу, изученному им при написании докторской диссертации. При этом он писал, что недостаточность сведений о казённой промышленности и торговле не позволяет сделать надёжных выводов об её прибыльности, однако имеющиеся разрозненные данные позволяют сделать общий вывод о том, что их доля в составе государственных доходов была незначительной[576].

Последний раздел параграфа о финансах был посвящён Устюговым вопросу о государственном бюджете в России XVII в. Ссылаясь на вышеназванную работу Милюкова, он утверждал, что самая ранняя из обнаруженных общих росписей государственных доходов и расходов датирована 1679/1680 гг. Согласно ей бюджет России был профицитным, большая часть его доходов формировалась за счёт косвенных налогов (таможенных и кабацких сборов), а большая часть расходов шла на обеспечение армии. Следует отметить, что Устюгов скептически оценивал тезис Милюкова о преобладании косвенных налогов в структуре российского бюджета и присоединялся к выводу Веселовского о том, что соотношение между прямыми и косвенными налогами в течение XVII в. колебалось, и иногда доходы от прямых налогов заметно превышали доходы от

[574] Устюгов Н. В. Финансы // Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. М., 1955. С. 434–435.
[575] Базилевич К. В. Восстание в Москве в 1662 г. // Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. М., 1955. С. 256–257.
[576] Устюгов Н. В. Финансы // Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. М., 1955. С. 436.

косвенных[577]. При этом он указывал, что в первых трёх четвертях XVII в., существовали местные бюджеты и бюджеты приказов, именовавшиеся в первой половине столетия окладными росписями, а во второй пометными списками. Опираясь на городовые книги по Новгороду Великому, изучавшиеся им в ходе исследования соликамского солеварения, Устюгов характеризовал состав и принципы формирования окладных росписей, составлявшихся городовыми воеводами[578]. Завершался параграф о финансах идеологическим заключением, в котором Устюгов писал, что в семнадцатом веке с одной стороны наблюдалось нарастание фискального гнёта, а с другой происходило развитие производительных сил, отразившееся в экономическом подъёме в последней четверти столетия.

Занимаясь в послевоенный период исследованиями ремесла и торговли в России XVII в., Устюгов подчёркивал, что в эту эпоху в России происходило развитие мелкотоварного производства и формирование всероссийского рынка. Идеологическим обоснованием этих выводов служили ленинские слова о XVII в. как начале нового периода русской истории. Но, занимаясь изучением данной тематики, Устюгов не просто иллюстрировал ленинские фразы историческими фактами, а развивал исследования своих старших коллег: С. В. Бахрушина и А. Н. Сперанского, изучавших рыночные явления в экономике России XVII в. При этом следует отметить, что выводы Устюгова о развитии рыночных связей и товарного производства и эксплуатации наёмного труда строились на основании сравнительно узкого круга источников, отражавших развитие соликамского солеварения в конце XVII в. При этом, отмечая рыночные явления в экономике России XVII в., Устюгов в работах 1950–1955 гг. не делал вывода о развитии в России в это время капиталистических отношений.

[577]Устюгов Н. В. Финансы // Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. М., 1955. С. 438.
[578] Там же. С. 436–437.

3-3. Изучение истории российских приказов XVII в.

Обращение Устюгова к истории российских приказов XVII в. было тесно связано с его исследованиями по истории русского ремесла указанного столетия. Работая в предвоенные годы над публикацией по истории труда на Русском Севере, он приступил к активному изучению документов фонда Приказных дел старых лет ГАФКЭ, материалы которого должны были лечь в основу данного сборника. Он не прекратил изучение документов этого фонда и после того, как работа над сборником была приостановлена. А. А. Зимин в своих воспоминаниях писал, что Устюгов был «бесконечным тружеником, не вылезавшим из ЦГАДА»[579]. В результате ему удалось ознакомиться со всеми документами фонда Приказных дел старых лет, насчитывающего около 20 тысяч дел[580]. Изучая документы данного фонда, Устюгов заинтересовался выдающимися представителями дьячества, названными им приказной интеллигенцией. Особенно он выделял дьяка Алмаза Иванова, возглавлявшего Новгородскую четверть и Посольский приказ, который привлекал его остротой ума, находчивостью и прекрасным знанием действующего законодательства и основ приказного делопроизводства. В годы Великой Отечественной войны, находясь на фронте, Устюгов писал своей ученице Е. И. Каменцевой, что он давно собирает материал об Алмазе Иванове и надеется после возвращения с войны написать специальную работу о нём[581]. Позднее, рецензируя фундаментальный справочник С. К. Богоявленского «Приказные судьи XVII в.», он писал, что главным недостатком данного издания являлось отсутствие информации о том, что с сентября 1653 по сентябрь 1665 гг. Посольский приказ возглавлял Алмаз Иванов[582].

Тем не менее написать специальное исследование об Алмазе Иванове Устюгову так и не удалось, и его переход от изучения приказной документации к

---

[579] Зимин А. А. Храм науки // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века. М., 2015. С. 75.

[580] Преображенский А. А. Из воспоминаний об учителе // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 55.

[581] Каменцева Е. И. Письма историка с фронта // Советская историография отечественной истории. М., 1988. С. 87.

[582] Устюгов Н. В. Рец. на: Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII в. М.–Л., 1946 // Вопросы истории. 1946. № 10. С. 118.

написанию научных работ по истории приказов оказался связан с подготовкой обобщающих трудов по истории Москвы и СССР. Для первого тома «Истории Москвы» им был написан в соавторстве с Е. Н. Кушевой параграф «Москва – политический и административный центр». В данном параграфе перу Устюгова принадлежал раздел о приказах. Этот раздел стал первым обобщающим исследованием о приказном строе XVII в. в советской историографии. В нём давался краткий обзор приказов, описывалась их внутренняя структура и рассматривались основные группы служителей. Устюгов подробно рассматривал судебные функции приказов и особо отмечал привилегию многих чинов судиться только в Москве: верхушки служилых людей во Владимирском, а средних служилых людей в Московском судных приказах, высшего духовенства и монастырей в Приказе большого дворца и на монастырском дворе, а позднее в Монастырском приказе, – что вынуждало истцов и ответчиков со всех концов Русского государства являться для рассмотрения своих дел в Москву[583]. Говоря о структуре приказов и основных группах приказных служителей (судьях, дьяках и подьячих), он опирался на дореволюционные работы С. А. Белокурова и Н. Н. Оглоблина, посвящённые Посольскому, Челобитному и Сибирскому приказам и вышедшую в 1937 г. статью С. К. Богоявленского о приказных дьяках XVII в.

В дальнейшем Устюгов продолжил изучение приказов в ходе работы над «Очерками истории СССР». В томе «Очерков», посвящённом XVII в., им был написан параграф «Центральное управление. Приказы». В нём Устюгов определял место приказов в системе государственного управления, устанавливал их приблизительное количество, осуществлял их классификацию и описывал внутреннюю структуру приказов. Говоря об общем количестве приказов, он писал, что в течение XVII в. существовало до 80 приказов, причём примерно половина из них действовала временно[584].

---

[583] Кушева Е. Н., Устюгов Н. В. Москва – политический и административный центр // История Москвы. М.,1952. Т. I. С. 547.

[584] Устюгов Н. В. Центральное управление. Приказы // Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. М., 1955. С. 366–367.

Свою классификацию приказов Устюгов строил на основе функционального признака, связанного с компетенцией и задачами конкретных приказов. В предшествующей историографии классификацию приказов на основе данного признака провёл в 1907 г. преподаватель Царскосельской гимназии И. И. Вернер, выделивший дворцовые приказы и приказы по государственному управлению. Приказу по государственному управлению разделялись им на военные, дипломатические и приказы по внутреннему управлению. К последним он относил финансовые, судебные и территориальные приказы[585]. В своей работе Устюгов, не давая прямых ссылок на работу Вернера, в целом повторил его схему. Также как и Вернер он выделял дворцовые и государственные приказы, разделяя последние на внутри- и внешнеполитические. Однако в качестве обоснования для данного разделения Устюгов приводил цитату из работы Сталина «Вопросы ленинизма», в которой говорилось о том, что государство исполняет внутренние и внешние функции.

В группу внешнеполитических приказов Устюгов включал приказы военные и дипломатические. Приказы, исполнявшие внутриполитические задачи, он разделял по географическому признаку на общегосударственные и территориальные. К общегосударственным он относил финансовые и судебные. Кроме этого Устюгов выделял в группе общегосударственных приказов новую категорию, отсутствовавшую в классификации Вернера – административные приказы. В неё Устюгов включал Разряд, относившийся Вернером к военным; Поместный приказ, относившийся Вернером сразу к двум категориям: военным и финансовым приказам; Ямской приказ и Приказ каменных дел, относившиеся Вернером к дворцовым; Приказ тайных дел, относившийся Вернером к судебным; и Монастырский приказ, не рассматривавшийся в работе Вернера[586].

Кроме выделения отдельной категории административных приказов в классификации Устюгова присутствовало ещё три различия с классификацией Вернера. Самое значительное из них было связано с классифицированием пяти

---

[585] Вернер И. И. О времени и причинах образования Московских приказов М.,1907. С.22, 51–54, 91.
[586] Вернер И. И. Указ. соч. С. 35, 47, 55, 68. Устюгов Н. В. Центральное управление. Приказы // Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. М., 1955. С. 368–370.

четвертей: Владимирской и Галицкой, возглавлявшихся с 1627 г. одним человеком; Костромской; Новгородской, иногда именовавшейся Нижегородской; и Устюжской. Если Вернер причислял четверти к финансовым приказам, то Устюгов включал их в категорию территориальных приказов, относя на второй план их функции по сбору налогов, и акцентируя их роль в области местного управления[587]. Второе различие было связано с классифицированием приказов, управлявших территориями, присоединёнными в ходе русско-польской войны 1654-1667 гг., и подчинённых Посольскому приказу: Малороссийского, Смоленского и других. Если Вернер включал эти приказы в категорию территориальных, то Устюгов включал их в категорию дипломатических[588]. Третье различие было связано с классифицированием Оружейной палаты. Если Вернер относил её к военным приказам, то Устюгов включал её в группу дворцовых[589]. Классификация приказов, данная Устюговым в «Очерках истории СССР» была расширена в 1958 г. профессором МГИАИ А. В. Черновым, выделившим, наряду с государственными и дворцовыми патриаршие приказы[590]. С дополнениями Чернова данная схема прочно закрепилась в отечественной исторической науке[591].

Описывая структуру приказов, Устюгов указывал, что на должности их руководителей – приказных судей обычно назначались служилые люди думных и московских чинов и дьяки. При этом наличие служилого человека думного или московского чина во главе приказа было необязательным, присутствие одного или нескольких дьяков в приказе было обязательно. Приказным делопроизводством занимались старшие подьячие, ведавшие отделами приказа – столами, и помогавшие им младшие подьячие. И дьяки и подьячие комплектовались из одних и тех же социальных слоёв: дворян, служилых людей по прибору, детей

[587] Вернер И. И. Указ. соч. С. 109–130. Устюгов Н. В. Центральное управление. Приказы // Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. М., 1955. С 372–374.
[588] Устюгов Н. В. Центральное управление. Приказы // Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. М., 1955. С. 375–376.
[589] Вернер И. И. Указ. соч. С. 74. Устюгов Н. В. Центральное управление. Приказы // Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. М., 1955. С. 376–378.
[590] Чернов А. В. О классификации центральных государственных учреждений XVI – XVII вв. // Исторический архив. 1958. № 1. С. 200–201.
[591] Лисейцев Д. В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М. – Тула, 2009. С. 239.

духовенства и посадских людей. При этом Устюгов отмечал, что культурный уровень дьяков и подьячих в целом был выше уровня служилой массы.

Анализируя деятельность дьяков и подьячих, он писал, что в их лице создавалась новая бюрократия, обладавшая опытом, специальными знаниями и образованностью[592]. В конце статьи он рассматривал недостатки приказного строя, явственно выступившие во второй половине XVII в. в связи с ростом государства и усложнением его задач. По мнению Устюгова, его важнейшим недостатком являлось отсутствие правильного распределения дел между инстанциями, создававшее бессистемность и волокиту, и сочетавшееся с широко распространённым взяточничеством. Завершая параграф о приказах, Устюгов описывал попытки перестройки приказной системы в конце XVII в., путём слияния отдельных приказов, но указывал, что такая перестройка в то время только намечалась.

Следует отметить, что раздел «Очерков истории СССР», посвящённый приказам, был сравнительно слабо проработан Устюговым. В частности, при написании данного раздела, им почти не привлекались архивные источники. В качестве основного источника при описании компетенции конкретных приказов им было использовано Соборное уложение. Кроме этого при написании данного раздела он опирался на справочные работы С. К. Богоявленского «Приказные дьяки XVII в.» и «Приказные судьи XVII в.», и монографию А. И. Заозёрского о дворцовом хозяйстве Алексея Михайловича, в которой подробно характеризовалась деятельность Приказа тайных дел.

Скоропостижная кончина прервала активную научную деятельность Устюгова, и многие его работы вышли посмертно. В 1964 г. в сборнике, посвящённом 70-летию Б. Б. Кафенгауза вышла его обширная статья об эволюции приказного строя в России в XVII в. Проводя в ней классификацию приказов, Устюгов принял дополнения Чернова к своей схеме, изложенной в «Очерках

[592] Устюгов Н. В. Центральное управление. Приказы // Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. М., 1955. С. 381.

истории СССР», и добавил к общегосударственным и дворцовым патриаршие приказы.

В данной статье Устюгов развивал намеченный в обобщающих трудах тезис о том, что приказы создавались и ликвидировались в зависимости от текущих потребностей государственного управления, без заранее намеченного плана и системы[593]. Если в «Очерках истории СССР» им давалась статичная картина функционирования приказов, то в данной статье он показывал динамику развития приказной системы. Опираясь на справочник С. К. Богоявленского «Приказные судьи XVII в.» Устюгов писал, что к моменту избрания Михаила Фёдоровича Романова на царство в России действовало 22 приказа и показывал, как неотложные задачи обороны страны и ликвидации последствий Смуты заставили правительство первого Романова за шесть лет увеличить количество приказов в полтора раза, создав до 1619 г. 11 новых учреждений, большая часть которых просуществовала до конца XVII века[594]. По его мнению, в это время были созданы: Челобитный, Казачий, Панский, Разбойный, Земский и Аптекарский приказы, приказ Сбора пятинных и запросных денег, приказ Каменных дел, Денежный двор, Оружейная и царева Мастерская палаты. При этом Устюгов считал дату первого упоминания приказного судьи датой возникновения приказа и игнорировал замечание Богоявленского о том, что справочник содержит множество пробелов, особенно за первую четверть XVII в., связанных с гибелью многих документов во время Московского пожара 1625 г[595]. В дальнейшем тезис об увеличении числа приказов в полтора раза был оспорен Д. В. Лисейцевым, показавшим на основе «Записок Г. Штадена, «Списка опричников 1573 г.», приправочных книг Вяземского уезда 1594/95 гг. и анонимной «Записки о царском дворе», что Челобитный, Разбойный и Аптекарский приказы, Денежный

[593] Устюгов Н. В. Эволюция приказного строя Русского государства в XVII в. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.) Сб. статей к 70-летию со дня рождения и 45-летию научной и педагогической деятельности Б. Б. Кафенгауза. М., 1964.
[594] Там же. С. 142–147.
[595] Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII в. М.–Л., 1946. С. 4.

двор, Оружейная и царева Мастерская палаты возникли ещё в конце XVI – начале XVII вв[596].

Говоря об эволюции приказного строя в годы деятельности патриарха Филарета, он описывал происходившее в эти годы разветвление финансового аппарата, вызванное стремлением к восстановлению экономики, упорядочиванию финансов и обеспечению скорейшего поступления денег и хлеба в казну. Он подчёркивал, что именно при Филарете возникли практики создания сыскных приказов для выполнения конкретных правительственных мероприятий и сосредоточения ряда важнейших приказов (Большой казны, Стрелецкого, Иноземного и Аптекарского) в руках одного из приближённых царя, являвшегося фактически главой правительства[597]. Рассматривая развитие приказной системы в царствование преемников Михаила Фёдоровича, Устюгов отмечал, что при них продолжалось развитие административных тенденций, заложенных в годы его правления: создание временных приказов для решения текущих вопросов и сосредоточение ряда важнейших приказов в руках одного лица. При этом он указывал на особую значимость создания Алексеем Михайловичем Тайного и Монастырского приказов, наглядно свидетельствовавшего о придании русскому государственному управлению некоторых черт абсолютизма. Вместе с тем он отмечал, что оба этих приказа не пережили своего создателя[598].

Анализируя организацию приказного делопроизводства и кадровый состав приказных служащих, Устюгов отмечал, что в лице дьяков и подьячих постепенно создавалась дворянская бюрократия. При этом он подчёркивал, что бюрократизация аппарата и упорядочение работы государственных учреждений достигли в XVII в. весьма скромных успехов. Вместе с тем, Устюгов отмечал, что в это столетие были сделаны первые попытки преодоления недостатков приказной системы, связанных с отсутствием чёткой компетенции и несамостоятельностью приказов, наметившие пути для предстоящей перестройки

[596] Лисейцев Д. В. Указ. соч. С. 64, 90, 383, 386, 391, 426.
[597] Устюгов Н. В. Эволюция приказного строя Русского государства в XVII в… С. 150, 152.
[598] Там же. С. 159–161.

системы центральных государственных учреждений, произведённой в первой четверти XVIII в[599].

Следует отметить, что работы Устюгова, посвящённые истории приказов, принадлежат к той части его научного наследия, на которой очень слабо отразились колебания официального идеологического курса. Данное обстоятельство обусловило такие характерные черты данных работ, как доминирование внутринаучных факторов при постановке проблем и формулировании выводов исследований и опора на достижения предшественников вне зависимости от их политических взглядов.

3-4. Изучение истории солеваренной промышленности Соли Камской в XVII в.

Вернувшись в 1945 г. к научным исследованиям, Устюгов продолжил работу над докторской диссертацией. При этом он отказался от планов написать обобщающую работу по промышленности и ремеслу в Поморье XVII в. и вновь сузил тему диссертации до истории соликамского солеварения в данном столетии. Работа над диссертацией была закончена в 1955 г., но защитить её в том году не удалось, поскольку незадолго до этого вышло постановление, запрещавшее защиту докторских диссертаций без предварительной публикации полного текста исследования[600]. Однако вскоре данное постановление утратило силу и в 1956 г. Устюгов смог защитить докторскую диссертацию по теме «Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности»[601]. Через год после защиты данная диссертация была опубликована в виде одноимённой монографии.

---

[599] Устюгов Н. В. Эволюция приказного строя Русского государства в XVII в… С. 166–167.

[600] Екатерина Николаевна Кушева – Борис Александрович Романов. Переписка. 1940–1953 годов. СПБ.,2010. С. 441, 461.

[601] Троицкий С. М. Николай Владимирович Устюгов как историк Европейского Севера СССР // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 31.

Данная монография открывалась обширным введением, в котором Устюгов давал идейно-теоретическое обоснование своего тезиса о генезисе капитализма в России в XVII в. Делая обратный вывод из утверждений Маркса о том, что в результате процесса первоначального накопления капитала возникают мануфактуры, Устюгов писал, что появление в России в XVII в. мануфактур означало, что в ней в это время происходил процесс первоначального накопления[602]. Одной из отраслей промышленности, где в XVII в. возникли мануфактуры было солеварение, развивавшееся в основном за счёт частных средств русских людей. Обосновывая тематику и географические рамки своего исследования, Устюгов указывал, что именно в солеварении наиболее отчётливо проявились черты, характерные для капиталистического пути развития промышленности, а Соль Камская была крупнейшим центром русского солеварения XVII в., превосходившим все остальные солеваренные центры, вместе взятые.

Обосновав тематику и рамки работы, Устюгов переходил к характеристике литературы и источников по теме исследования. В рассматриваемой монографии, как и в других своих работах, он избегал идеологической критики предшествующих историков и сосредотачивался на научных достоинствах и недостатках их сочинений[603]. Особое внимание Устюгов уделял характеристике источников по истории соликамского солеварения в XVII в. В зависимости от их содержания он делил их на две группы, выделяя общие источники по истории солеваренной промышленности Соли Камской и источники по истории конкретных промыслов.

Характеризуя источники общего содержания, Устюгов выделял в первую очередь статистические источники: писцовые книги И. И. Яхонтова 1579 г. и М. Ф. Кайсарова 1623–1624 гг., переписные книги 1646–1647 и 1678–1679 гг., дозорную книгу Соли Камской 1707–1708 гг. Он отмечал, что основные проблемы при работе с ними были вызваны разнородностью и отрывочностью их

[602] Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957. С. 4.
[603] Там же. С. 8–13.

сведений, не позволявшей нарисовать полную картину развития соликамского солеварения в XVII в. Эта неполнота была связана с тем, что подробная информация о размерах соликамского солеварения и рабочих соляных промыслов имелась лишь в дозорной книге 1707–1708 гг. Писцовые книги почти не содержали сведений о населении Соли Камской, а переписные книги, содержавшие подробные данные о соликамском населении, почти не давали сведений о размерах соляных промыслов[604].

Отмечая относительную скудость общих источников, Устюгов указывал, что более богатым содержанием обладали источники по истории отдельных соляных промыслов. Подробную информацию об устройстве и работе солеварен давали документы по истории монастырского солеварения[605]. Кроме монастырской документации Устюгов использовал документы приказа Большой казны, управлявшего казёнными Зырянскими усольями. Следует отметить, что поиск документов приказа Большой казны представлял значительную сложность, так как его архивный фонд не сохранился, и Устюгову удалось разыскать лишь несколько документов, случайно сохранившихся в фондах других приказов. Завершая обзор источников Устюгов останавливался на так называемом «Соликамском летописце» составленном в 1821 г. В. Н. Берхом из соликамских городских летописей, созданных в XVIII в. Он отмечал многочисленные ошибки, содержащиеся в данном тексте и указывал на невозможность его использования для изучения истории соликамского солеварения в XVII в[606].

Следует отметить, что из источников по истории соликамского солеварения кроме «Соликамского летописца», были опубликованы лишь фрагменты писцовых книг. В 1891–1892 гг. пермский краевед А. А. Дмитриев издал копии с книг Яхонтова по соликамскому посаду и уезду и книг Кайсарова по строгановским вотчинам. Остальные источники были изучены Устюговым в архивных фондах. В ходе работы над диссертацией им были использованы материалы о прикамском солеварении из одиннадцати фондов ЦГАДА. Кроме

[604]Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957. С. 13–20.
[605]Там же. С. 26.
[606]Там же. С. 31–32.

этого Устюгов использовал соликамские акты, хранившиеся в Отделе древних рукописей и актов Ленинградского отделения Института истории (далее ЛОИИ) и копию с книг Кайсарова по соликамскому посаду и уезду, хранившуюся в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина (далее ГБЛ)[607].

Основная часть исследования была разделена Устюговым на пять глав. В первой главе он рассматривал геологические условия залегания соляных рассолов у Соли Камской и технологическое устройство соляных промыслов. Изучая данные вопросы, он показывал влияние благоприятных геологических и географических условий на успешное развитие соликамского солеварения в XVII в. Следует отметить, что акцентирование роли географического фактора в процессах социально-экономического развития являлось чертой позитивистской методологии, сохранившейся в трудах Устюгова и после принятия им марксизма-ленинизма.

Во второй главе Устюгов рассматривал развитие соляных промыслов на посаде Соли Камской и в Соликамском уезде во второй половине XVI – начале XVIII в. В ней он последовательно характеризовал развитие солеварения на посаде, в вотчинах Пыскорского монастыря, на реках Зырянке и Лёнве и во владениях Строгановых. В конце главы он обобщал материал, изложенный в отдельных параграфах и рисовал общую картину развития соликамского солеварения. Он писал, что первые достоверные свидетельства о соликамских соляных промыслах относятся к семидесятым годам XVI в. В конце XVI – первой трети XVII в. у Соли Камской доминировало тяглое солеварение. Опираясь на писцовые книги Кайсарова, он писал, что в 1620-х гг. посадским людям принадлежало 69, 8 % варниц на посаде и в уезде, в то время как именитые люди Строгановы и Пыскорский монастырь в сумме владели лишь 30, 2 % варниц. При этом, Устюгов отмечал небольшие размеры большинства посадских промыслов, и писал, что количество варниц у отдельных солеваров не превышало двух[608].

[607] Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957. С. 13–31.
[608] Там же. С. 135, 139.

Он указывал, что новые тенденции в соликамском солеварении начали проявляться в 1630-х гг., когда в него начали активно вкладывать свои капиталы крупные торговые люди: гости, члены гостиной и суконной сотен. Ведущей из этих тенденций стало укрупнение промыслов. В это время в Соликамском уезде возник крупный соляной промысел гостя Г. Л. Никитникова, который в 1632 г. приобрёл у одного из посадских людей 2 варницы на реке Зырянке и уже через семь лет довёл количество варниц до 13. Несмотря на то, что все представители семьи Строгановых в сумме владели 31 варницей, промысел каждого из них в отдельности уступал промыслу Никитникова, и им не удалось выжить его из уезда. В это же время торговые люди начали активно скупать посадские варницы и постепенно стали играть основную роль в развитии посадского солеварения[609]. Вместе с тем, Устюгов приводил данные, свидетельствовавшие о том, что, несмотря на принадлежность торговых людей к тяглому населению, с 1630-х гг. доля тяглого солеварения в структуре соликамской солеварной промышленности стала постепенно сокращаться. Одновременно с этим начала расти доля солеварения феодалов, к которым Устюгов относил Строгановых и монастыри[610].

Характеризуя развитие солеваренной промышленности Соли Камской во второй половине XVII в., Устюгов отмечал, что период с 1670-х до середины 1690-х гг. являлся временем наибольшего расцвета соликамской солеваренной промышленности. Говоря о тенденциях соликамского солеварения в это время, он вновь подчёркивал активную роль в нём торговых людей. Наиболее ярким примером роста купеческого солеварения он называл деятельность Лёнвенских промыслов гостей Шустовых и гостя О. И. Филатьева. Шустовы и Филатьев основали два крупных промысла на Лёнве в конце 1670-х – начале 1680-х гг., и уже через полтора десятилетия промысел Шустовых насчитывал 32 варницы, а промысел Филатьева состоял из 12 варниц.

Вместе с тем, Устюгов приводил данные, свидетельствовавшие о том, что во второй половине XVII в. доля тяглого солеварения неуклонно сокращалась, а

[609]Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957. С. 136.
[610] Там же. С. 139.

доля феодального солеварения продолжала активно нарастать. В это время к феодальным промыслам добавились казённые предприятия. Казённое солеварение возникло в Соликамском уезде в 1652 г., после конфискации пяти варниц Пыскорского монастыря, вызванной сокрытием информации об истинном размере монастырского соляного промысла. Возникший в результате этой конфискации казённый промысел на реке Зырянке за неполное десятилетие вырос в четыре раза и к концу 1650-х гг. в нём насчитывалось уже 20 варниц. В 1659 г. к нему был присоединён выморочный промысел наследников Никитникова, после чего в казённом усолье стало насчитываться 32 варницы. Поставленный в привилегированное положение казённый Зырянский промысел стал крупнейшим солеваренным предприятием Прикамья[611]. Уступая в целом владениям Строгановых, насчитывавшим 42 варницы, он намного превосходил каждый из строгановских промыслов. Вместе с тем, продолжало развиваться и солеварение Пыскорского монастыря. Сократившись после конфискации до 3 варниц, монастырский соляной промысел вырос во второй половине столетия в восемь раз и насчитывал в 1690-х гг. 25 варниц. По данным соликамской оброчной книги 1685 г., сохранившейся в ЦГАДА в фонде Городовых книг по Соли Камской, в последние десятилетия XVII в. феодальное солеварение в Прикамье уже преобладало над тяглым. В это время 62 % всех соляных промыслов в Соликамском уезде принадлежало феодалам, в то время как доля тяглого солеварения составляла лишь 38 %[612].

Рассматривая развитие соликамского солеварения в 1690-х–1700-х гг., Устюгов называл его ведущим чертами укрупнение промыслов и концентрацию их в руках немногих промышленников. Крупнейшим солепромышленником Прикамья стал в это время Г. Д. Строганов, сосредоточивший в своих руках владение всеми строгановскими промыслами и захвативший в 1696 – 1697 гг. промыслы гостей Шустовых и Филатьева, варницы Ново-Иерусалимского монастыря и Зырянский казённый промысел. Таким образом, солеварение в

[611] Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957. С. 136.
[612] Там же. С. 139.

Соликамском уезде стало полностью феодальным, и все уездные промыслы оказались сосредоточены в руках двух владельцев: Г. Д. Строганова, которому принадлежало 162 варницы, и Пыскорского монастыря, которому принадлежало 23 варницы. В итоге, по данным дозорной книги 1707–1708 гг., сохранившейся в ЦГАДА в фонде книг Сибирского приказа, феодалам принадлежало около 80 % всех варниц Соликамского уезда, а в руках представителей тяглых сословий находилось лишь 20 % варниц[613].

В это же время тенденции к монополизации соляных промыслов стали наблюдаться и в тяглом солеварении, сосредоточенном после ликвидации промыслов Шустовых и Филатьева исключительно на посаде. Говоря о развитии посадского солеварения, Устюгов отмечал большое влияние на него случайных факторов, связанных со стихийными бедствиями. При этом он отмечал, что причиной серьёзного влияния стихийных бедствий являлась неустойчивость посадского солеварения, вызванная медленным оборотом капитала и небольшими объёмами производства. Основным стихийным бедствием на соляных промыслах являлись пожары. Пожар 1635 г. вынудил большую часть посадских солеваров отказаться от производства и продать свои варницы торговым людям. Два опустошительных пожара 1688 и 1695 гг. вынудили большую часть торговых людей продать свои варницы двум крупным семьям посадских солеваров – Суровцевым и Ростовщиковым. В результате, по данным дозорной книги 1707–1708 гг., пять представителей этих семей владели примерно 85 % всех варниц, расположенных на посаде у Соли Камской[614]. Подводя в конце второй главы общие итоги развития соликамской солеваренной промышленности в конце XVI – начале XVIII вв., Устюгов писал, что основным направлением её эволюции являлось превращение мелких промыслов в крупные предприятия мануфактурного типа. При этом, он отмечал, что одной из основных тенденций её развития являлся захват всего уездного солеварения феодалами. Вместе с тем в заключении к монографии он акцентировал лишь тенденцию к укрупнению

[613]Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957. С. 138.
[614]Там же. С. 142.

солеваренных промыслов в XVII в. и не упоминал про опережающий рост феодального солеварения, начиная со второй трети столетия[615].

Говоря о форме мануфактурного производства на соляных промыслах, Устюгов утверждал, что они представляли собой централизованную мануфактуру, основной производственной единицей которой являлась варница[616]. Теоретическим основанием для этого вывода служила фраза Маркса о возникновении при мануфактурном разделении труда прочных математических отношений между количеством рабочих разных специальностей. Опираясь на приходно-расходные книги Пыскорского и Ново-Иерусалимского монастырей, Устюгов утверждал, что на каждую варницу приходилось 8 работников. 6 из них: 1 солевар, 1 подварок, 4 водолива, – были заняты в самом процессе выварки соли. 2 выполняли вспомогательную работу. К последним относили дрововоз, подвозивший топливо для варницы, и мешкодер, державший мешки, в которые высыпалась готовая соль[617].

Характеристика рабочей силы соляных промыслов давалась Устюговым в третьей главе монографии, которая являлась самым обширным её разделом и также включала шесть параграфов. Определяя потребность соляных промыслов в рабочей силе, Устюгов утверждал, что для обслуживания одной варницы требовалось от десяти до двадцати человек, в число которых им включались не только солевары, но и мастера, занятые ремонтом варниц, и работники, занимавшиеся доставкой дров на промыслы. Поскольку по данным дозорной книги 1707–1708 гг., в конце XVII в. в соликамском уезде насчитывалось свыше двухсот варниц, по мнению Устюгова, ежегодная потребность соликамских соляных промыслов в рабочей силе составляла примерно 4 000 человек. Данная цифра была получена им путём умножения максимального числа необходимых работников на примерное количество варниц. Отмечая, что Соль Камская с уездом не могла дать такого количества людей, он указывал, что в соликамский

---

[615]Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957. С. 143, 311–313.
[616] Там же. С. 269.
[617] Там же. С 230.

уезд постоянно приходили жители соседних уездов, находившие работу на варницах[618].

Опираясь на данные переписных книг 1678–1679 гг., Устюгов доказал, что приток пришлого населения на посад и в уезд у Соли Камской начал стабильно возрастать с середины 60-х гг. XVII в. Основными местами выхода переселенцев являлись посады и уезды восточного Поморья: Чердынь, Соль Вычегодская, Великий Устюг и Вятская земля, – из которых вышло 60, 5 % пришлого населения. Ещё 29, 3 % переселенцев вышло из уездов западного Поморья. Из районов служило землевладения переселилось лишь 8, 1 % новых жителей Соли Камской. Ничтожно малыми были переселения из башкирских и сибирских земель, откуда вышло лишь 1, 7 % соликамских новопоселенцев[619].

Говоря о причинах миграции жителей Поморья к Соли Камской, Устюгов с одной стороны отмечал тяжесть государственных податей и повинностей, лежавших на поморском населении, а с другой утверждал, что в XVII в. началось социальное расслоение тяглого и черносошного населения, приводившее к переселению разорившихся крестьян и посадских людей. При этом следует отметить, что первая причина миграции была аргументирована Устюговым более основательно, чем вторая. Тезис о социальном расслоении как причине переселений подкреплялся им лишь ссылкой на челобитную чердынского крестьянского мира 1621 г., сохранившуюся в ЦГАДА в фонде Приказных дел новой разборки. При этом тезис о тяжести фискальной политики государства как причине миграции обосновывался данными о двукратном увеличении стрелецких денег в 1663 г. и разорительности лежавших на чердынцах и соликамцах повинностей по обеспечению сибирских служилых людей. Подкрепляя эти данные сведениями источников, Устюгов приводил цитаты из двух челобитных, сохранившихся в фонде Приказных дел старых лет: Чердынского уездного и посадского мира 1672 г. и земских судеек Лузской Пермцы Сольвычегодского уезда 1666 г., - из которых следовало, что тяжесть государственных повинностей

[618] Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957. С. 148.
[619] Там же. С. 188.

являлась основной причиной разорения крестьян и ремесленников[620]. По словам Устюгова, разорение посадских людей и крестьян, лишение их средств производства и приход на заработки на соляные промыслы Соли Камской служили наглядной доказательством протекания в XVII в. в Поморье процесса первоначального накопления[621].

Вместе с тем, Устюгов указывал, что процесс первоначального накопления проявлялся также в начале социального расслоения крестьян соликамского уезда, оставлении частью из них своей земли и переходе на соляные промыслы. Отмечая, что переписные книги не дают полной картины этого процесса, он приводил данные дозорной книги 1707–1708 гг., по которым за три десятилетия с конца 1670-х до 1707 г. 132 крестьянина перешли на постоянное жительство на промыслы, что составляло 11, 2 % взрослого крестьянского населения уезда[622]. Следует отметить, что вплоть до выхода монографии Устюгова в советской историографии господствовала точка зрения, что процесс социального расслоения крестьянства в русской деревне начался во второй половине XVIII в[623]. Выход монографии Устюгова привёл к формированию в ней второй точки зрения, сторонники которой видели начало процесса социального расслоения в явлениях XVII в.

Охарактеризовав состав рабочей силы соликамских соляных промыслов, Устюгов переходил к вопросу о соотношении на них вольнонаёмного и принудительного труда. Анализируя использование наёмного труда на соляных промыслах, он выделял два вида найма: феодальный и капиталистический. В качестве феодального он характеризовал найм по житейским записям «до урочного году», при котором нанимающийся сразу получал всю сумму оплаты за несколько лет работы. Устюгов указывал, что такой вид найма создавал зависимость работника от работодателя, так как работник делал своеобразный займ, который отрабатывался в течение нескольких лет. В качестве

---

620 Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957. С. 190–191.
621 Там же. С. 193.
622 Там же. С. 194–195.
623 Данилова Л. В., Клокман Ю. Р. Указ. соч. С. 193.

капиталистического он характеризовал найм, при котором работник получал оплату по мере выполнения работы и не попадал в зависимость от работодателя[624]. Опираясь на приходно-расходные книги Пыскорского и Ново-Иерусалимского монастыря, Устюгов указывал, что работные люди получали заработную плату по мере выполнения своей работы, в конце каждой варничной недели, составлявшей двенадцать дней. Распространяя эти данные на другие промыслы, он делал вывод о преобладании в солеварении вольнонаёмного труда и утверждал, что между работными людьми и хозяевами промыслов возникали отношения наёмных рабочих и предпринимателей[625]. Основным признаком отсутствия феодальной зависимости работных людей, по мнению Устюгова, являлось несение ими тягла. Он писал: «Если посадский человек жил своим двором на посадской тяглой земле и работал из найма на соляном промысле, то он сохранял своё положение полноправного тяглеца, члена посадской тяглой общины <…> Такой работный человек находился под защитой посадского тяглого мира и не попадал в зависимость от «сильных людей»– феодалов, гостей или гостиной сотни торговых людей, или разбогатевших посадских тяглецов. Он был заинтересован только в получении от них работы»[626].

Яркую картину использования вольнонаёмного труда давали крупные промыслы торговых людей, возникшие на землях Соликамского уезда. Первым из таких промыслов был промысел гостя Г. Л. Никитникова, на котором трудились выходцы из уездов и посадов Поморья. Опираясь на данные переписных книг 1646–1647 гг. и строельных книг 1649 г., Устюгов показал, что бобыли и посадские люди, работавшие на промысле Никитникова, несли тягло и платили бобыльский оброк в составе посадской общины Соли Камской, не попадая в феодальную зависимость от хозяина промысла. Получая сдельную и повременную оплату за свой труд, они являлись наёмными рабочими, трудящимися на предпринимателя[627]. Вольнонаёмный труд также доминировал и

[624]Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М,, 1957. С. 229.
[625] Там же. С. 206–207, 247
[626] Там же. С. 207.
[627]Там же. С. 210–211.

на Лёнвенских промыслах гостей Шустовых и Филатьева. В ходе их тяжбы со Строгановыми в 1697 г. представитель Шустовых отмечал, что многие работники этих промыслов переходили на работу к Строгановым. В связи с этим Устюгов подчёркивал, что факты перехода работных людей с места на место свидетельствуют об отсутствии их зависимости от хозяев промыслов[628].

Однако и Зырянские и Лёнвенские промыслы находились в руках торговых людей сравнительно недолго, а их переход к другим владельцам вёл к прекращению использования на них вольнонаёмного труда. После смерти Никитникова его промыслы были взяты в казну и объединены с казённым Усть-Зырянским промыслом. После того как промысел был взят в казну, его работники получили название бобылей казённых Зырянских усолий. Они были приписаны к промыслу и обязаны работать на нём в принудительном порядке. При этом они освобождались от посадского тягла и подсудности соликамскому воеводе[629]. Говоря об использовании принудительного труда на Зырянских казённых усольях, Устюгов отмечал, что казённый промысел представлял собой исключение, и утверждал, что на других соляных промыслах доминировал вольнонаёмный труд. Однако приведённые им материалы по монастырскому, строгановскому и посадскому солеварению содержали данные, не укладывавшиеся в этот вывод.

Основываясь на сведениях переписных книг, Устюгов утверждал, что промыслы Строгановых до конца 1670-х гг. в основном обслуживались принудительным трудом строгановских крестьян и бобылей. Тем не менее в заключении работы Устюгов делал вывод, что на строгановских промыслах, особенно в конце XVII в. преобладали вольнонаёмные рабочие[630]. Основанием для данного вывода служило имплицитное соотнесение пришлых людей с вольнонаёмными рабочими. Опираясь на крестоприводную книгу 1682 г., сохранившуюся в ЦГАДА в фонде городовых книг по Соли Камской, Устюгов показывал преобладание пришлых людей на лучшем строгановском промысле –

[628] Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957. С. 240–241.
[629] Там же. С. 211–212.
[630] Там же.С. 313.

Новом Усолье. Он писал, что в это время на нём находился 351 пришлый человек и 229 людей, находившихся в зависимости от Строгановых. Однако вольный статус пришлых людей был недолговечным. Так по указу от 5 сентября 1679 г., вводившему подворное обложение, гулящие люди, пришедшие до этого времени в строгановские вотчины, оказались в строгановском тягле и попали в зависимость от Строгановых[631].

Вышеназванное соотнесение пришлых людей с вольнонаёмными работниками служило основанием для вывода Устюгова о преобладании наёмного труда и в монастырском солеварении. Опираясь на данные вышеуказанной крестоприводной книги, он писал, что в 1682 г. в монастырских вотчинах проживало 48 монастырских бобылей и варничных работников и 79 гулящих людей[632]. Однако история монастырских промыслов наглядно демонстрировала противоречие между эксплуатацией наёмных работников и процессами закрепощения населения. Как и в строгановских вотчинах, пришлые люди, оказавшиеся на промыслах Пыскорского монастыря до 1679 г., после указа о введении подворного обложения, попали в зависимость от монастыря и должны были нести монастырское тягло[633]. Данные о постепенном отказе от вольнонаёмного труда содержали и материалы по солеварению Ново-Иерусалимского монастыря. Если в первые шесть лет своего существования (1679–1685 гг.) его варницы обслуживались наёмным трудом бобылей казённых усолий, то в последующие годы на них начал эксплуатироваться принудительный труд. В 1685–1686 гг. на двух варницах монастыря было выдано восемь ссудных записей, а в 1687 г. две заёмные кабалы. Бобыли, получившие деньги в долг по ссудной записи, попадали в зависимость от монастыря и должны были «безотходно» работать на монастырских промыслах. Теоретически, выплатив долг, они могли покинуть промыслы, но, чтобы этого не произошло,

[631]Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957. С. 214.
[632] Там же. С. 214–215.
[633] Там же. С. 241.

монастырские промышленники выплачивали им суммы в несколько раз уступавшие тем, которые были указаны в крепостях[634].

Анализируя эксплуатацию рабочей силы в посадском солеварении, Устюгов также подчёркивал применение на них вольнонаёмного труда. Подтверждая этот тезис, Устюгов сопоставлял данные переписных книг 1678–1679 гг. и дозорных книг 1707–1708 гг. со сведениями документов из фондов Приказных дел старых лет ЦГАДА и Соликамских актов ЛОИИ. Согласно им, посадские люди, трудившиеся варничными приказчиками на промыслах богатых солеваров Суровцевых, являлись тяглецами и состояли полноправными членами посадской общины[635].

Вместе с тем, текст монографии оставлял открытым вопрос об использовании феодального найма в посадском солеварении. Изучая состав населения, проживавшего во дворах владельцев соляных промыслов, Устюгов отмечал, что по переписным книгам 1678–1679 гг. на посаде Соли Камской значилось 78 человек, проживавших во дворах солеваров. Около половины из них (38 человек) составляли лично несвободные люди: кабальные холопы, холопы из пленных поляков и купленные инородцы. Ещё 16 человек проживало по записям до «урочного году», 7 было подворниками, 2 были захребетниками. Наёмными людьми было лишь 4 человека, ещё 4 были варничными приказчиками, а 2 жили из воли без найма. Кроме этого в книгах было отмечено 6 варничных работников без точного указания их отношения к хозяину двора (следует отметить, что при этом перечислении в монографию вкралась опечатка, так как в сумме все указанные лица составляли 79 человек)[636]. Таким образом вольнонаёмные люди составляли меньшинство среди лиц, не имевших своих дворов и проживавших на дворах посадских солеваров. Кроме этого, Устюгов приводил жалобу крупного солевара А. В. Ростовщикова, выступавшего против своего внеочередного избрания таможенным головой в Якутск в 1697 г. Ростовщиков обвинял своих противников в фальсификации мирского выбора и утверждал, что выбор на него

[634] Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957. С. 242–243.
[635] Там же. С. 207–208.
[636] Там же. С. 204.

подписали не полноправные члены мирского схода – лучшие люди посада, а молодшие люди и бобыли, которые являлись должниками его противников и были обязаны им работой[637].

Следует отметить, что в целом в монографии наблюдалось противоречие между выводом о преобладании на соляных промыслах вольнонаёмного труда и приведёнными фактами использования принудительного труда на крупнейшем соляном промысле Прикамья – Зырянских казённых усольях, закрепощения пришлого населения на промыслах Строгановых и Пыскорского монастыря в 1679 г., использования феодального найма на промыслах крупнейших посадских солеваров и недолговечности промыслов торговых людей, использовавших вольнонаёмный труд.

Завершая главу о рабочей силе на соляных промыслах, Устюгов обращался к вопросам классовой борьбы работных людей. Следует отметить, что, следуя традициям историков «старой школы» он уделял классовой борьбе минимальное внимание, ставя в центр своих исследований вопросы развития производительных сил. В монографии о соликамском солеварении, он давал лишь беглую характеристику основных проявлений классовой борьбы, к которым он относил побеги, обращения с челобитными к верховной власти, порчу оборудования промыслов, брань и избиения владельцев и приказчиков[638].

В четвёртой главе монографии, Устюгов рассматривал внутреннюю организацию соляных промыслов и размеры соледобычи. Опираясь на приходно-расходные книги Пыскорского монастыря, он показывал, что основными статьями расходов на промыслах являлись приобретение оборудования и дров. Используя терминологию марксистской политэкономии, он утверждал, что промыслы представляли собой предприятия с высоким органическим составом капитала, так как постоянный капитал (затраты на средства производства) в несколько раз превышал переменный (затраты на рабочую силу)[639]. Говоря о размерах прикамского солеварения, Устюгов делал вывод, что к концу XVII в. на всех

[637]Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957. С. 146, 207–208.
[638] Там же. С. 313–314.
[639]Там же. С. 314.

соликамских варницах вываривалось примерно 7 миллионов пудов в год. При этом он отмечал, что показателем роста соляных промыслов в течение XVII в. являлось семикратное увеличение таможенных сборов с Соли Камской в период с 1620-х гг. до конца XVII в[640].

Последняя пятая глава монографии была посвящена сбыту соликамской соли. Устюгов указывал, что соликамский рынок не мог поглотить всего количества соли, вываривaемого в крае. Он рисовал картину двусторонней рыночной кооперации между Солью Камской с одной стороны и Вятским, а позднее и Кунгурским уездами с другой. Для Соли Камской Кунгур и Вятка служили поставщиками хлеба, являясь в тоже время рынками сбыта для соликамской соли. При этом Устюгов отмечал, что крупнейшим рынком соликамской соли являлся Нижний Новгород. Каждую весну караваны соляных лодий направлялись по Каме и Волге к Нижнему Новгороду, являвшемуся центральным распределительным пунктом для прикамской соли. Из Нижнего Новгорода соль доставлялась вверх по Волге Оке. При этом основную роль играл путь по Оке, по которому соликамская соль поступала в Москву, Смоленск и на Украину[641].

В конце монографии Устюгов кратко повторял основные выводы исследования. Он отмечал, что в солеварении ярче, чем в других отраслях, проявились черты, характерные для капиталистической промышленности: отрыв непосредственных производителей от средств производства, вложение крупных капиталов в промышленность, создание мануфактурных предприятий и использование наёмного труда. Вместе с тем выводы Устюгова были достаточно осторожны, и он указывал, что было бы неверно распространять этот характер на все отрасли производства в XVII в., где феодальные приёмы эксплуатации труда использовались более широко, чем в солеварении[642].

Рассмотренная монография Устюгова стала крупным вкладом в отечественную историческую науку и вызвала широкий отклик со стороны

---

[640]Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957. С. 314.
[641] Там же. С. 314–315.
[642] Там же. С. 315.

отечественных и зарубежных учёных. Свои рецензии на неё опубликовали профессор МГИАИ В. К. Яцунский и академик С. Г. Струмили, являвшиеся официальными оппонентами на её защите в качестве диссертации.

Первым был опубликован отзыв В. К. Яцунского, вышедший в начале 1958 г. В своём отзыве Яцунский давал высокую оценку труду Устюгова, отмечая, что его автору удалось отчётливо показать яркую страницу начальной истории генезиса капитализма России. Он указывал на распространённость игнорирования географических условий исторического процесса среди советских историков и подчёркивал, что работа Устюгова представляла собой одно из немногих счастливых исключений из этого правила[643]. Яцунский полностью поддерживал вывод Устюгова о благоприятных природных условиях как одном из основных факторов стремительного развития соликамского солеварения. Он писал, что отмеченная Устюговым тенденция перемещения в XVII в. центра солеварения из Центральной России на Урал повторилась в следующем столетии в чёрной металлургии. Как и в солеварении, основная причина этого заключалась в том, что природные ресурсы Урала были исключительно благоприятны для освоения их существовавшими в то время техническими средствами. Проводя параллели между развитием солеварения и металлургии на Урале, Яцунский подчёркивал значимость вывода Устюгова о том, что соляные караваны XVII в. связали Урал с центром страны хорошо освоенным водным путём и стали предшественниками железных караванов, доставлявших продукцию уральских заводов на рынок в XVIII в.

Вместе с тем Яцунский отмечал, что многие выводы Устюгова нуждаются в ограничении. Серьёзную критику с его стороны вызвал тезис Устюгова о трансформации соликамских солеварен в течение XVII в. от мелких промыслов к крупным предприятиям мануфактурного типа. Яцунский указывал, что разделение труда на мануфактурных предприятиях порождало специализацию рабочих. Между тем работа мешкодеров, дрововозов и, возможно, водоливов не

[643] Яцунский В. К. Рец. на: Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. // История СССР. 1958. № 1. С. 194.

требовал специальных навыков, и представляла собой низкоквалифицированный труд. В связи с этим следует отметить, что сам Устюгов в тексте монографии писал об отсутствии специализации и совмещении профессий на соляных промыслах[644].

Также Яцунский утверждал, что приведённые Устюговым данные не позволяли говорить о переходе от мелких промыслов к крупным предприятиям. Он указывал, что основная производственная единица – варница, объединявшая всего восемь рабочих, оставалась неизменной на протяжении всего периода, изученного в монографии. При этом он замечал, что по критериям промышленной статистики предприятие, работающее без механического двигателя, признаётся крупным, если на нём трудится не меньше тридцати рабочих. Поэтому, по мнению Яцунского, выявленные Устюговым факты демонстрировали не создание крупных предприятий, а концентрацию многих мелких предприятий в руках немногих предпринимателей[645].

Кроме этого Яцунский критиковал тезис Устюгова о том, что в XVII в. в Прикамье протекал процесс первоначального накопления, приводивший к отрыву крестьян от земли. Он указывал, что в феодальной деревне всегда имелись непашенные крестьяне и бедняки, трудившиеся в чужих хозяйствах, и те 132 крестьянина, которые за три десятилетия перебрались на соляные промыслы, вполне могли принадлежать к этим элементам[646]. Опровергая тезисы Устюгова о наличии мануфактуры в солеварении и первоначального накопления в прикамской деревне, Яцунский фактически опровергал основной вывод Устюгова о генезисе капитализма в солеваренной промышленности Соли Камской в XVII в. Это было связано с тем, что согласно трудам К. Маркса капитализм возникал в результате процесса первоначального накопления, а определяющим признаком возникновения капитализма являлось наличие мануфактур. Вместе с тем в заключении рецензии Яцунский смягчал свою критику и признавал выводы

[644] Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М,, 1957. С 218–219. Яцунский В. К. Указ соч. С. 194.
[645] Яцунский В. К. Указ соч. С. 194.
[646] Там же. С. 195.

Устюгова при условии внесения в них определённых ограничений. Не отрицая сам процесс генезиса капитализма в солеварении, он писал, что в XVII в. происходила лишь его начальная стадия[647].

Кроме исторических, Яцунский критиковал и экономические выводы Устюгова. Он не соглашался с устюговским тезисом о том, что постоянный капитал на соляных промыслах превышал переменный. По мнению, Яцунского в число затрат на рабочую силу, составлявших переменный капитал, следовало включить затраты на дрова. Данный тезис аргументировался им тем, что заготовка дров нередко проводилась работными людьми солеваров, а фактическое отсутствие лесной ренты приравнивало цену дров к оплате труда за их рубку и доставку[648]. Включение затрат на дрова в переменный капитал разрушало тезис Устюгова о высоком органическом составе капитала в солеваренной промышленности, что служило признаком низкого технического уровня солеварения.

Также Яцунский полагал, что Устюгов несколько завышал размер прибыли получаемой солеварами, так как он вычислял её по отношению к оборотному (денежным вложениям в производство), а не основному капиталу (стоимости средств производства). Отмечая, что состояние источников не позволяло определить стоимость основного капитала на солеваренных промыслах, Яцунский указывал, что автор монографии должен был оговорить это обстоятельство. Кроме того, по мнению Яцунского, завышение размеров прибыли солеваров в монографии было связано с неиспользованием Устюговым категории горной ренты, связанной с различиями в производительности труда в зависимости от природных условий. Яцунский отмечал, что благоприятные природные условия делали горную ренту соликамских солеваров весьма высокой. При этом Яцунский с сожалением отмечал, что категорию горной ренты не использовало

[647] Яцунский В. К. Указ соч. С. 196.
[648] Там же. С. 195.

большинство советских историков промышленности, включая ведущего историка-экономиста С. Г. Струмилина[649].

Позднее, летом 1958 г. была опубликована рецензия Струмилина. Будучи в отличие от Яцунского сторонником раннего генезиса капитализма в России, Струмилин полностью поддерживал вывод Устюгова о мануфактурном производстве в прикамском солеварении в XVII в. и капиталистической природе солеваренных мануфактур[650]. Следуя требованиям жанра рецензии, он также выдвигал ряд замечаний к работе Устюгова. Не понимая устюговского тезиса о том, что варницы могли обеспечить работой около 4 000 человек, Струмилин полагал, что, по мнению Устюгова, на них фактически трудилось столько работников. После этого он подробно опровергал данный вывод, приводя обширный фактический материал из монографии Устюгова, свидетельствовавший, что на рубеже 1670-х– 1680-х гг. всё население на посаде и в уезде Соли Камской составляло менее 3 000 человек[651]. Также Струмилин выдвигал теоретическое замечание, связанное с тем, что Устюгова в своей работе одновременно говорил о первоначальном накоплении капитала и мануфактурном производстве. По мнению Струмилина данное сочетание противоречило учению Маркса, связывавшего мануфактуры с капитализмом и называвшего первоначальное накопление докапиталистическим. Поэтому, не отрицая вывод о мануфактурном производстве на соляных промыслах, он полагал, что стадия первоначального накопления была к этому времени в солеварении уже пройдена[652].

Появление монографии Устюгова вызвало отклик не только в Советском Союзе, но и за рубежом. Весной 1958 г., ещё до выхода рецензии Струмилина в СССР, во Франции была опубликована рецензия на монографию Устюгова, принадлежавшая перу ведущего французского слависта Р. Порталя. В своей рецензии Порталь соглашался с основными выводами Устюгова. Он поддерживал

---

[649] Яцунский В. К. Указ соч. С. 195.
[650] Струмилин С. Г. Рец. на: Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. // Вопросы истории. 1958. № 8. С. 173.
[651] Там же. С. 174.
[652] Там же. С. 174–175.

его тезис о появлении первых капиталистических черт в солеварении в XVII в. и повторял его оговорку о том, что солеваренная промышленность являлась исключительной отраслью, в которой капиталистические отношения проявились наиболее сильно[653]. При этом он отмечал, что труд Устюгова имеет серьёзные преимущества перед работой французских историков, представителей школы «Анналов» П. Жанена и Ж. ле Гоффа, выпустивших в 1956 г. «Список вопросов для изучения роли соли в истории XIV–XVII вв». Порталь указывал, что в отличие от французских историков, сосредоточенных на изучении соляного товарооборота и почти не затрагивавших социальные вопросы, Устюгов поставил в центр своего исследования человека, занятого в соляной промышленности[654].

Подводя итоги, следует отметить, что важнейшими достижениями Устюгова в изучении отечественной промышленности XVII в. стали выявление и обобщение огромного фактического материала по истории солеваренной промышленности Соли Камской в указанное столетие. Будучи добросовестным исследователем, Устюгов не замалчивал явления, не вписывавшиеся в его теорию, и приведённые в исследовании факты демонстрировали, что развитие соликамского солеварения не укладывалось полностью в созданную им в ходе работы над монографией концепцию раннего генезиса капитализма в России. Вместе с тем следует отметить, что оппоненты Устюгова, опровергавшие его концепцию, использовали для его критики фактический материал, представленный им же в его монографии.

3-5. Изучение истории русского крестьянства XVII–XVIII вв.

Первые послевоенные годы стали для Устюгова временем заметного расширения тематики его исследований социально-экономической истории России XVII в. В это время он обратился не только к истории отечественной торговли указанной эпохи, но и к истории русского крестьянства данного

[653] Portal R. A propos du sel // Revue historique. 1958. T. 219. № 446. P. 326.
[654] Ibid. P. 327.

столетия. В 1947 г. он опубликовал рецензию на монографию В. И. Шункова «Очерки по истории колонизации Сибири в XVII –начале XVIII века», где указал в качестве недостатка рассматриваемой работы игнорирование Шунковым противоречий между русскими крестьянами и коренными жителями Урала и Сибири. Как и в работах по истории Башкирии, Устюгов уделял в данной рецензии значительное внимание социально-психологическим факторам данных противоречий и указывал, что различия в социальной психологии русских и коренных народов были обусловлены различиями в организации их хозяйства. Он писал, что русские крестьяне, будучи земледельцами, рассматривали осваиваемые ими незаселённые и нераспаханные земли как «пустые». Однако представители коренных народов, занимавшиеся кочевым скотоводством, не считали данные земли «пустыми» и рассматривали их как районы своих кочёвок или охотничьих угодий. Данная разница в восприятии осваиваемых земель неизбежно вызывала конфликты между русскими и коренными народами[655]. При этом Устюгов рассматривал сопротивление коренных народов исключительно как неблагоприятный фактор, препятствовавший русскому крестьянству в выполнении его основной задачи – создания сибирского земледелия. Он называл создание земледелия в Сибири важнейшей государственной задачей и подчёркивал, что оно носило прогрессивный характер, вызывая развитие производительных сил края[656].

Дальнейшее изучение Устюговым истории русского крестьянства XVII–XVIII было связано с его участием в работе Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. План проведения ежегодных сессий данного симпозиума был разработан Комиссией по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Данная комиссия входила в состав Института истории АН СССР, и Устюгов активно участвовал в её работе с момента её создания в 1952 г. В то время, когда происходила организация Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, Устюгов приступил к подготовке новой монографии, посвящённой крестьянам

[655] Устюгов Н. В. Рец. на: Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII–начале XVIII века // Вопросы истории. 1947. № 6. С. 134.
[656] Там же. С. 135.

Зауралья в XVIII столетии. Уделяя, как и в прежних своих работах, значительное внимание природно-географическому фактору, он предполагал показать в ней, как русские переселенцы превратили этот край в житницу промышленного Урала, перестроив своё хозяйство под воздействием его природных условий[657]. Основные тезисы будущей работы были впервые обнародованы Устюговым на первой сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в 1958 г. Поскольку инициатором проведения данного симпозиума выступила Академия наук Эстонской ССР, его первая сессия прошла в Таллине[658].

На таллинской сессии Симпозиума Устюгов выступил с пленарным докладом «Из истории русской крестьянской колонизации Южного Зауралья в XVIII в.», в котором кратко обрисовал основные сюжеты планируемого монографического исследования[659]. Географическими рамками работы являлись земли Исетской провинции, располагавшейся на территориях двух современных областей: восточной части Челябинской и западной части Курганской. Основное содержание выступления Устюгова было посвящено направлению и хронологии русской колонизации данного края.

Анализируя вышеназванные аспекты русского освоения Зауралья, он показал взаимосвязь крестьянской и правительственной колонизации, проявлявшуюся в потребности крестьян в правительственных войсках, которые могли обеспечить защиту их поселений от кочевников[660]. Один из ведущих специалистов по русской аграрной истории XVII в. – Н. А. Горская отмечала, что, выдвигая тезис о взаимной обусловленности двух разновидностей колонизации, Устюгов следовал за М. К. Любавским, подробно рассматривавшим взаимосвязь правительственной политики и расселения русского народа. Следует отметить, что описание взаимодействия правительственной и вольной колонизации

---

[657] Преображенский А. А. Творческий путь Николая Владимировича Устюгова // Города феодальной России. М., 1966. С. 13.

[658] Швейковская Е. Н. К пятидесятилетию Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2009. Кн. 1. С. 7–8.

[659] Комиссаренко А. И. Николай Владимирович Устюгов – участник сессий симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. 1958–1963 гг. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2009. Кн. 1. С. 31.

[660] Устюгов Н. В. Из истории русской крестьянской колонизации Южного Зауралья в XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1958. Таллин, 1959. С. 34–36.

встречалось в советской историографии и раньше[661], однако вывод об их взаимной обусловленности был сформулирован именно Устюговым. Позднее, во многом под влиянием Устюгова, этот тезис закрепился в советской историографии и нашёл отражение в работах В. Г. Мирзоева, А. А. Кондрашенкова, А. Д. Колесникова, Н. Ф. Емельянова и Н. И. Никитина[662].

Кратко обрисовав основные этапы русского продвижения в Зауралье, начавшегося в 1670-е гг., Устюгов рассмотрел результаты, которых достигла русская колонизация края к концу XVIII в. На основе материалов пятой ревизии, он показал, что к 1790-м гг. русские составляли четыре пятых населения Зауралья. В социальном плане население края в это время было в основном крестьянским: 62, 3 % жителей принадлежало к крестьянам, подавляющее большинство которых являлось государственными[663]. Устюгов показал в своей статье постепенную перестройку хозяйства русских крестьян под влиянием климатических условий края: заморозки и засухи вынудили их отказаться от традиции использования в качестве основной продовольственной культуры озимой ржи в пользу яровой пшеницы, приносившей на данных территориях заметно больший урожай.

Ещё во время защиты докторской диссертации Устюгова среди её участников возникла дискуссия о социальном расслоении черносошного крестьянства в XVII в. Против этого тезиса активно выступил Яцунский, позиция которого была печатно изложена в рецензии на монографию Устюгова о соликамском солеварении. Свои взгляды на возникновение российского капитализма Яцунский высказал в статье «Основные этапы генезиса капитализма в России», вышедшей весной 1958 г. Он утверждал, что в XVII в. в России возникли лишь отдельные элементы капиталистических отношений, а формирование капиталистического уклада произошло лишь в последней трети XVIII в[664]. Данная позиция была близка ко взглядам Н. Л. Рубинштейна, А. М.

---

[661]Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.-Л.,1948. С. 293–307.

[662] Горская Н. А. Русская феодальная деревня в историографии XX века. М., 2006. С. 42.

[663] Устюгов Н. В. Из истории русской крестьянской колонизации Южного Зауралья в XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1958. Таллин, 1959. С. 38.

[664] Яцунский В. К. Основные этапы генезиса капитализма в России // История СССР. 1958. № 5. С. 59–91.

Панкратовой и Н. М. Дружинина, относивших возникновение капитализма в России к 1740–1760-м гг[665].

Основные положения вышеназванной статьи были изложены Яцунским в пленарном докладе на второй сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, состоявшейся в 1959 г. в Москве. Критикуя в своём выступлении сторонников раннего генезиса капитализма, он заявлял, что они делают выводы о динамике на основе статичного материала[666]. Яцунский доказывал, что возникавшее среди русских крестьян в XVI–XVII вв. неравенство принципиально не меняло социальной структуры деревни, так как ростки буржуазных отношений в это время возникали в сфере неземледельческих занятий крестьянства. Позицию Яцунского поддержали ленинградский историк А. Л. Шапиро и выдающийся медиевист С. Д. Сказкин, доказывавший укрепление феодальных отношений в Восточной Европе в период позднего Средневековья[667]. Доклад Яцунского вызвал новый виток дискуссии о социальном расслоении крестьянства и генезисе капитализма в России. С возражениями против позиции Яцунского выступил Устюгов. Он привёл данные об отрыве от земли крестьян Соликамского уезда, взятые из своей докторской диссертации, и дополнил их аналогичными данными по Великому Устюгу за 1650-е–1670-е гг., приведёнными в работе Ю. А. Тихонова и А. Ц. Мерзона[668].

Дискуссия о социальном расслоении крестьянства была продолжена на третьей сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, состоявшейся в 1960 г. в Киеве. На этой сессии с пленарным докладом по данной проблеме выступил Устюгов. Позднее его доклад был опубликован в расширенном виде в журнале «История СССР» под названием «К вопросу о

---

[665] Данилова Л. В., Клокман Ю. Р. Указ. соч. С. 187–190. Дубровский А. М. Указ. соч. С. 614.

[666] Комиссаренко А. И. Николай Владимирович Устюгов - участник сессий симпозиума по аграрной истории Восточной Европы… С. 32.

[667] Швейковская Е. Н. К пятидесятилетию Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография, методы исследования, методология, опыт и перспективы. Вологда, 2009. Кн. 1. С. 14.

[668] Комиссаренко А. И. Николай Владимирович Устюгов - участник сессий симпозиума по аграрной истории Восточной Европы… С. 32–33.

социальном расслоении русской черносошной деревни XVII в.» [669]. В своём выступлении он привёл материалы из своей работы о соликамском солеварении, дополнив их данными из работ своих учеников В. Л. Бушуевой, А. А. Преображенского, Ю. А. Тихонова и П. А. Колесникова, посвящённых, соответственно, чепецкой удмуртской деревне, Кунгурскому уезду, Великому Устюгу и Тотемскому уезду. Кроме того Устюгов привёл данные из переписных книг Яренского уезда, изученных им фондах ЦГАДА. Он утверждал, что во всех вышеназванных материалах присутствовали свидетельства о наличии в XVII в. социального расслоения черносошного крестьянства и возникновении в его среде ростков будущего капитализма. Подтверждая данную точку зрения, он приводил факты отрыва крестьян от земли и их найма на соляные промыслы Соли Камской, Тотьмы и Серегово. Также крестьяне, оторвавшиеся от земли, нанимались для обслуживания водного транспорта на Сухоне, Северной Двине, Вычегде, Каме, Сылве и Чусовой. Кроме того Устюгов приводил факты найма деревенской бедноты на определённый срок в хозяйства богатых крестьян в Кунгурском и Устюжском уездах[670]. В целом в статье был приведён значительный объём данных, свидетельствующих об использовании наёмного труда в черносошных уездах в XVII в. При этом в отличие от предыдущих работ в данной статье Устюгов не проводил разницы между феодальным и капиталистическим наймом.

Кроме этого данная статья имела и другое серьёзное отличие от предыдущих работ Устюгова, посвящённых возникновению капитализма в России. Если в монографии о соликамском солеварении Устюгов связывал ранний генезис капитализма в первую очередь с использованием вольнонаёмного труда, то теперь он ещё одним признаком генезиса капитализма складывание всероссийского рынка[671]. Следует отметить, что, говоря о связи между складыванием всероссийского рынка и генезисом капитализма, Устюгов повторял точку зрения Новосельского, изложенную в предисловии к тому «Очерков

[669] Устюгов Н. В. К вопросу о социальном расслоении русской черносошной деревни XVII в. // История СССР. 1961. № 6. С. 60–79.
[670] Там же. С. 62–78.
[671] Там же. С. 79.

истории СССР», посвящённому XVII в. Доказывая тезис о развитии рыночных отношений среди черносошного крестьянства, Устюгов приводил данные о производстве товарного хлеба в удмуртских деревнях на Чепце, Кунгурском и Устюжском уездах[672]. Вместе с тем он проявлял осторожность в итоговых выводах и подчёркивал, что социальное и хозяйственное развитие России в XVII в. носило противоречивый характер. Наряду с тенденцией к возникновению капиталистических отношений в нём присутствовала тенденция к укреплению феодализма, проявлявшаяся в усилении барщинной эксплуатации и юридическом оформлении крепостного права. Завершая свою статью, он писал, что не следует переоценивать развитие капиталистических отношений в России XVII в., замечая при этом, что «не видеть вполне очевидных фактов тоже нельзя»[673].

В ходе выступления Устюгова на симпозиуме, его позицию поддержали его ученик Ю. А. Тихонов и украинские историки В. В. Грабовецкий, В. Ф. Инкин, И. Г. Шульга, и В. А. Маркина. Но с возражениями против тезисов Устюгова выступили Б. Б. Кафенгауз, А. Г. Маньков и выдающийся специалист по аграрной истории Англии В. М. Лавровский, утверждавшие, что расслоение крестьянства, происходившее в XVII в. по своей природе являлось расслоением феодальным. Отвечая своим оппонентам, Устюгов указывал на противоречивость развития России в XVII столетии и отмечал, что основой его построений о социальном расслоении крестьян в XVII в. являлись не факты их имущественного неравенства, а происходившее в это время усиление эксплуатации наёмного труда в промышленности и сельском хозяйстве[674].

На следующей сессии симпозиума по аграрной истории, состоявшейся в 1961 г. в Риге с пленарным докладом, содержавшим основные положения концепции Устюгова, выступили его ученики и младшие коллеги А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов и Е. И. Индова. В развернувшихся прениях по докладу Устюгов активно отстаивал позицию его авторов. Возражая своим

---

[672]Устюгов Н. В. К вопросу о социальном расслоении русской черносошной деревни XVII в. // История СССР. 1961. № 6. С. 63–66.

[673] Там же. С. 79.

[674] Комиссаренко А. И. Николай Владимирович Устюгов - участник сессий симпозиума по аграрной истории Восточной Европы… С. 33–34.

оппонентам, А. Л. Шапиро и Н. Л. Рубинштейну, он упрекал их в игнорировании трудов А. Н. Сперанского, детально показавшего переход к использованию наёмного труда в казённом строительстве в XVII в. Формулируя свою позицию, Устюгов говорил: «никто не утверждает, что в XVII в. существовал капитализм в обычном понимании этого слова. Мы говорим лишь о том, что социально-экономическое развитие XVII в. противоречиво, и что наряду с укреплением феодальной формации <…> мы отмечаем <…> новые явления, которые в своём дальнейшем развитии превращаются в капиталистические»[675].

Параллельно с изучением вопроса о социальном расслоении русской черносошной деревни, Устюгов продолжал свои исследования по крестьянской колонизации Южного Зауралья. В 1960 г. он выступил с докладом «Основные черты русской колонизации Южного Зауралья в XVIII в.» на конференции по истории Сибири и Дальнего Востока в Иркутске. В данном выступлении он ясно выдвинул тезис о взаимосвязи вольной и правительственной колонизации. Устюгов утверждал: «Правительственная и вольная колонизация – два параллельных процесса, взаимно обусловленных, тесно друг с другом связанных, немыслимых один без другого»[676]. Он писал, что в освоении Южного Зауралья особенно отчётливо проявилась связь двух направлений русской колонизации, и утверждал, что условием успешного развития сельского хозяйства русских переселенцев в Зауралье являлась надёжная оборона границ со степью[677]. Если в предыдущей статье он показывал потребность крестьян в правительственной защите, то в данной работе он продемонстрировал зависимость правительственных гарнизонов от поставок крестьянами продовольствия. Устюгов показал, как правительство в течение XVIII в. искало наиболее выгодную форму крестьянских повинностей, позволяющую максимально эффективно обеспечить продовольственные поставки для крепостей: в начале столетия крестьяне Южного Зауралья обрабатывали «государеву десятинную

[675] Комиссаренко А. И. Николай Владимирович Устюгов - участник сессий симпозиума по аграрной истории Восточной Европы… С. 35.
[676] Устюгов Н. В. Основные черты русской колонизации Южного Зауралья в XVIII в. // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 67.
[677] Там же. С. 74.

пашню», заменённую в 1743 г. натуральным хлебным оброком, который, в свою очередь, в 1783 г. был переведён в денежную форму.

Активно занимаясь проблемами формирования всероссийского рынка, Устюгов обратился к изучению хлебного рынка Южного Зауралья. В последние годы жизни он систематически изучал в ЦГАДА материалы таможен Исетского, Красногорского, Мехонского острогов, Архангельской, Бешкильной, Ингалинской, Миасской и Терсютской слобод Исетского дистрикта, содержавшие данные о торговых связях населения Зауралья с соседними территориями[678]. Однако написать какое-либо исследование по изученным материалам он не успел.

Характерной особенностью статей Устюгова по истории колонизации южного Зауралья являлась свобода от идеологической догматики, связанная с тем, что в статьи в научных сборниках подвергались менее жёсткому идеологическому контролю, чем монографические работы и разделы в обобщающих трудах. Внешним проявлением этой свободы служило отсутствие в них ссылок на труды классиков марксизма-ленинизма. Но наиболее глубокие отличия данных работ от идеологизированных трудов были связаны с оценкой деятельности самодержавного государства. Также как в работах о вольных хлебопашцах и башкирских восстаниях, в этих статьях Устюгов демонстрировал надклассовую роль государства, проявлявшуюся в данном случае в создании укреплённых линий, предохранявших крестьянские поселения от набегов кочевников.

Занимаясь проблемами крестьянской колонизации Зауралья, Устюгов не оставлял вопрос о генезисе капитализма в России. Наряду с Ю. А. Тихоновым и П. Т. Яковлевой он стал одним из редакторов, вышедшего в 1961 г. сборника статей «Русское государство в XVII в. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни», в котором подчёркивались капиталистические явления в российской действительности XVII столетия[679].

---

[678] Дёмина Т. А. Проблемы истории крестьянства Южного Зауралья в научном наследии Н. В. Устюгова // Советская историография отечественной истории. М., 1988. С. 108.

[679] Преображенский А. А. Предприниматели Тумашевы в XVII в. // Русское государство в XVII в. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни. М., 1961.С. 110–130. Колесников П. А. Организация

Кроме этого Устюгов стал одним из инициаторов дискуссии о социальном расслоении крестьянства, проходившей в 1962–1963 гг. на страницах журнала «История СССР»[680].

В то же время препятствием на пути активной творческой деятельности Устюгова стали проблемы со здоровьем. Когда летом 1963 г. Устюгов отдыхал в санатории АН СССР «Узкое», врачи указывали ему на серьёзную болезнь сердца и настойчиво рекомендовали проявлять осторожность. Но он продолжал активно строить планы будущих работ[681]. В сентябре 1963 г. он поехал в Вильнюс на шестую сессию Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, на которой руководил второй секцией, посвящённой аграрной истории XVII–XVIII вв. Кроме научного руководства работой секции, он активно занимался организацией досуга участников Симпозиума. После завершения основной работы Симпозиума, 24 сентября 1963 г. во время подготовки итогового отчёта секции с Устюговым случился сердечный приступ, и в тот же день он скончался в одной из больниц Вильнюса. 27 сентября 1963 г. Николай Владимирович Устюгов был похоронен в Москве на Введенском кладбище.

Исследования Устюгова по истории русского крестьянства были посвящены двум основным проблемам: крестьянской колонизации южного Зауралья в XVIII в. и социальному расслоению крестьянства на Русском Севере в XVII в. При этом его работы по данным проблемам серьёзно различались по степени отражения в них официальной марксистско-ленинской идеологии. В работах по крестьянской колонизации южного Зауралья идеологическое влияние проявлялось гораздо слабее, чем в работах по социальному расслоению крестьян на Русском Севере. Тем не менее ещё в 1970–1980-е гг. вывод Устюгова о взаимной обусловленности правительственной и вольной колонизации был принят большинством советских исследователей, в то время как вывод о начале социального расслоения на

нижнесухонских носников в XVII в. // Русское государство в XVII в. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни. М., 1961. С. 181–200.

[680] Троицкий С. М. Указ. соч. С. 38.

[681] Неусыхин А. И. Несколько воспоминаний о встречах с Н. В. Устюговым // Города феодальной России. М., 1966. С. 25.

Русском Севере в XVII в. так и не закрепился в советской исторической науке, несмотря на своё внешнее соответствие официальной идеологии.

Следует отметить, что в целом влияние марксистско-ленинской идеологии проявлялось в работах Устюгова по истории России раннего Нового времени неравномерно. В частности, его труды по истории российских приказов, метрологии, сфрагистике и геральдике, оказались почти не затронуты влиянием официальной идеологии. Напротив, его работы, посвящённые социально-экономическому развитию России XVII в. и возникновению в ней капиталистического уклада, подверглись значительному влиянию марксистско-ленинского учения. Вместе с тем данные работы стали и наиболее дискуссионной частью его творческого наследия. Дискуссии вокруг созданной Устюговым концепции раннего генезиса капитализма в России продолжались в течение нескольких десятилетий и наглядно продемонстрировали неразрешимую проблему советской историографии, связанную с несоответствием исторического развития отдельных стран универсальной схеме исторического процесса, закреплённой в теории формаций.

Заключение

Проведённое нами исследование творческого пути Николая Владимировича Устюгова позволяет выделить в нём три периода, различающиеся по характеру научной деятельности учёного: 1) формирование исторических взглядов, 2) формирование исследовательской тематики, 3) разработка избранных тем.

Хронологические рамки первого периода охватывают время от поступления Устюгова в Челябинское духовное училище (1907 г.) до начала его работы в Московской группе Историко-археографического института АН СССР (1934 г.). В эти годы происходило формирование двух компонентов исторических взглядов Устюгова: общественно-политического и научного. Общественно-политический компонент исторических взглядов Устюгова формировался во многом под влиянием семьи. Будучи сыном сельского священника, сохранившим связь с отцом в годы гонений на церковь, Устюгов не вступил в коммунистическую партию и не стал приверженцем партийности в науке.

Научный компонент исторических взглядов Устюгова сформировался в ходе получения им профессиональной исторической подготовки. Получение Устюговым исторического образования в 1922–1924 гг. на Факультете общественных наук МГУ определило его принадлежность к первому поколению советских историков. В отличие от историков последующих советских поколений, его представители получали образование в условиях идеологического разномыслия, связанного с существованием различных версий марксистского учения и возможностью относительно свободного выражения немарксистских взглядов. Данное обстоятельство позволило Устюгову в годы обучения в университете усвоить немарксистские взгляды своих учителей, историков «старой школы». Среди университетских наставников Устюгова следует выделить Д. М. Петрушевского, привившего ему высокий профессионализм источниковедческого анализа, и В. И. Пичету, и А. И. Яковлева, повлиявших на усвоение им позитивистской методологии исследования и представлений о надклассовой роли государства. Именно позитивизм являлся методологической основой первой

крупной работы, выполненной Устюговым после окончания университета – исследования об увольнении крестьян в вольные хлебопашцы по духовным завещаниям. Данное исследование было начато Устюговым в тот период, когда он посещал кружок С. В. Бахрушина. Занятия в бахрушинском кружке оказали значительное влияние на формирование исторических взглядов и тематики исследований Устюгова. При этом необходимо иметь в виду, что данное влияние носило опосредованный характер и было связано не столько с деятельностью самого Бахрушина, сколько с деятельностью одного из участников его кружка – А. Н. Сперанского. Следует отметить, что в годы своих занятий в кружке Бахрушина, Устюгов был вынужден проводить исторические исследования в свободное от основной работы времени. Это было вызвано сокращением возможностей для работы профессиональных историков в 1920-е гг., вынудившим его с 1923 по 1934 гг. работать в различных библиотеках. Только устройство в 1934 г. на работу по договору в бригаду А. Н.Сперанского, входившую в состав Московской группы Историко-археографического института АН СССР, позволило Устюгову приступить к профессиональным занятиям исторической наукой.

Устройство Устюгова в 1934 г. в бригаду А. Н.Сперанского служит нижней границей второго периода его творческого пути. Верхней границей данного период служит возвращение Устюгова в 1945 г. к научным исследованиям, прерванным Великой Отечественной войной. Сотрудничество со Сперанским оказало решающее влияние на дальнейший творческий путь Устюгова, отразившись на его научной карьере, тематике его исследований и его подходах к изучаемым темам. Отражением данного сотрудничества на карьере Устюгова стали его устройство в 1935 г. в штат Историко-археографического института (с 1936 г. Институт истории АН СССР), начало в 1938 г. преподавательской деятельности в Историко-архивном институте (с 1947 г. МГИАИ) и защита в 1938 г. кандидатской диссертации, представлявшей собой предисловие к одному из трудов, готовившихся под руководством Сперанского. Влияние сотрудничества со Сперанским на тематику исследований Устюгова проявилось в его обращении

к социально-экономической истории России XVII в. и вспомогательным историческим дисциплинам. Влияние Сперанского на научные подходы Устюгова проявилось в том, что, изучая социально-экономическую историю России XVII в., он уделял основное внимание развитию товарного производства и использованию наёмного труда. Следует отметить, что в сосредоточении Устюгова на данных вопросах проявилось влияние не только Сперанского, но и Бахрушина.

Начало профессиональных занятий Устюгова исторической наукой совпало с её возрождением в Советском Союзе, вызванном задачами патриотического воспитания народных масс. Последовавшее в связи с этим активное привлечение к историческим исследованиям учёных «старой школы» и их учеников открыло перед ними широкие возможности для научной работы. Вместе с тем следует отметить, что, получив возможность профессионально работать, историки «старой школы» и их ученики были вынуждены приспосабливать свои труды к требованиям марксистско-ленинской идеологии. Наиболее ярко приспособление Устюгова к официальному идеологическому курсу проявилось в его работах по истории народов СССР, активно изучавшейся им со второй половины 1930-х гг. Обращение Устюгова к данной тематике было связано с его участием в написании обобщающих трудов по истории СССР, подготовка которых была в то время объявлена приоритетной задачей советских историков. Изучая историю народов СССР, Устюгов уделял основное внимание башкирским восстаниям XVII–XVIII вв. Работая над данной темой, Устюгов внешне принимал господствовавшее в довоенные годы положительное отношение к данным историческим явлениям. Однако, будучи противником такой оценки башкирских восстаний, он включал в свои работы факты и тезисы, противоречившие официальному идеологическому курсу и подчёркивавшие негативные стороны данных движений.

В целом, в процессе формирования исследовательской тематики Н. В. Устюгова выделяются две закономерные тенденции: размещение в центре его интересов социально-экономической тематики и обращение к истории народов СССР. Данные явления были обусловлены как идеологическими, так и внутринаучными факторами. Данные направления научных исследований

соответствовали официальной марксисткой идеологии, ориентировавшей историков на изучение экономического базиса общества и истории угнетённых групп населения. Вместе с тем, социально-экономическая история являлась приоритетной темой не только для марксистов, но и для учителей Устюгова – историков-позитивистов, также считавших экономику одной из важнейших сфер жизни общества. Активное изучение истории народов СССР во второй половине 1930-х гг. было связано с необходимостью идеологической переоценки данной тематики, но привлечение к нему значительных научных сил было вызвано внутринаучными факторами, основным из которых являлась её слабая изученность в дореволюционной историографии. Обусловленность выбора данных тем логикой научного поиска привела к тому, что Устюгов продолжил исследования по ним и в послевоенные годы.

Возвращение Устюгова в 1945 г. к научной деятельности стало началом третьего периода его творческого пути, завершившегося с его смертью в 1963 г. В эти годы ему удалось добиться значительных результатов в изучении тем, избранных им в 1930-е гг. Изучая историю Башкирии, он сформулировал концепцию «свободного вассалитета» башкир, объяснявшую причины башкирских восстаний XVII – первой половины XVIII вв. Разработка Устюговым концепции «свободного вассалитета» была связана с его участием в подготовке обобщающих трудов по истории Советского Союза, продолжавшейся в послевоенные годы. Его работа над данными трудами наглядно демонстрирует сковывающее влияние колебаний официального идеологического курса на историков в 1940–1950-х гг. Постоянная переоценка прошлого и страх совершить непоправимую идеологическую ошибку заставляли историков неоднократно переделывать уже готовые труды. Только ослабление идеологического контроля в середине 1950-х гг. позволило завершить работу над данными трудами и опубликовать их. Приспосабливаясь к изменениям идеологического курса Устюгов несколько раз менял оценку башкирских восстаний в соответствии с действующей партийной линией. Вместе с тем в его работах по истории Башкирии можно выделить инвариантную основу, остававшуюся неизменной,

независимо от идеологической ситуации. К этой инвариантной основе относились указания на наличие патриархальных пережитков в башкирских социальном строе и лидирующую роль представителей знати в башкирских восстаниях, положительная оценка русской колонизации Башкирии и акцентирование негативных сторон башкирских восстаний. Следует отметить, что значительное воздействие официальной идеологии на исследования Устюгова по истории Башкирии было связано с высокой политической значимостью данной тематики. В то же время исследования Устюгова по менее политизированным темам (таким как история приказов или вспомогательные исторические дисциплины) развивались в основном под действием внутринаучных факторов и подвергались гораздо меньшему идеологическому давлению.

Одновременно с завершением подготовки обобщающих трудов по истории СССР, Устюгов окончил работу над своим главным трудом по социально-экономической истории России XVII в. – монографией о соликамском солеварении, защищённой им в качестве докторской диссертации в 1956 г. Данная монографию обобщала огромный фактический материал и рисовала масштабную панораму развитию солеваренной промышленности Прикамья в XVII в. Помимо богатства приведённого материала она отличалась теоретической глубиной и содержала основные положения концепции раннего генезиса капитализма в России. Дальнейшая разработка данной концепции заставила Устюгова обратиться к истории черносошного крестьянства Русского Севера и поиску в его среде социального расслоения. Результаты данной работы были изложены Устюговым на нескольких сессиях Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы.

Изучение концептуальных построений, содержавшихся в послевоенных работах Устюгова, демонстрирует, что, он принимал в марксистской методологии в первую очередь элементы, сближавшие её с позитивизмом: внимание к экономической основе общества и представление о прогрессе, связанном с развитием производительных сил. Кроме того, Устюгов сохранил в своих работах ряд элементов позитивистской методологии (стремление к построению

обобщений на основе максимального числа изученных фактов, акцентирование природно-географического и социально-психологического факторов исторического процесса) и представление о надклассовой роли государства, унаследованные им от историков старой школы. Однако концепции Устюгова строились в рамках формационной схемы исторического процесса и отражали в себе присущее ей противоречие, связанное с несоответствием между универсальной абстрактной схемой и конкретной исторической действительностью. Порождённая данным противоречием уязвимость устюговских концепций стала одной из причин отказа самого Устюгова от концепции «свободного вассалитета» и позволила его коллегам подвергнуть убедительной критике концепцию раннего генезиса капитализма в России.

Создание концепции раннего генезиса капитализма вызвало широкую дискуссию о возникновении капиталистического уклада в России, в которой позиции Устюгова отстаивали его ученики. Следует отметить, что для них, также как и для самого Устюгова была характерна преемственность с представителями московской школы русской дореволюционной историографии. Продолжая исследования своего учителя, они сохраняли верность его методологическим принципам, уделяя приоритетное внимание социально-экономической истории и подтверждая полученные выводы обширным фактическим материалом. Это позволяет говорить, что в своей педагогической деятельности Устюгов выступил связующим звеном между учёными «старой школы» и представителями советской послевоенной историографии.

Для творчества Устюгова было характерно активное освоение ранее неизученных тем, и стремление к концептуальному осмыслению прошлого. И хотя его концепции не утвердились в советской историографии, они сыграли большую роль в развитии отечественной исторической науки.

Список источников и литературы

Источники

1. Историографические источники

1-1. Неопубликованные источники

Архив РАН (АРАН).

Ф. 1535 – Николай Владимирович Устюгов.

Оп. 1. Ед. хр. 22, 39, 51, 299

Научный архив Института российской истории РАН (НА ИРИ РАН).

Ф. 1. Раздел «А»

Оп. 1. Д. 50 а, 50 в, 50 г, 50 ж, 50 з, 50 к, 50 л, 50 м, 50 н, 132. Ед. хр. 22

1-2. Опубликованные источники

Аполлова, Н. Г. Хозяйство, социальные отношения и политика царизма в Башкирии в первой половине XVIII в. / Н. Г.Аполлова, Н.В. Устюгов // Очерки по истории Башкирской АССР. – Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1956. – Том 1. Часть 1. – С. 124–161.

Археографическое введение / А. П. Чулошников // Материалы по истории Башкирской АССР. – М.:Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – Ч. I. – С. 65–68.

Багиров, М. Д. К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля / М. Д. Багиров // Большевик. –1950. – № 13. – С. 21–37.

Базилевич, К. В. Восстание в Москве в 1662 г. / К. В. Базилевич // Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 256–264.

Богоявленский, С. К. Приказные судьи XVII в. / С. К. Богоявленский.– М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1946. –316 с.

Булыгин, И. А. Башкирские восстания 2-й пол. 17 в. – 1-й пол. 18 в. / И. А. Булыгин // Советская историческая энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1962. – Т. Баал – Вашингтон. – Стб. 188–190.

В Институте истории Академии наук СССР (защита диссертаций) // Историк-марксист. – 1939. – № 3. – С. 218–219.

Вернер, И. И. О времени и причинах образования Московских приказов. / И. И. Вернер. – М.: Университетская типография, 1907. – 199 с.

Вяткин, М. П. Археографическое введение / М. П. Вяткин, Н. К. Дмитриев // Материалы по истории Казахской ССР. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – Т. IV. – С. 40–44.

Гузаирова, Т. Б. Научная сессия, посвящённая вопросам истории Башкирии и истории культуры башкирского народа / Т. Б. Гузаирова // Вопросы истории. – 1947. – № 11. – С. 141–143.

Демидова, Н. Ф. Рецензия на: Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1.Ч. 1. / Н.Ф.Демидова, Р. Б. Ахмеров // Вопросы истории. – 1957. – № 6. – С. 170–178.

Каменцева, Е. И. Русская метрология. / Е. И. Каменцева, Н. В. Устюгов. – М.: Высшая школа, 1965. – 256 с.

Каменцева, Е. И. Русская сфрагистика и геральдика / Е. И. Каменцева, Н. В. Устюгов. – М.: Высшая школа, 1963. – 224 с.

Колесников, П. А. Организация нижнесухонских носников в XVII в. /П. А. Колесников, Н. В. Устюгов // Русское государство в XVII в. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни. – М., 1961. – С. 181–200.

Кушева, Е. Н. Москва – политический и административный центр / Е. Н. Кушева, Н. В. Устюгов // История Москвы. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. I. – С. 534–576.

Ленин, В. И. Развитие капитализма в России / В. И. Ленин // Ленин В. И Полное собрание сочинений в 55 томах. – М.: Политиздат, 1971. – Т. 3. – С. 1–609.

Ленин, В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов / В. И. Ленин // Ленин В. И Полное собрание сочинений в 55 томах. – М.: Политиздат, 1967. –Т. 1. – С. 122–346.

Маркс, К. Капитал / К. Маркс, Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – М.: Гос. изд-во политической литературы, 1960. – Т. 23. – С. 43–787.

Морозов, М. А. Об «Истории Казахской ССР» / М. А. Морозов // Большевик. – 1945. – № 6. – С. 74–80.

Научная сессия, посвящённая 400-летию добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству // Вопросы истории. – 1957. – № 6. – С. 186–191.

Научно-теоретическая конференция о первоначальном накоплении в России // Исторические записки. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 54. – С. 420–429.

Нигматуллин, С. Н. О характере башкирского восстания 1735–1740 гг. / С. Н. Нигматуллин // Из истории Башкирии. –Уфа, 1963. – Ч. 2. – С. 44–58.

Новосельский, А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. / А. А. Новосельский. – М.:Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 446 с.

Новосельский, А. А. Введение / А. А. Новосельский // Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. – М.: Наука, 1955. – С. 5–27.

Павленко, Н. И. О некоторых сторонах первоначального накопления в России / Н. И. Павленко // Исторические записки. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 54. – С. 382–419.

Пештич, С. Л. Об одной ошибочной книге и некритической рецензии / С. Л. Пештич // Вестник Ленинградского университета. – 1951. – № 10. – С. 107–115.

Покровский, М. Н. Возникновение Московского государства и «великорусская народность» / М. Н. Покровский // Историк-марксист. – 1930. – Т. 18–19. – С. 14–29.

Покровский, М. Н. К истории СССР/ М. Н. Покровский // Историк-марксист. – 1930. – Т. 17. – С. 17–21.

Порталь Р. Башкирия в XVII – XVIII вв. / Р. Порталь. – Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2000. – 221 с.

Преображенский, А. А. Предприниматели Тумашевы в XVII в. /А. А. Преображенский, Н. В. Устюгов // Русское государство в XVII в. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни. – М., 1961. – С. 110–130.

Рубинштейн, Н. Л. Крепостное хозяйство и зарождение капиталистических отношений в XVIII в. / Н. Л. Рубинштейн // Учёные записки Московского университета. – 1946. – Вып. 87.

Сербина, К. Н. Рецензия на: Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. / К. Н. Сербина, А. И. Копанев, А. Г.Маньков // Вопросы истории. – 1956. – № 11. С. 165–169.

Сираев, З.И. О характере башкирских восстаний XVII - первой половины XVIII вв. /З. И. Сираев // Из истории Башкирии. –Уфа, 1963. – Ч. 2. – С. 5–23.

Соловьёв, С. М. Сочинения в 18 книгах. / С. М. Соловьёв. – М.: Мысль,1991. – Кн.VI. – 671 с.

Сперанский, А. Н. Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства. / А. Н. Сперанский. – М.: Ин-т истории РАНИОН, 1930. – 221 с.

Сталин, И. В. Об очередных задачах партии в национальном вопросе. Тезисы к X съезду РКП(б), утвержденные ЦК партии / И. В. Сталин // Сталин И. В. Сочинения. – М.: ОГИЗ; Гос. изд-во политической литературы, 1947. – Т. 5. – С. 15–29.

Сталин, И. В. Замечания о конспекте учебника по истории СССР / И. В. Сталин, С. М. Киров, А. А. Жданов // Сталин И. В. Сочинения. – М.: Изд-во «Писатель», 1997. – Т. 14. – С. 40–42.

Струмилин, С. Г. Рецензия на: Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. /С. Г.Струмилин // Вопросы истории. – 1958. – № 8. – С. 172–175.

Усманов, А. Н. Присоединение Башкирии к Русскому государству / А. Н. Усманов, Р. Г. Кузеев, Н. В. Устюгов // Очерки по истории Башкирской АССР. – Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1956. – Том 1. Часть 1. – С. 56–66.

Устюгов, Н. В. Башкирия / Н. В. Устюгов // Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 795–811.

Устюгов, Н. В. Башкирия / Н. В. Устюгов, С. М. Васильев // Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – С. 638–651.

Устюгов, Н. В. Башкирское восстание 1662–1664 гг. / Н. В. Устюгов // Исторические записки. – М.: Изд-во АН СССР, 1947. – Т. 24. – С. 30–110.

Устюгов, Н. В. Башкирское восстание 1735–1740 гг. / Н. В. Устюгов, Е. И. Каменцева // Очерки по истории Башкирской АССР. – Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1956. – Том 1. Часть 1. – С. 169–186.

Устюгов, Н. В. Башкирское восстание 1737–1739 гг. / Н. В. Устюгов. – М.:Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 153 с.

Устюгов, Н. В. В Институте истории Академии наук СССР / Н. В. Устюгов // Вопросы истории. – 1946. – № 8-9. – С. 151–154.

Устюгов, Н. В. Из истории металлургии Поморья в первой половине XVII в. / Н. В. Устюгов // Вопросы истории. – 1946. – № 2-3. – С. 127–132.

Устюгов, Н. В. Из истории русской крестьянской колонизации Южного Зауралья в XVIII в. / Н. В. Устюгов // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1958. – Таллин, 1959. – С. 33–42.

Устюгов, Н. В. Изменения в хозяйственном и социальном строе калмыков в конце XVIII–первой половине XIX в. Политика царизма в Калмыкии / Н. В. Устюгов, М. Л. Кичиков // Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. – М.: Наука, 1967. – С. 224–257.

Устюгов, Н. В. К вопросу о расслоении крестьянства в дореформенную эпоху / Н. В. Устюгов // Книга и пролетарская революция. – 1934. – № 9. – С. 56–57.

Устюгов, Н. В. К вопросу о социальном расслоении русской черносошной деревни XVII в. / Н. В. Устюгов // История СССР. – 1961. – № 6. – С. 60–79.

Устюгов, Н. В. Коми / Н. В. Устюгов // Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 775–786 .

Устюгов, Н. В. Коми край в период усиления феодально-крепостнического гнёта и складывания всероссийского рынка в XVII в. / Н. В. Устюгов // Очерки по истории Коми АССР. – Сыктывкар: Коми кн. изд., 1955. – С. 97–146.

Устюгов, Н. В. О волнении крепостных рабочих на шёлковой фабрике помещика Окулова в Бронницком уезде Московской губернии в декабре 1841 г. / Н. В. Устюгов // История пролетариата СССР. – 1933. – Сборник 4. – С. 207–213.

Устюгов, Н. В. О научной работе в архивах / Н. В. Устюгов // Устюгов Н. В. Научное наследие. – М.: Наука, 1974. – С. 246–247.

Устюгов Н. В. О характере башкирских восстаний XVII – первой половины XVIII вв. / Н. В. Устюгов // Материалы научной сессии, посвящённой 400-летию присоединения Башкирии к русскому государству. – Уфа, 1958. – С. 86–126.

Устюгов, Н. В. Основные черты русской колонизации Южного Зауралья в XVIII в. / Н. В. Устюгов // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1961. – С. 67–74.

Устюгов, Н. В. Очерк древнерусской метрологии / Н. В. Устюгов // Исторические записки. – М.: Изд-во АН СССР, 1946. – Т. 19. – С. 294–348.

Устюгов, Н. В. Работные люди на Сухоно-Двинском водном пути в первой половине XVII в. / Н. В. Устюгов // Исторические записки. – М.: Изд-во АН СССР, 1940. – Т. 6. – С. 167–194.

Устюгов, Н. В. Ремесло и мелкое товарное производство / Н. В. Устюгов // История Москвы – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 1. – С. 366–394.

Устюгов, Н. В. Ремесло и мелкое товарное производство / Н. В. Устюгов // Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 57–87.

Устюгов, Н. В. Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII в. / Н. В. Устюгов // Исторические записки. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. 34. – С. 166–197.

Устюгов, Н. В. Рецензия на: Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII в. / Н. В. Устюгов // Вопросы истории. – 1946. – № 10. – С. 117–119.

Устюгов, Н. В. Рецензия на: Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I / Н. В. Устюгов // Историк-марксист. – 1938. – № 1. – С. 145–147.

Устюгов, Н. В. Рецензия на: Прошлое Казахстана в источниках и материалах. / Под ред. С. Д. Асфендиарова и П. А. Кунте / Н. В. Устюгов // Историк-марксист. – 1936. – № 6. – С. 201–205.

Устюгов, Н. В. Рецензия на: Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII–начале XVIII века // Н. В. Устюгов / Вопросы истории. – 1947. – № 6. – С. 131–135.

Устюгов, Н. В. Саамы / Н. В. Устюгов // Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 771–775.

Устюгов, Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. / Н. В. Устюгов. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 336 с.

Устюгов, Н. В. Социально-экономические отношения в Башкирии во второй половине XVI и в XVII веке. Политика царизма. Феодальные движения / Н. В. Устюгов // Очерки по истории Башкирской АССР. – Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1956. – Том 1. Часть 1. – С. 81–123.

Устюгов, Н. В. Спорные вопросы истории Казахстана конца XVIII – первой половины XIX века / Н. В. Устюгов // Вопросы истории. – 1962. № 11. – С. 143–149.

Устюгов, Н. В. Увольнение крестьян в свободные хлебопашцы по духовному завещанию / Н. В. Устюгов // Труды Историко-архивного института. – М., 1947. – Т. 3. – С. 142–169.

Устюгов, Н. В. Финансы / Н. В. Устюгов // Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 411–439.

Устюгов, Н. В. Центральное управление. Приказы / Н. В. Устюгов // Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 366–384.

Устюгов, Н. В. Эволюция приказного строя Русского государства в XVII в. / Н. В. Устюгов // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.) Сб. статей к 70-летию со дня рождения и 45-летию научной и педагогической деятельности Б. Б. Кафенгауза. – М.: Наука, 1964. – С. 134–167.

Устюгов, Н. В. Экономическое развитие Русского государства в XVII в. и проблема складывания всероссийского рынка / Н. В. Устюгов // Устюгов Н. В. Научное наследие. – М.: Наука, 1974. – С. 18–74.

Фирсов, Н. А. Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве. / Н. А. Фирсов. – Казань: Типография Императорского Казанского ун-та, 1866. – 268 с.

Чернов, А. В. О классификации центральных государственных учреждений XVI – XVII вв. / А. В. Чернов // Исторический архив. – 1958. – № 1. – С. 195–201.

Чулошников, А. П. Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII в. /А. П. Чулошников // Материалы по истории Башкирской АССР. – М.:Л.:Изд-во АН СССР, 1936. – Ч. I. – С. 3–64.

Шунков, В. И. Ремесло в Пскове и Новгороде по данным сыска 1639–1640 гг. /В. И. Шунков // Исторические записки. – 1939. – Т. 5. – С. 102–117.

Шунков, В. И. Рецензия на: Н. В. Устюгов. Башкирское восстание 1737-1739 гг. /В.И. Шунков // Вопросы истории. – 1950. – № 9. – С. 144–146.

Яцунский, В. К. Основные этапы генезиса капитализма в России /В. К. Яцунский //История СССР. – 1958. – № 5. – С. 59–91.

Яцунский, В. К. Рецензия на: Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. / В. К. Яцунский // История СССР. – 1958. – № 1. – С. 193–196.

Portal, R. A propos du sel / R.Portal // Revue historique. – 1958. – T. 219. № 446. – Pp. 322–327.

2. Исторические источники.

2-1. Неопубликованные источники

Архив РАН (АРАН).

Ф. 350 – Коммунистическая академия.

Оп. 3. Д. 318.

Ф. 1535 – Николай Владимирович Устюгов.

Оп. 2. Ед. хр. 7, 12, 41, 48, 49, 50

Оп. 3. Ед. хр. 19, 83, 84, 91, 94, 95, 101, 102, 109.

Оп. 4. Ед. хр. 13, 22, 85, 228, 270.

Государственный архив Томской области

Ф. 102. – Томский университет (1888–1919)

оп. 7. Д. 479.

Научный архив Института российской истории РАН (НА ИРИ РАН).

Ф. 10.

Ед. хр. 29, 43, 45.

Центральный архив Министерства обороны РФ

Ф. 33.

Оп. 690155. Ед. хр. 69. Электронный ресурс // URL: http://podvignaroda.mil.ru/?#id=34128000&tab=navDetailDocument (дата обращения 20. 01. 2015).

2-2. Опубликованные источники

Баграмян, И. Х. Так шли мы к победе / И. Х. Баграмян. – М.: Воениздат, 1977. – 608 с.

Батаева, Т. В. "Наш набор 1945 г. был первым послевоенным…" Воспоминания об Историко-архивном институте /Т. В. Батаева // Отечественные архивы. – 2005. – № 1. – С. 88–110.

Гражданин У-ский. Приходские «дельцы» / Гражданин У-ский // Оренбургский церковно-общественный вестник. – 1917. 12 июля. № 27. – С. 4.

Дмитриев, С. С. Из дневников / С. С. Дмитриев // Отечественная история . – 1999. –№ 3. – С. 142–169.

Екатерина Николаевна Кушева – Борис Александрович Романов. Переписка. 1940 – 1953 годов. / Е. Н. Кушева, Б. А. Романов. – СПБ.: Лики России, 2010. – 480 с.

Закс, А. Б. Факультет общественных наук МГУ (1921-1924): Из воспоминаний историка /А. Б. Закс // Археографический ежегодник за 1993 г. – М.: Наука, 1995. – С. 197–202.

Зимин, А. А. Храм науки / А. А. Зимин, А. Л. Хорошкевич // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века. – М.: Аквариус, 2015. – С. 35–382.

Из воспоминаний об Историко-архивном институте. Интервью Н. Ф. Демидовой А. Ю. Клименко и Е. В. Пчёлову /Н. Ф. Демидова, А. Ю. Клименко, Е. В. Пчёлов // Гербовед. –2007. – № 95. – С. 8–18.

Историко-архивный институт. Сборник воспоминаний [Электронный ресурс] / А. Ю. Клименко, Р. В. Овчинников // Режим доступа: http://iai.rsuh.ru/section.html?id=9512 (дата обращения 20. 01. 2015 г.).

Каменцева, Е. И. Первые годы работы кафедры вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института / Е. И. Каменцева // Гербовед. – 2004. – № 75. – С. 8–11.

Каменцева, Е. И. Письма историка с фронта / Е. И. Каменцева // Советская историография отечественной истории. –М.: МГИАИ,1988. – С. 77–97.

Ковальчук, Н. А. «Историко-архивный институт стал моим родным домом» /Н. А. Ковальчук // Отечественные архивы. –2003. – № 4. – С. 74–97.

Кушева, Е. Н. Воспоминания / Е. Н. Кушева // Отечественная история. – 1993. – № 4. – С. 126–152.

Неусыхин, А. И. Несколько воспоминаний о встречах с Н. В. Устюговым /А. И. Неусыхин // Города феодальной России. Сборник статей памяти Н. В. Устюгова. – М.: Наука, 1966. – С. 23–25.

Павленко, Н. И. Воспоминания историка / Н. И. Павленко / Родина. – 2010. – № 8. – С. 32–34.

Павленко, Н. И. Воспоминания историка / Н. И. Павленко / Родина. – 2010. – № 10. – С. 22–24.

Письма В. И. Шункова к Н. В. Устюгову и С. В. Бахрушину / С. В. Бахрушин, Н. В. Устюгов, В. И. Шунков // Археографический ежегодник за 2011 г. – М.: Наука, 2014. – С. 455–480.

Постановление жюри правительственной комиссии конкурса на лучший учебник по истории СССР для 3 и 4 классов средней школы // Исторический журнал. – 1937. – № 8. – С. 1–5.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» // Историк-марксист. – 1934. – № 3. – С. 83–84.

Постановление ЦК ВКП (б) «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в башкирской партийной организации» //

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.: Политиздат, 1985. – Т. 7. – С. 539–544.

Преображенский, А. А. Из воспоминаний об учителе /А. А. Преображенский // Аграрная история Европейского Севера СССР. – Вологда [Б.и], 1970. – С. 48–56.

«Студенты просят, чтобы органы НКВД навели в институте большевистский порядок» / Т. И. Хорхордина, В. Ю. Романова // Новый исторический вестник. – 2002. – № 6 . [Электронный ресурс] – С. 140–174.

Чемерис, В. П. Несколько лет из прошлого: время, события, люди [Электронный ресурс] / В. П. Чемерис. – Режим доступа: http://posredi.ru/blog08_20_BFAN_1951-1954.html (дата обращения: 31 июля 2015 г.).

Черепнин, Л. В. Моя жизнь. Воспоминания. Комментарии. Приложения / Л. В. Черепнин. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – Т. 1. – 400 с.

Литература

Монографии, научные статьи

Акманов, И. Г. Изучение истории башкир второй половины XVI–XVIII вв. / И. Г. Акманов, И. М. Гвоздикова // История башкирского народа. –Уфа: Гилем, 2011. – Том III. – С. 7–21.

Алексеева, Г. Д. Октябрьская революция и историческая наука в СССР (1917–1923) / Г. Д. Алексеева. – М.: Наука, 1968. – 300 с.

Алипов, П. А. Жанр интеллектуальной биографии в современной российской историографии / П. А. Алипов // Будущее нашего прошлого. Материалы Всероссийской научной конференции: РГГУ, 15–16 июня 2011 г. – М., 2011. – С. 7–20.

Алымов, С. С. Космополитизм, марризм и прочие «грехи»: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940-х–1950-х гг. / С. С. Алымов // Новое литературное обозрение. – 2009. – № 97. – С. 7–36.

Ананьев, В. Г. Александр Николаевич Сперанский: материалы к научной биографии / В. Г. Ананьев // Вестник РГГУ. – 2011. – № 12. – С. 49–58.

Ананьич, Б.В. Следствие в Москве по «Академическому делу» 1929–1931 / Б. В. Ананьич, В. М. Панеях // Русский исторический журнал. – 1999. – Т. II. № 3. – С. 93–113.

Андреев, Д. А. «Красное студенчество» в 1921-1924 гг.: контуры образа / Д. А. Андреев // Диалог со временем. – 2007. – Выпуск 20. – С. 270–285.

Афанасьев, Ю. Н. Феномен советской историографии / Ю. Н. Афанасьев // Советская историография. – М.: РГГУ, 1996. – С. 7–41.

Барсенков А. С. Советская историческая наука в послевоенные годы (1945–1955) /А. С. Барсенков – М.: Изд-во Мос. ун-та, 1988. –139 с.

Бурдей Г. Д. Историк и война / Г. Д. Бурдей. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1991.– 264 с.

Бущик Л. П. Очерк развития школьного исторического образования в СССР / Л. П. Бущик. – М.: Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1961. – 540 с.

Воронков В. М. Проект «шестидесятников»: движение протеста в СССР / В. М. Воронков // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России. – М.: Новое литературное обозрение , 2005. – С. 168–200.

Гордон А. В. Власть и революция. Советская историография Великой французской революции, 1918 – 1941 / А. В. Гордон. – Саратов: Научная книга, 2005. – 249 с.

Горская Н. А. Русская феодальная деревня в историографии XX века / Н. А. Горская. – М.: Памятники исторической мысли, 2006. – 360 с.

Гришина, Н. В. «Школа В. О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре / Н. В. Гришина. – Челябинск : Энциклопедия, 2010. – 288 с.

Данилова, Л. В. Изучение истории России в период позднего феодализма / Л. В. Данилова, Ю. Р. Клокман // Очерки истории исторической науки в СССР. – М.: Наука, 1985. – Т. V. – С. 187–243.

Демидова, Н. Ф. Предисловие / Н. Ф. Демидова // Устюгов Н. В. Научное наследие. – М.: Наука, 1974. – С. 5–10.

Демидова, Н. Ф. Предисловие / Н. Ф. Демидова // История форм труда в Русском государстве в первой половине XVII в. – М.: Ин-т истории СССР, 1988. – Выпуск 1. – С. 3–9.

Дёмина, Т. А. Проблемы истории крестьянства Южного Зауралья в научном наследии Н. В. Устюгова / Т. А. Дёмина // Советская историография отечественной истории. – М.: МГИАИ, 1988. – С. 98–109.

Дмитриев, А. Н. «Академический марксизм» 1920–1930-х гг. и история Академии. Случай А. Н. Шебунина / А. Н. Дмитриев // Новое литературное обозрение. – 2002. – № 2 (54). – С. 29–60.

Дубровский, А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930 -1950-е гг.) / А. М. Дубровский. – Брянск: Изд-во Брянского гос. ун-та им. И. Г. Петровского, 2005. – 800 с.

Дубровский, А. М. С. В. Бахрушин и его время. / А. М. Дубровский. – М.: РУДН, 1992. – 165 с.

Духовенство и церковные деятели по публикациям Оренбургских епархиальных ведомостей за 1912–1917 гг. /А.Г. Щегольков. – Челябинск, 2012. – Т. 4. – 368 с.

Иванова, Л. В. У истоков советской исторической науки: подготовка кадров историков-марксистов в 1917–1929 гг. / Л. В. Иванова. – М.: Мысль, 1968. – 197 с.

Историческая наука России в XX веке /Г. Д. Алексеева. – М.: Скрипторий, 1997. – 563 с.

Каменцева, Е. И. Работа Н. В. Устюгова в области вспомогательных исторических дисциплин / Е. И. Каменцева // Археографический ежегодник. – 1968. – М.: Наука, 1970. – С. 281–285.

Кобрин, В. Б. С. Б. Веселовский. Жизнь. Деятельность. Личность / В. Б. Кобрин, К. А. Аверьянов. – М.: Наука, 1989. – 75 с.

Комиссаренко, А. И. Николай Владимирович Устюгов – участник сессий симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. 1958–1963 гг. / А. И. Комиссаренко // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы:

историография, методы исследования, методология, опыт и перспективы. – Вологда: Изд-во ВГПУ, 2009. – Кн. 1. – С. 30–39.

Комиссаренко, А. И. Формирование и развитие научной школы Николая Владимировича Устюгова в историко-архивном институте Российского государственного гуманитарного университета / А. И. Комиссаренко // Историческая наука на рубеже веков. – Екатеринбург: НПМП «Волот», 2000. – С. 242–252.

Кривошеев, Ю. В. Изгнание науки: Российская историография в 20-х – начале 30-х годов XX века / Ю. В. Кривошеев, А. Ю. Дворниченко // Отечественная история. – 1994. – № 3. – С. 143–158.

Кристенсен, С. О. История России XVII в. Обзор исследований и источников / С. О. Кристенсен. – М.: Прогресс, 1989. – 256 с.

Лисейцев, Д. В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты / Д. В. Лисейцев. – М.:Тула: Гриф и К, 2009. –792 с.

М. П. Вяткин. Страницы жизни и работы. К 110-летию со дня рождения/ С. И. Потолов. – СПб.: Нестор-история, 2007. – 148 с.

Майдачевский, Д. Я. Учёная комиссия по истории труда в России (1921–1925): опыт институционализации экономической истории /Д. Я. Майдачевский // Археографический ежегодник. – 2004. – М.: Наука, 2005. – С. 13–29.

Мартин, Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. / Т. Мартин, О. Р. Щёлокова. – М.: РОССПЭН, 2011. – 662 с.

Михайлова, Н. Г. Н. В. Устюгов как педагог (По материалам Архива АН СССР) / Н. Г. Михайлова // Устюгов Н. В. Научное наследие. – М.: Наука, 1974. – С. 11–17.

Михайлова, Н. Г. Обзор документальных материалов фонда Н. В. Устюгова / Н. Г. Михайлова // Археографический ежегодник. – 1968. – М.: Наука, 1970. – С. 395–400.

Михайлова, Н. Г. Переписка военных лет Н. В. Устюгова в Архиве АН СССР / Н. Г. Михайлова // Аграрная история Европейского Севера СССР. – Вологда, 1970. – С. 57–63.

Михальченко, С. И. О школах и направлениях в исторической науке / С. И. Михальченко // XXI век: актуальные проблемы исторической науки. Материалы международной научной конференции, посвящённой 70-летию исторического факультета БГУ. Минск, 15–16 апреля 2004 г. – Минск: БГУ, 2004. – С. 38–39.

Мохначёва, М. П. Источники по истории становления и развития историографии в МГИАИ – ИАИ РГГУ. Статья первая / М. П. Мохначёва // Вестник РГГУ. – 2009. – № 4. – С. 23–47.

Мухамедьяров, Ш. Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства / Ш. Ф. Мухамедьяров. – Казань: Ихлас; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. – 277 с.

Назаров, В. Д. Лев Владимирович Черепнин / В. Д. Назаров // Портреты историков: время и судьбы. – М.: Университетская книга; Иерусалим: Гешарим, 2000. – Т. 1. – С. 285–303.

Очерки истории отечественной исторической науки XX века / В.П. Корзун. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. – 684 с.

Панеях, В. М. М. Н. Тихомиров в «Академическом деле» 1930 г. / В. М. Панеях // Археографический ежегодник за 1993. – М.: Наука,1995. – С. 36–39.

Панеях, В. М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. / В. М. Панеях. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – 449 с.

Первенцев, Г. Н. Московские ополченцы в боях за Родину / Г. Н. Первенцев // Провал гитлеровского наступления на Москву. 25 лет разгрома немецко-фашистских войск под Москвой. – М.: Наука, 1966. – С. 288–304.

Петров, К. В. Исследовательские школы по изучению истории Зауралья феодального периода: современное состояние / К. В. Петров // Россия и мир: панорама исторического развития. – Екатеринбург: НПМП «Волот», 2008. – С. 154–160.

Пихоя, Р. Г. Востребованная временем история. Отечественная историческая наука в 20-30-е годы XX века / Р. Г. Пихоя // Новая и новейшая история. – 2004. – № 2. – С. 28 –53.

Преображенский, А. А. Историк об историках России XX столетия. /А. А. Преображенский. – М.: Русское слово, 2000. – 319 с.

Преображенский, А. А. Николай Владимирович Устюгова /А. А. Преображенский // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. – М.: Наука, 1965. – Сб. VI. – С. 3–14.

Преображенский, А. А. Творческий путь Николая Владимировича Устюгова / А. А. Преображенский // Города феодальной России. Сборник статей памяти Н. В. Устюгова. – М.: Наука, 1966. – С. 7–22.

Преображенский А. А. Устюгов Николай Владимирович / А. А. Преображенский // Историки России: биографии. – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 714–720.

Простоволосова, Л. Н. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. Учеб. пособие. / Л. Н. Простоволосова, А. Л. Станиславский. – М.: МГИАИ, 1990. – 71 с.

Пчёлов Е. В. Е. И. Каменцева: начало научного пути / Е. В. Пчёлов // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Материалы XXII Международной научной конференции. – М.: РГГУ, 2010. – С. 324–327.

Репина, Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. / Л. П. Репина. – М.: Кругъ, 2011. – 560 с.

Репина, Л. П. История исторического знания. / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. – М.: Дрофа, 2004. – 288 с.

Саблин, В. А. Пётр Андреевич Колесников. Этапы творческого пути / В. А. Саблин // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2008. – № 1. – С. 112–121.

Серова, Е. А. Историко-археографический институт Академии наук СССР (1931–1936 гг.) / Е. А. Серова // История и историки. – 1976. – М.: Наука, 1979. – С. 361–378.

Сидорова, Л. А. Советская историческая наука середины XX в.: синтез трёх поколений историков. / Л. А. Сидорова. – М.: ИРИ РАН, 2008. – 296 с.

Скворцов, А. М. Историческое образование в первое десятилетие советской власти: основные векторы развития / А. М. Скворцов, Н. В. Гришина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 2. История. Выпуск 62. – С. 49–56.

Сушко, А. В. Духовные семинарии в России до 1917 г. / А. В. Сушко // Вопросы истории. – 1996. – № 11–12. – С. 107–114.

Тихонов, В. В. Из истории идеологических кампаний в советской исторической науке: сборник «Петр Великий» и судьба его авторов / В. В. Тихонов // История и историки. 2009–2010. Историографический вестник. – М.: Гриф и К, 2012. – С. 118–133.

Тихонов, В. В. Историк «старой школы»: Научная биография Б. И. Сыромятникова. / В. В. Тихонов. – Pisa: Plus-pisa university press, 2008. – 180 с.

Тихонов, В. В. Историки, идеология, власть в России XX века: Очерки. / В. В. Тихонов. – М.: ИРИ РАН, 2014. – 218 с.

Тихонов, В. В. Московские историки первой половины XX века. / В. В. Тихонов. – М.: ИРИ РАН, 2012. – 389 с.

Тихонов, В. В. Советские историки и переосмысление национальных историй в последнее сталинское десятилетие / В. В. Тихонов // Советские нации и национальная политика в 1920-е–1950-е гг.: Материалы VI Международной научной конференции. Киев, 10–12 декабря 2013 г. – М.: Политическая энциклопедия, Фонд «Президентский центр Бориса Ельцина», 2014. – С. 239–242.

Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. / В. П. Корзун. – М.: РОССПЭН, 2011. – 470 с.

Троицкий, С. М. Николай Владимирович Устюгов как историк Европейского Севера СССР / С. М. Троицкий // Аграрная история Европейского Севера СССР. – Вологда, 1970. – С. 27–47.

Усачёв, А. С. «Longue durèe» советской историографии / А. С. Усачёв // Общественные науки и современность. – 2002. – № 2. – С. 102–113.

Федюкин, С. А. Советская интеллигенция в 20-х гг. / С. А. Федюкин // Изменения социальной структуры советского общества 1921 – середина 30-х гг. – М.: Мысль, 1979. – С. 146–175.

Филиппова, Т. П. Документальные источники по истории развития исторических исследований в Коми филиале АН СССР / Т. П. Филиппова, Э. Г. Чупрова // Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия. – М.: АРАН, 2013. – С. 507–513.

Циприс, Л. А. И снова об Устюгове / Л. А. Циприс // Выдающиеся представители общественно-политической и духовной жизни Урала: тезисы докладов региональной научой конференции. – Челябинск, 1997. – С. 85–87.

Чанбарисов, Ш. Х. Формирование советской университетской системы. / Ш. Х. Чанбарисов. – Уфа: Баш. кн. изд-во, 1973. – 471 с.

Черепнин, Л. В. К 10-летию со дня смерти Н. В. Устюгова / Л. В. Черепнин // Черепнин Л. В. Отечественные историки XVIII–XX вв. – М.: Наука, 1984. – С. 314–315.

Черепнин, Л. В. С. В. Бахрушин как учитель. К 65-летию со дня рождения / Л. В. Черепнин // Черепнин Л. В. Отечественные историки XVIII – XX вв. – М.: Наука, 1984. – С. 286–293.

Чернобаев А. А. "Профессор с пикой", или Три жизни историка М.Н. Покровского. / А. А. Чернобаев. – М.: Лит., 1992. – 234 с.

Чистякова, Е. В. Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965). / Е. В. Чистякова. – М.: Наука, 1987. – 160 с.

Швейковская, Е. Н. К пятидесятилетию Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы / Е. Н. Швейковская // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография, методы исследования, методология, опыт и перспективы. – Вологда: Изд-во ВГПУ, 2009. – Кн. 1. – С. 7–20.

Шмидт, С. О. Архивный документ как историографический источник / С. О. Шмидт // Шмидт С. О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М.: РГГУ, 1997. С. 177–205.

Юрганов, А. Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. / А. Л. Юрганов. – М.: РГГУ, 2011. – 765 с.

Диссертации, авторефераты

Базанов М. А. Александр Александрович Зимин: биография историка в контексте развития отечественной науки: дис. … канд. ист. наук / Базанов Михаил Александрович. –Екатеринбург, 2014. – 283 с.

Кефнер, Н. В. Научная повседневность послевоенного поколения советских историков: дис. … канд. ист. наук / Кефнер Наталья Валерьевна. – Омск, 2006. – 330 с.

Мандрик, М. В. Юрий Владимирович Готье 1873–1943: дисс… канд. ист. наук. / Мандрик Мария Вячеславовна. – СПб., 2000. – 302 с.

Перковская, Г. А. Развитие исторического образования в университетах России во второй половине XVIII – начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук. / Перковская Галина Алексеевна. – Ставрополь, 2005. – 260 с.

Салазникова, С. С. Антибольшевистские правительства Урала и Сибири в период «демократической контрреволюции»: январь-ноябрь 1918 г.: автореф. дис… канд. ист. наук. / Салазникова Светлана Сергеевна. – Екатеринбург, 2005. – 24 с.

Фешкин, В. Н. Жизнь и научная деятельность М. К. Любавского в г. Уфе: 1931–1936 гг.: дис. … канд. ист. наук. / Фешкин Вячеслав Николаевич. – Уфа, 2009. – 207 с.

Чистова, С. М. Отечественная историография городского ремесленного производства России: дис. … канд. ист. наук. / Чистова Светлана Михайловна. – М., 2010. – 345 с.

Шаров, А. В. Творческий путь и научное наследие академика Бориса Александровича Тураева: дис. … канд. ист. наук. / Шаров Александр Валерьевич. – М., 1999. – 248 с.

Юсупов, Р. Г. История становления и развития Башкирского филиала Академии наук СССР: дис. … канд. ист. наук. / Юсупов Рахимьян Галимьянович – М., 2004. –251 с.